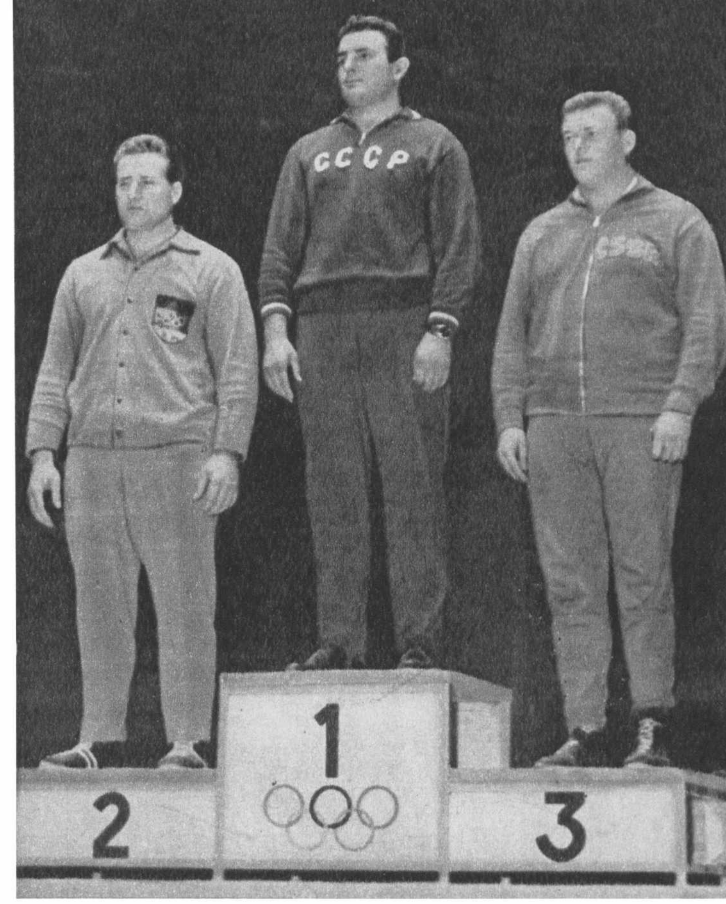

НАЧИНАЕМ ПЕЧАТАТЬ ПОВЕСТЬ
Н. АСАНОВА
«МАДОННА
БЛАГОРОДНАЯ»
Ник. Кружков. — ЧТО ЖЕ
ТАКОЕ ПОРЯДОЧНЫЙ
ЧЕЛОВЕК?..
ОГОНЁК
№ 38 СЕНТЯБРЬ 1960
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

На снимках сверху вниз:

Он стал олимпийским чемпионом. Тепло встретили победу Виктора Капитонова любители велоспорта.

Сейчас начнется соревнование сильнейших метательниц мира. Эльвира Озолина готовится.

В упорной борьбе завоевала победу в беге на 80 метров с барьерами Ирина Пресс (крайняя справа).

Олимпийские победители. Мастера классической борьбы. Слева направо: В. Дитрих (Германия), олимпийский чемпион И. Богдан (СССР) и К. Кубат (Чехословакия).

На пьедестале почета победительницы соревнований по прыжкам в длину. Слева направо: Э. Кшесиньская (Польша), Вера Крепкина (СССР), Х. Клаус (Германия).

Фото Дм. Бальтерманца и Ассошиэйтед Пресс.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 38 (1735)

18 СЕНТЯБРЯ 1960

38-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

НА ВЫСОТАХ

В. ВИКТОРОВ,

А. СОФРОНОВ

Последним рывком феноменального русского богатыря Юрия Власова XVII Олимпийские игры были подняты на такие спортивные высоты, каких еще не видело человечество за все время своего существования. Этот большой, но не громоздкий молодой человек в очках символически вознес мировой спорт на заоблачные вершины. А, как известно, путь к вершинам всегда нелегок. Побеждают только наиболее сильные, физически подготовленные и духовно окрыленные люди. Такими оказались советские спортсмены.

Один из руководителей американского спорта, мистер Барак, сказал после заключительного дня легкоатлетических состязаний на стадионе «Форо Италико»: «Эти игры были последней нашей возможностью победить советских спортсменов. Больше такой возможности у нас не будет». Не хочется спорить с мистером Бараком, ему виднее. Думается, что в одном все же мистер Барак ошибается. Победить советских спортсменов и на этих Олимпийских играх у американцев уже не было возможности. И совсем не потому, что советские спортсмены непобедимы во всех видах спорта. Совсем нет. Игры как раз показали, что наряду с победами мы еще не готовы состязаться в полную силу по некоторым видам спорта. Достаточно назвать хотя бы плавание. Но не в этом дело. Дело в том, что мы заставили «королеву спорта», какой всегда считали легкую атлетику, обратить на нас благосклонное внимание. Нам рассказывали о крупном выигрыше одного французского журналиста, заключившего пари на то, что советские спортсмены завоюют не меньше 10 золотых медалей по легкой атлетике. Пари французский журналист выиграл. Наши легкоатлеты и легкоатлетки завоевали 11 золотых медалей. Журналист получил 150 бутылок коньяка «Мартель». При разумном употреблении ему хватит этого выигрыша до следующих Олимпийских игр, которые будут проходить в 1964 году в Токио.

Торжественное закрытие Олимпийских игр на стадионе «Форо Италико». Когда погас олимпийский огонь, на трибунах зажглись тысячи факелов.

ОЛИМПИЙСКИХ

Вероятно, там азартные спорщики будут более осторожными.

Нам в Риме не раз предоставлялась возможность поражаться удивительной способности представителей западного мира забывать недавние поражения и в силу еще не вытравившейся привычки властвовать повсюду пытаться распространить эту власть и на арены спортивных состязаний. Еще, казалось, в памяти должны были остаться поражения американцев на Олимпийских играх в Мельбурне, а уже здесь, в Риме, ряд деятелей да и органов итальянской реакционной печати попытались представить наших спортсменов некоей «географической новостью». Но это было на первых порах. Вскоре стало ясно, что из этого ничего не выйдет. А раз так, в действие вступили испытанные не один раз методы. Методы эти несложны. Ими некоторые «деятели» пользовались в 1952 году в Хельсинки, отчасти в Мельбурне и частично пытались применить их в Риме. Знакомый итальянский журналист сказал нам: «Возможно, к очередным Олимпийским играм будут изобретены какие-либо электронные аппараты, которые избавят зрителей от несправедливых и нечестных судей в тех видах спорта, где еще оценку соревнований дают люди в зависимости от своих политических и личных симпатий и антипатий». С ним оставалось только согласиться. Действительно, порой пристрастное судейство приводило зрителей в неистовство. Так было, например, в финальной встрече между боксерами Валасеком (Польша) и Круком (Соединенные Штаты Америки). Крук попытался подавить Валасека в первом раунде внешне эффектными ударами, которые, однако, не достигали цели. Валасек, еще в первом раунде охладив пыл американского боксера, во втором раунде прибавил к этому охлаждению еще несколько градусов, а в третьем привел Крука в состояние хорошо вываренной макаронины. Крук весь третий раунд спасался только тем, что висел на Валасеке, не давая возможности польскому боксеру нанести решающего удара. Когда кончился бой, сомнений ни у кого не было. Победа была настолько явной, что все шумно приветствовали Валасека. И вдруг судья поднял руку Крука. Мы немало слышали свиста на стадионах, но такой, какой взвился во Дворце спорта в Риме, пожалуй, слышали в первый раз.

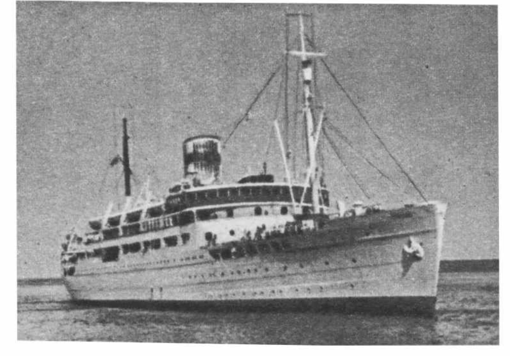
На другой день даже самые сдержанные газеты были вынуждены высказаться по поводу необъективного судейства...

Прощаясь с Римом, его гости обычно поднимаются к памятнику Гарибальди. Оттуда, с вершины высокого холма, огромный город, в котором так причудливо соединились старина и современность, виден весь — от района Фламинио до района ЭУР, где были сосредоточены спортивные сооружения Олимпийских игр. Но гости XVII римской Олимпиады — участники этих крупнейших международных соревнований, многочисленные журналисты из самых разных стран и еще более многочисленные болельщики — оказались в нелегком положении. С какой вершины могли они окинуть одним взглядом необозримые просторы мирового спорта, раскинувшиеся перед ними? Нет, тут

Окончание на стр. 6—7.

Николай ТИХОНОВ

НАРОДЫ

Двадцатое сентября этого года будет знаменательным днем. В этот день в Нью-Йорке начнет свою работу XV сессия Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций.

Огромные ожидания и надежды народов связаны с ней. По-видимому, ей суждено стать самым выдающимся событием за все время существования Организации Объединенных Наций.

В ее повестке дня стоят вопросы, которые должны быть решены в первую очередь и решение которых имеет огромную важность для всего человечества.

Таким вопросом является проблема всеобщего и полного разоружения. Только год назад в этом же зале ООН прозвучали слова главы Советского правительства Н. С. Хрущева, который представил на всеобщее обсуждение четырехлетний план полной ликвидации всех средств войны, всех армий. Этот план был встречен всеобщим сочувствием. Он отозвался на всем земном шаре как благая весть, как великая надежда на всеобщий мир.

Ассамблея тогда же приняла резолюцию, призывающую к немедленному рассмотрению этого плана для проведения его в жизнь. Мы знаем, как в Комитете десяти западные государства превратили обсуждение его в безнадежные переговоры, которые никуда не вели. Потом стало ясно, что западные страны создали положение, из которого не было выхода к реальному осуществлению плана, предложенного Н. С. Хрущевым в ООН.

А между тем сейчас невозможно больше откладывать самое серьезное обсуждение этого вопроса.

Неутомимый борец за мир, человек исключительного понимания того, чего хочет человечество, ведущий непрерывную битву за мир для всех народов, глава Советского правительства Никита Сергеевич Хрущев предложил, чтобы делегации стран — членов ООН были возглавлены на Ассамблее руководителями правительств или государственными деятелями, имеющими самые большие полномочия.

Делегацию Советского Союза возглавляет Никита Сергеевич Хрущев. Страны социалистического лагеря представлены виднейшими руководителями этих государств.

Инициатива Советского Союза нашла глубокое сочувствие в странах Африки и Азии. Самые большие государственные деятели будут участвовать в обсуждении этого мирового вопроса. Такого еще не видел зал заседаний ООН. Он не видел и посланцев многих новых самостоятельных государств, которые войдут в эти стены как представители народов освобождающейся от колонизаторских цепей Африки. На этой сессии ООН предстоит принять в члены Организации четырнадцать новых государств Африки.

Впервые с такой убедительной силой народы, стоящие за немедленное разрешение самого основного вопроса — вопроса всеобщего и полного разоружения, будут демонстрировать свое единство перед лицом тех, которые хотят во что бы то ни стало снять этот вопрос с повестки дня, кто хочет продолжать гонку вооружений и толкать мир к краю пропасти. Представители этих мрачных сил ищут, какими бы хитрыми и коварными ходами уклониться от священной обязанности — найти реальный путь, начать реальное решение наиважнейшей для жизни человечества проблемы.

ЖДУТ

Мы не сомневаемся, что представители единого лагеря социализма, представители народов Азии и Африки, вступившие на путь свободного и независимого существования, на весь мир заявят свое непреклонное решение и требование — не откладывая больше, решить проблему разоружения.

Индия внесла вопрос о приостановке ядерных и термоядерных испытаний. Этот вопрос непосредственно примыкает к проблеме разоружения, и решение его успокоит народы, над которыми темные силы хотят простереть тень ядерной, истребительной войны.

Вопрос об угрозе всеобщему миру, создаваемой агрессивными действиями США против Советского Союза, внесен на обсуждение Ассамблеи, потому что этот вопрос принадлежит к наиважнейшим и требует немедленного серьезного рассмотрения.

Всем видно, что международная обстановка за последнее время обострилась. ООН, как международная организация, которую долго и справедливо упрекали в уклонении от решения самых главных проблем, в покровительстве таким силам, чьи действия шли вразрез с мирными намерениями и усиливали международное напряжение, сегодня, обновленная новыми членами — делегатами вновь родившихся независимых государств, укрепленная присутствием глав правительств, в состоянии говорить о самом главном. ООН в состоянии принимать решения, которые в самом лучшем смысле повлияют на жизнь народов мира, укрепят их великие надежды на улучшение международного положения.

В эти дни все люди на земле будут с надеждой и вниманием следить за работой делегаций девяноста семи стран, представляющих народы всех материков. Потому что от решений Ассамблеи зависит будущее — прояснится ли его горизонт или новые тучи закроют начавшие проясняться дали. Ассамблея ООН будет поистине историческим событием: она должна быть победой сил мира и дружбы народов!

Кривой Рог

...Мы, горняки, добываем железную руду и чувствуем себя в одном строю с дорогим Никитой Сергеевичем Хрущевым, в прошлом тоже горняком. Наши сердца всегда с ним. Он борется против войны, думает о нас, заботится обо всех людях земли. Мы думаем о нем и делаем свое дело. В этом единстве наша сила и залог торжества мира во всем мире.

Бригадир проходчиков шахты «Гигант»,
Герой Социалистического Труда
Александр Афанасьевич РОСТАЛЬНЫЙ.

Киев

От всего сердца желаем дорогому Никите Сергеевичу успехов в его благородной миссии — отстоять мир для народов. Мы, советские ученые, не пожалеем сил, чтобы внести и свой вклад в доброе дело дальнейшего развития науки, в использование ее достижений в мирных целях.

Да здравствует мир во всем мире и его знаменосец — наша великая Родина!

Доктор биологических наук
Андрей Илларионович ЗРАЖЕВСКИЙ.

Таллин

Я мать, все мои дети учатся: Рэзд — в Таллинской консерватории, Мари — в Тартуском университете, Анни — в Ленинградском театральном институте, а маленький Юссь—пока еще в школе. Мне и моей семье, как и всем трудовым семьям на земном шаре, нужен мир.

Я от всего сердца желаю счастливого пути Никите Сергеевичу Хрущеву и всем сердцем надеюсь, что он добьется успеха в его большом и нелегком деле.

Линда ВИЙДИНГ, домашняя хозяйка.

Всенародная поддержка, непреклонная воля к миру миллионов советских людей — вот на что будет опираться в своей великой миссии Никита Сергеевич Хрущев.

← На снимке: калининградцы провожают посланца мира в исторический рейс.

Фото С. Смирнова.

МИРНЫЙ КУРС

Не страшен никакой девятый вал
И никакие бури не страшны:
В уверенных руках находится штурвал
Могучей, мирной, трудовой страны!

С. Михалков

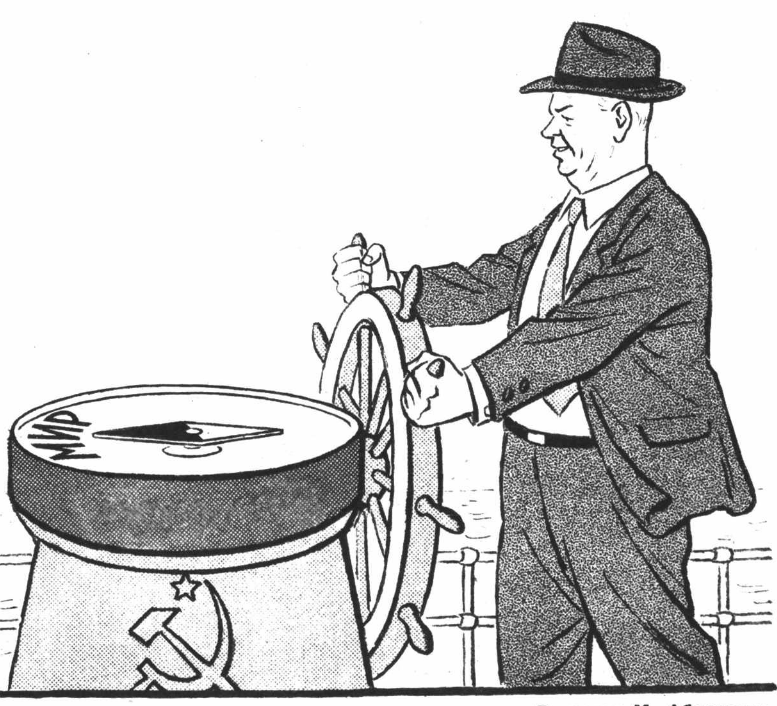

Рисунок М. Абрамова.

Бригада Сергея Аникеева возвращается после смены.

Возвращаясь домой после смены, мы идем прекрасным, цветущим садом. Вы скажете, сад — это мелочь. Но такие мелочи и делают наш труд радостным. И мы хотим, чтобы никто и никогда не омрачал радости нашего труда.

Вся наша бригада учится. Скоро многие станут техниками, а кое-кто инженерами. Но каждый из нас знает: наше будущее, все наши мечты может обеспечить только длительный и прочный мир.

Мы от всей души, от всего сердца желаем успеха Никите Сергеевичу Хрущеву в его трудной и ответственной миссии. Вставая на вахту в честь 43-й годовщины Октября, наша бригада берет на себя еще более высокие обязательства и посвятит их великой миссии мира.

Бригадир слесарей-инструментальщиков завода «Калибр» Сергей АНИКЕЕВ

ПАМЯТИ ВИЛЬГЕЛЬМА

Стефан ГЕЙМ

Тихо вступила смерть в дом старого рабочего. Последнее трепетание сердца — последний привет живущим.

Смерть не раз заглядывала ему в лицо: и тогда, когда офицеры свергнутого кайзера хотели растерзать его, как растерзали Карла Либкнехта и Розу Люксембург; и еще раньше и после этого тоже. Ибо старый рабочий шел прямым и ясным путем, и фронт классовых боев всегда пролегал перед ним как острая, отчетливая черта. Опасности, риск гибели, которые он

До свиданья, Москва!

Здравствуй, Енисей!

Прощальные объятия, пожелания счастливого пути, сигнал отправления — и поезд, набрав скорость, отходит от платформы столичного вокзала.

Он идет на восток, к берегам Енисея. Из окон вагона приветливо машут провожающим парни в солдатских гимнастерках. Вчерашние пехотинцы, артиллеристы, танкисты, они завтра станут трактористами, тружениками полей в колхозах и совхозах Красноярского края. Сегодня они говорят: «До свиданья, Москва!». Завтра скажут: «Здравствуй, Енисей!».

Фотообъектив запечатлел последние часы и минуты недавних воинов на московской земле.

Спляшем русскую на прощанье!

Пишите нам по новым адресам.

Счастливого пути!

Фото Галины Санько.

ПИКА

добровольно взял на свои плечи,— все это было для старого рабочего делом само собой разумеющимся.

Прямая и ясная дорога... Он сделал по ней первые шаги еще до того, как старый век сменился новым. Он начал с подмастерья столяра, потом рабочие доверили ему защиту своих интересов, он стал социалистом, коммунистом и, наконец, первым главой первого в истории Германии государства рабочих и крестьян.

Германия представала перед миром в разных обличьях: и в виде оторванного от жизни, непрактичного философа, и в облике жестокого, подлого нациста, и в простоватой хитреце искусного ремесленника, всегда готового похвалиться изделием рук своих, и в многознающей, циничной усмешке дельца, готового конкурировать на всех рынках и перегрызть глотку всем соперникам.

Было и есть у Германии другое, подлинное лицо — лицо этого старого рабочего, внимательное, испытующее, мудрое, со спокойным и твердым взглядом, который может, однако, и загораться гневом; лицо, осененное глубоким опытом обычной жизни и далеко не обычных революционных битв; лицо глубоко человечное, перед которым открывались сердца; лицо, источавшее спокойствие и уверенность.

Этот облик немецкого народа, воплощенный в чертах старого рабочего Вильгельма Пика, останется в веках, когда звериный лик германского империализма давно уже и окончательно будет стерт со страниц истории. О нем, о старом рабочем, будет вспоминать всякий, когда заговорит с друзьями о Германии, о той народной Германии, представителем и президентом которой он был.

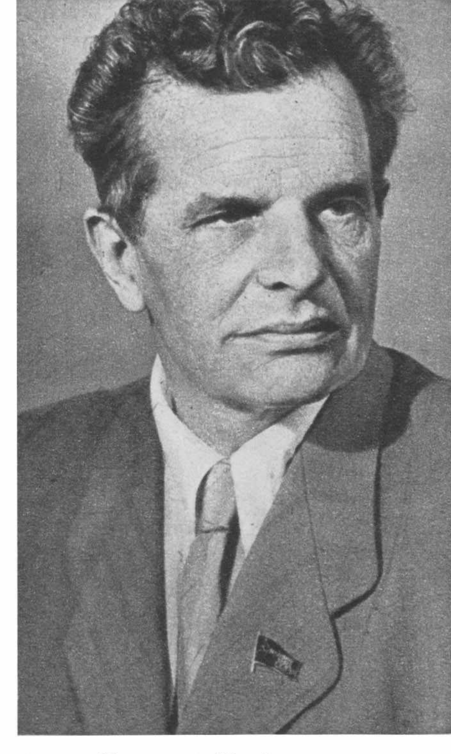
Прообразом будущей Германии он стал своей жизнью, всем своим самоотверженным человеколюбивым существом, своим взвешенным, мудрым словом, живым интересом ко всему, что справедливо и прекрасно и что ведет людей вперед, своей теплотой к каждому человеку, даже самому маленькому, нуждающемуся в ободрении и поддержке.

В расколотой стране, где с запада дуют ветры недоверия и сеются семена ненависти, он всегда безраздельно верил в людей труда, он был и остался до конца истинным слугой и другом народных масс.

Будучи образцом для всех нас, он формировал людей по своему образу и подобию. И поэтому в силах немецкого народа заполнить ту горестную пустоту, которая осталась после него. Может быть, никто из нас не будет вполне таким, как Вильгельм Пик в его всесторонней и яркой человечности. Но все мы воспримем хоть что-нибудь из прекрасных его свойств, и его наследие окажется в хороших и уверенных руках. Здание новой Германии, Германии народной, которое он строил и которому отдал так много сил, стоит прочно и непоколебимо.

...Тихо вступила смерть в жилище старого рабочего. Смертное мы проводили в последний путь. Но бессмертное в Вильгельме Пике, то, что олицетворяло в нем великий класс, из которого он вышел и которому служил всю жизнь, вечно будет сиять в наших сердцах.

О СТАРШЕМ ДРУГЕ

Федор Иванович Панферов.

При его жизни о нем много спорили — и критики и читатели. Спорили горячо, яро, шумно — на страницах газет и журналов, на бесчисленных собраниях и конференциях. Спорили много, но, кажется, так до конца и не доспорили. А он продолжал трудиться и трудился героически до последнего дня своей удивительной по неукротимости и целеустремленности жизни.

И вот он ушел. И тут-то всем вдруг стало ясно, что среди нас жил не просто крупный и самобытный писатель, но человек необыкновенной душевной щедрости и активности, потерю которого мы остро и больно почувствовали тотчас же, как только пришла к нам трагическая весть. Это значит, что в минуту творческих или просто иных житейских затруднений мы уже не сможем, как прежде, позвонить или забежать на часок-другой к Большому Федору, не услышим его голоса, всегда ровного и уверенного, будто он, Панферов, и вправду уполномочен сложной и беспокойно-красивой нашей жизнью быть наставником и мудрым советчиком для тех, кто еще не обрел такой уверенности.

Можно назвать десятки — да, именно десятки! — ярких писательских имен, и притом таких, без которых литература наша выглядела бы куда беднее. Но все ли знают, что имена эти обязаны своим появлением на писательском небосводе в большой степени Федору Ивановичу Панферову? И все ли помнят, что первый том бессмертного шолоховского творения «Тихий Дон» появился не где-нибудь, а на страницах «Октября», журнала, который с приходом Федора Панферова стал воистину форумом литературной молодежи? О, сколько нас, молодых и уже не очень молодых, перебывало в просторном и, кажется, всегда светлом кабинете на улице «Правды»! И ежели кто-нибудь из нас по какой-то причине долго не заглядывал в «Октябрь», Федор Иванович тревожился, звонил на квартиру: «Почему не заходишь?»

Всех нас он называл на «ты». И это не было фамильярностью. Просто он был нашим большим другом, а какие же друзья обращаются к своему товарищу на «вы»?!

За несколько часов до своей кончины Федор Иванович звонил в редакцию и говорил с сотрудниками отделов журнала. Старый, закаленный солдат советской литературы стоял на своем боевом посту до последнего вздоха.

О таких людях как-то странно, неестественно говорить: «умер». О них думаешь как о живых среди нас, если даже они перестают существовать физически. Он, наш Большой Федор, сделал для жизни и в жизни слишком много, чтобы мы смогли быстро забыть о нем. Мы долго будем помнить о тебе, наш старший, дорогой наш товарищ, помнить и очень сильно чувствовать, что тебя нет с нами — ведь у нас еще так много дел, к которым ты мог бы приложить и свою крепкую, верную, мужественную руку.

Михаил АЛЕКСЕЕВ

ХОЙЗИНГЕР–ПАЛАЧ

«Фюрер не мог обойтись без Хойзингера». Эти слова принадлежат бывшему начальнику генерального штаба сухопутных сил фашистского вермахта генералу от инфантерии Цейцлеру. А на свидетельство Цейцлера можно положиться. Уж кто-кто, а он знал своего подручного, как пять пальцев.

Незаметный капитан генерального штаба Адольф Хойзингер сделал при Гитлере одну из самых головокружительных карьер: за несколько лет стал генералом, начальником оперативного управления генерального штаба сухопутных сил, ближайшим военным советником «фюрера». Он ежедневно докладывал фашистскому диктатору обстановку на фронтах, частенько подменяя начальника генштаба. Другие ходившие в любимчиках генералы, даже Кейтель и Йодль, ревниво и с опаской посматривали на ловкого тезку «фюрера», сумевшего стать незаменимым для нацистского тирана.

Ныне стало ясно, в чем причина фюрерских милостей. Дело не только в том, что Хойзингер был по-собачьи предан Гитлеру и перекладывал на язык военных приказов преступные «идеи» фашистского диктатора. Главное, чем угодил людоеду Гитлеру нынешний шеф боннского бундесвера,— это тем, что он «счастливо» сочетал педантичную штабную исполнительность с деловитой жестокостью профессионального палача.

Боннская пропаганда тщится доказать, что Хойзингер во времена нацистского «рейха» был лишь «блестящим военным специалистом». Однако неопровержимые факты начисто опровергают эту лживую легенду.

В архивах гитлеровского генерального штаба сухопутных сил недавно были обнаружены подписанные Хойзингером приказы и инструкции о расправе с мирным населением и пленными партизанами на оккупированной территории Советского Союза. Ярким образчиком карательского таланта нынешнего первого боннского генерала может служить директива от 31 августа 1942 года. В ней речь идет о боевом использовании пресловутых «истребительных команд». Хойзингер предписывал действовать внезапно и безжалостно, устраивать засады и уничтожать партизан и местных жителей, даже совершенно непричастных к вооруженной борьбе. В отношении последних «блестящий штабист», ничтоже сумняшеся, приказывал: «Лишних свидетелей... бесшумно устранять».

По этому и десяткам подобных приказов Хойзингера расстреливались десятки тысяч ни в чем не повинных людей — женщин, детей, стариков, сравнивались с землей населенные пункты. По приказу генерала-убийцы в отместку за налет партизан на станцию Славное в Белоруссии гитлеровцы сожгли деревню Гоенка вместе с жителями и уничтожили ряд других сел и деревень.

Собственно, и сам Хойзингер не делал в свое время большого секрета из своих методов «освоения территории противника». В показаниях Международному трибуналу в Нюрнберге он, не моргнув глазом, заявил: «Моим личным мнением всегда было, что обращение с гражданским населением и методы борьбы с бандами (так наглый гитлеровец именовал партизан.— В. Ч.) в районе военных операций предоставляли высшему политическому и военному руководству благоприятную возможность осуществить его цель, а именно систематическое снижение численности славян и евреев».

Талант карателя Хойзингер проявил еще молодым офицером рейхсвера, участвуя в подавлении вооруженного восстания рабочих Рура. Но лишь в условиях фашистского режима это его качество было отмечено. Обер-палач Гиммлер первый обратил внимание на скромного штабиста: у верховного шефа тайной гитлеровской полиции был нюх на прирожденных палачей. Хойзингер охотно стал агентом гестапо. На крови сослуживцев, недовольных по тем или иным мотивам гитлеровским режимом, он строил фундамент своей карьеры. Став придворным советником Гитлера, Хойзингер не порвал связи с гестапо. До самого конца он угодничал перед гестаповскими атаманами Гиммлером, Кальтенбруннером, Мюллером. Генерал полиции Эрнст Роде прямо заявил Международному трибуналу в Нюрнберге, что Хойзингер по первому требованию немедленно предоставлял в распоряжение гестапо и СД воинские части для «ликвидации славянского и еврейского населения».

Чего же можно ожидать от этого недобитого гитлеровца, военного преступника, палача, волею американских и западногерманских монополистов оказавшегося во главе боннской армии? Сам Хойзингер недвусмысленно отвечает на этот вопрос. «Бундесвер,— заявил он,— стоит сейчас перед теми же задачами, что и вермахт в 1939 году». Значит, снова агрессия германских милитаристов, нападение на соседние государства, «завоевание мирового господства». Значит, снова планируемые по всем правилам штабного искусства расстрел гражданского населения, уничтожение городов и деревень, опять Бабий Яр, Майданек, Бухенвальд, Ковентри, Орадур, Лидице.

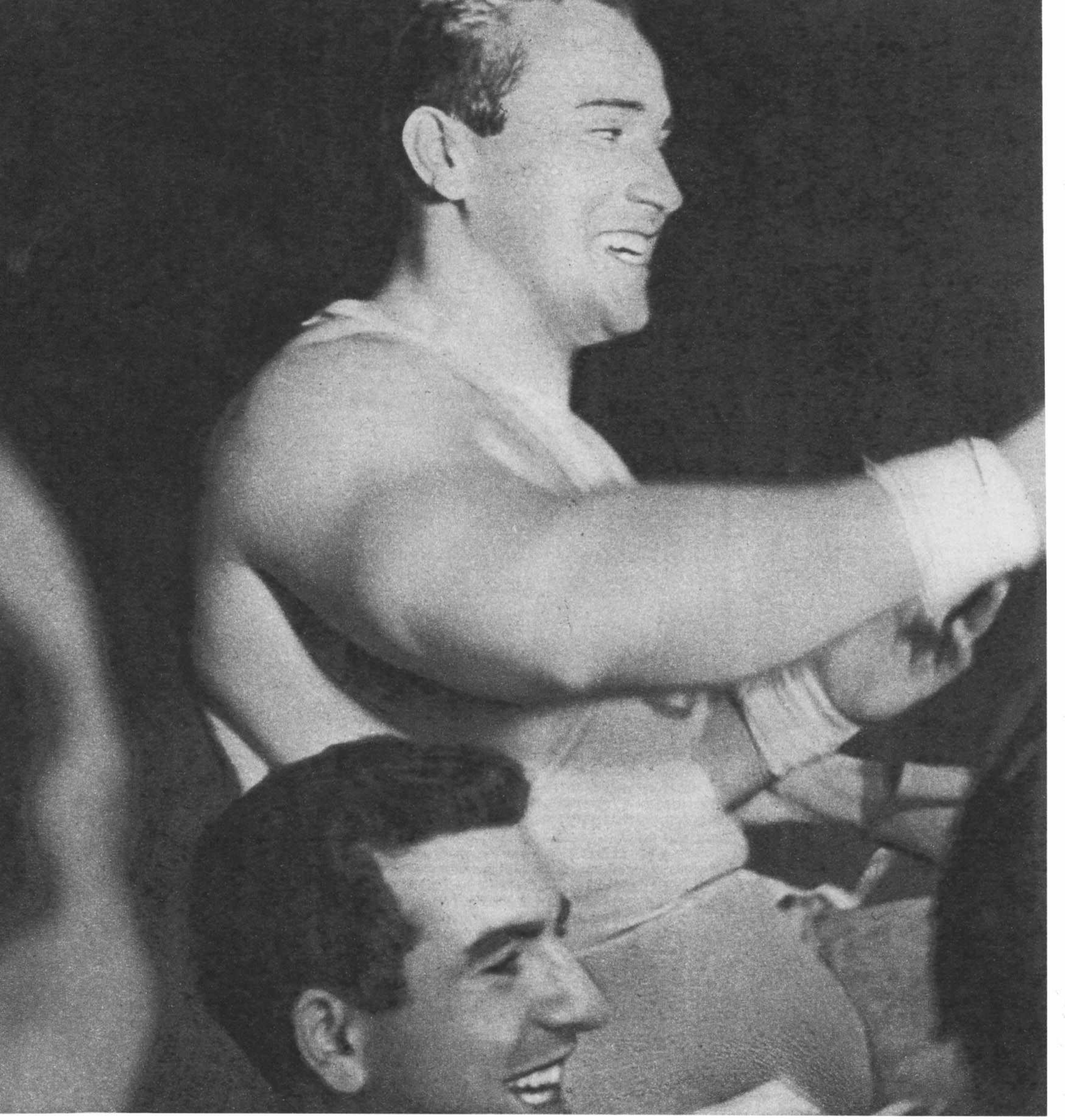
Силы, стоящие за шефом бундесвера, недавно сделали его брата, Бруно Хойзингера, федеральным судьей. Скоро братец должен стать президентом федерального суда в Карлсруэ. Можно себе представить, как в трогательном единении оба братца будут добиваться изменений в боннской конституции, которые «в законном порядке» установили бы неограниченную военную диктатуру в Западной Германии.

Адольф Хойзингер стоит в ряду таких уцелевших нацистских преступников, как Глобке, таких гитлеровских палачей, как Эйхман, Оберлендер. Его место — на скамье подсудимых, рядом с ними!

В. ЧЕРНОВ

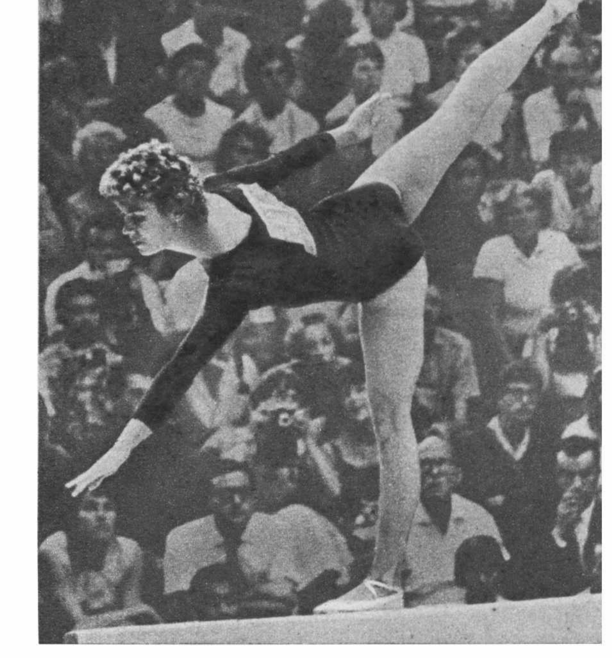
Рисунок И. Оффенгендена.

Чемпион Олимпийских игр, рекордсмен мира Юрий Власов.

НА ВЫСОТАХ ОЛИМПИЙСКИХ

Лариса Латынина вновь продемонстрировала свое блестящее мастерство по гимнастике и завоевала золотую медаль.

Начало на стр. 1.

и гарибальдиниский холм и подзорные трубы, установленные на нем, были бессильны. Для того, чтобы представить себе все значение только что закончившихся Олимпийских игр, оценить их результаты, взвесить все мастерство, все великолепное искусство, показанное в самых различных видах спорта (а таких видов было ни много, ни мало — 21), потребуется немало времени. Неторопливо будут писаться обстоятельные статьи и книги. И только тогда во всех подробностях увидим мы путь, которым прошли олимпийцы к новым спортивным вершинам.

Погас олимпийский огонь. Позади 18 дней, проведенных на стадионах и в спортивных залах, много радостей и немало огорчений, десятки новых знакомств и сотни открытий. Все это сразу не рассмотришь. Необходима какая-то высота. И мы нашли ее. Вот она перед нами — невысокая площадочка, состоящая всего из трех ступенек. Далеко этой высоте до самого высокого римского холма, но как хорошо видно с нее! На эту высоту поднимались сильнейшие спортсмены мира, лучшие из лучших — те, кто завоевал олимпийские медали. Десятки тысяч людей стоя приветствовали их.

Здесь стоял Петр Болотников — замечательный советский бегун. Здесь были чаще, чем молодые атлеты какой бы то ни было страны, наши товарищи, наши соотечественники — спортсмены и спортсменки Советской страны.

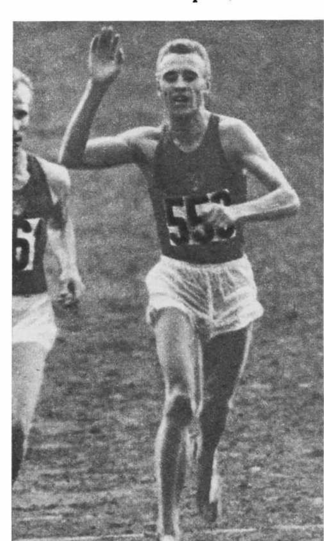
Для нас это не явилось неожиданностью. Это было закономерно, мы знали. И пусть задолго до открытия Олимпиады западная печать и некоторые «знатоки» заранее планировали победы, раздавали медали, подсчитывали очки. Верно, конечно, что прежде традиционными были победы американцев в беге на короткие дистанции, в прыжках и в различных видах метаний. Английская газета «Таймс» заявила, что если существуют неопровержимые прогнозы, то самый бесспорный среди них таков: Джон Томас завоюет золотую олимпийскую медаль по прыжкам в высоту. А кто поднялся в Риме на пьедестал почета? Советский спортсмен Роберт Шавлакадзе. Справа от него стал второй призер — наш молодой легкоатлет Валерий Брумель. Томас занял лишь третье место.

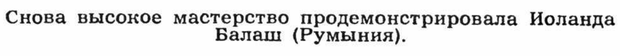
А какую сенсацию среди пестрого и многоязыкого населения спортивного Рима и какую растерянность среди прорицателей из западной прессы вызвало для многих неожиданное крушение американских спринтеров! Издавна, еще со времен Оуэнса, негритянские спринтеры имели славу непревзойденных. И вот знаменитые спринтеры США должны были уступить олимпийскую вершину бегуну объединенной немецкой команды А. Хари, завоевавшему первенство на стометровой дистанции, и итальянцу Л. Беррути, ставшему чемпионом игр в беге на 200 метров. А к этому в последний день легкоатлетических состязаний прибавилась еще одна неудача: в эстафетном беге 4×100 метров американские бегуны дважды нарушили правила соревнований, были дисквалифицированы, и на пьедестал почета поднялись три европейские команды — Германии, СССР и Великобритании.

Правда, легкоатлеты США компенсировали в какой-то степени свои неудачи в беге и прыжках победой в метаниях ядра и диска, в прыжках с шестом, в барьерном беге и в беге на 400 метров. Исключительное мастерство продемонстрировала на дистанциях 100 и 200 метров негритянка Вильма Рудольф. Но мы увидели на олимпийской вершине и советскую бегунью Людмилу Шевцову, не уступившую первенства своим грозным соперницам в беге на 800 метров, и Ирину Пресс — чемпионку Олимпиады в беге на 80 метров с барьерами, и Веру Крепкину, завоевавшую золотую медаль по прыжкам в длину, и двух ветеранов советского спорта: Виктора Цыбуленко, оставившего позади лучших копьеметателей мира, и Нину Пономареву, оказавшуюся лучшей среди дискоболок.

Американские атлеты должны были примириться с потерей большого числа золотых медалей. Теперь для всех ясно, что за последние четыре года уровень легкой атлетики в Европе, и особенно в Советском Союзе, неизмеримо вырос. Этот уровень значительно поднялся и в других странах. Мы видели на стадионе «Форо Италико» замечательных африканских бегунов. Не много пройдет времени, когда африканские легкоатлеты и прежде всего бегуны скажут свое веское слово. Символична в этом отношении победа бегуна из Эфиопии А. Бакила, победившего в марафонском беге.

Виктор Цыбуленко — победитель в соревнованиях по метанию копья.

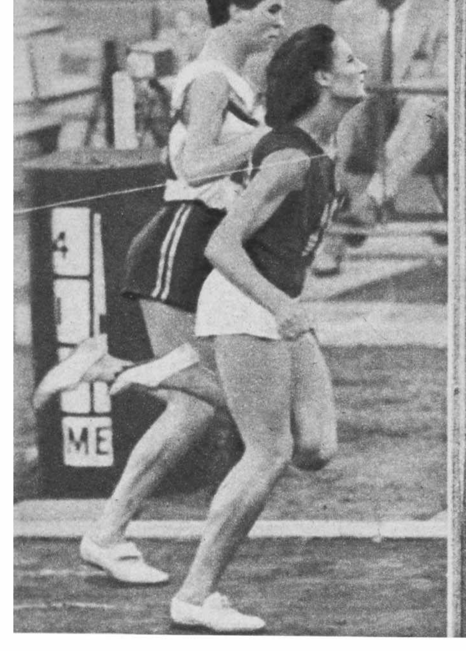

Петр Болотников победоносно заканчивает дистанцию в труднейшем беге на 10 тысяч метров.

Снова высокое мастерство продемонстрировала Иоланда Балаш (Румыния).

В беге на 200 метров побеждает

Людмила Шевцова установила новый олимпийский рекорд в беге на 800 метров.

Советский наездник Сергей Филатов на своем Абсенте совершает круг почета.

Но разве это все? Достаточно вспомнить волнующую весть, долетевшую в Рим с берегов Неаполитанского залива. Там в борьбе с сильнейшими яхтсменами «звездного класса» блестящей победы добились рулевой Тимир Пинегин и его «команда» — матрос Федор Шутков. Долго преследовали неудачи Пинегина, немало сил потратил он, чтобы разгадать причины этих неудач (а разгадка таилась и на стапелях верфей, и на воде, и в сложных расчетах и чертежах, где впору разобраться лишь инженеру-судостроителю), и вот после семи трудных гонок позади остались итальянцы и американцы.

А как хочется рассказать о блестящей победе велогонщика Виктора Капитонова, о победе молодого штангиста Александра Курынова, поднявшегося выше многоопытного американского атлета Томми Коно! Ведь знаменитые американские штангисты получили всего одну золотую медаль! А советские штангисты — 5 золотых медалей! Кто назвал бы до Олимпиады молодого фехтовальщика Виктора Ждановича олимпийским чемпионом по рапире? А ведь он одержал верх над лучшими фехтовальщиками мира! Но ни одна победа не далась легко, и особенно острая борьба разгорелась на гимнастическом помосте.

Надо сказать, что в самом факте напряженной борьбы между гимнастами СССР и Японии не было ничего неожиданного. С XV Олимпийских игр японские гимнасты внимательно приглядываются к нашим, тщательно изучают их школу, их манеру исполнения, их методы тренировок. Учениками они оказались очень способными. Уже в Мельбурне они во многом догнали наших спортсменов, закрепили свои успехи на первенстве мира в Москве. В Рим японцы привезли «обстреляннную» команду, готовую к штурму олимпийских высот. К сожалению, успехи японских гимнастов были подмочены необъективным судейством. Оно было далеко от олимпийской беспристрастности. Не раз приходилось просто разводить руками, увидев, сколь высоко оценивались усилия японцев на таких снарядах, как конь или кольца. И все же, завоевав командное первенство, в личном первенстве японцы должны были уступить золотую медаль советскому спортсмену Шахлину. Изумительное мастерство, железную выдержку продемонстрировал Борис Шахлин.

И уж совсем триумфальным был путь советских гимнасток, завершившийся и командной и личными победами. На олимпийские вершины взошли три гимнастки СССР: Лариса Латынина, Софья Муратова и Полина Астахова. Переполненный зал овацией встретил заслуженный успех советских спортсменок.

...И вот пришел час прощания с олимпийским Римом. Закончилась острая и упорная спортивная борьба, столь блистательно проведенная как советскими спортсменами, так и представителями других команд.

Особенно хочется порадоваться успехам спортсменов Польши, Венгрии, Чехословакии, Румынии и других стран, сильно проведших все Олимпийские игры. Об этом, в частности, думалось и тогда, когда представители олимпийского комитета вручали медали женским командам по гимнастике. Флаги Советского Союза, Чехословакии и Румынии поднялись под древними сводами Терм Каракаллы. Какое символическое единство красоты, силы и духа! Спортсмены социалистических стран добились замечательных успехов!

Да, Рим позади. Постепенно улягутся страсти и волнения, вызванные XVII Олимпийскими играми. Будут проанализированы победы и поражения. Что бы ни было, какие бы частности ни мешали нормальной спортивной борьбе, Олимпийские игры стали действительно праздником мира и дружбы между спортсменами всех стран. Щедрую долю в этот праздник внесли советские спортсмены, одержавшие блестящую победу. Они выполнили обязательства перед Родиной, перед всеми советскими людьми, ревниво следившими за ходом спортивной борьбы на римских аренах.

Высоко оценил успехи советских спортсменов Никита Сергеевич Хрущев.

Слава советским спортсменам-победителям, покорившим олимпийские вершины!

Рим — позади. Впереди — Токио!

ТАКОВЫ ИТОГИ РИМА:

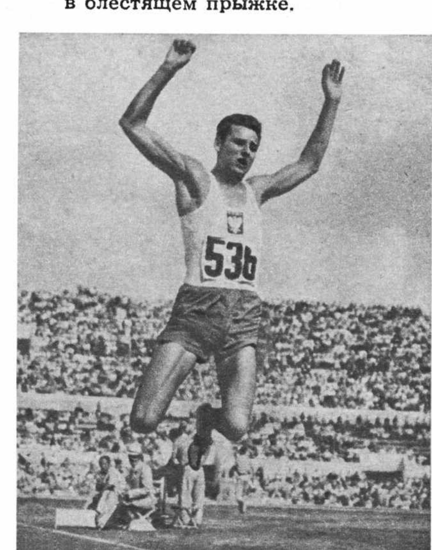
	Медали: золотые	серебряные	бронзовые	Количество очков
1. СССР	43	29	31	683
2. США	34	21	16	463,5
3. Объединенная германская команда	12	19	11	282,5
4. Италия	13	11	12	232
5. Венгрия	6	8	7	150,5
6. Польша	4	6	11	148

Японский гимнаст Такаси Оно поздравляет Бориса Шахлина с блестящими победами.

итальянский спортсмен Ливио Беррути.

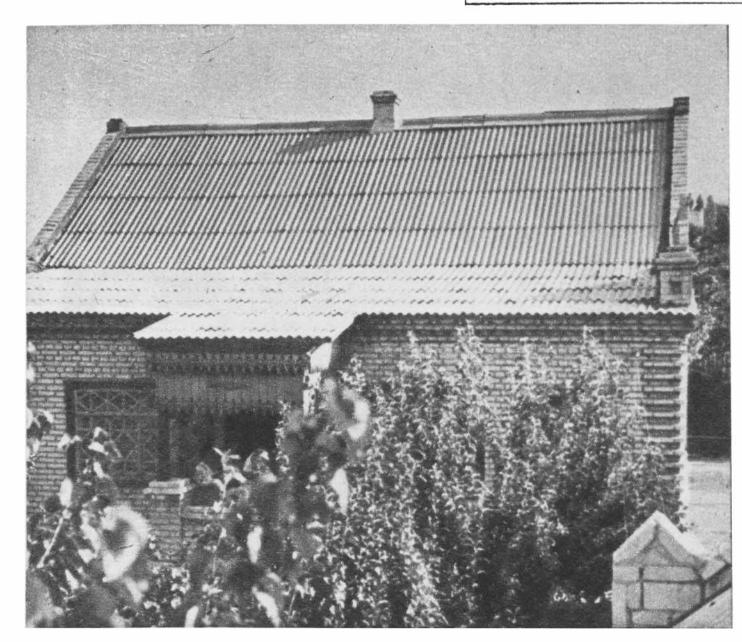

Польский спортсмен Ю. Шмидт в блестящем прыжке.

Иван Зоря (слева) принимает смену.

Дом семейства Зори.

Фото и текст Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

У Ивана Зори

Ехал я в командировку, а попал в гости. На заводе в Днепродзержинске встретил своего давнего знакомого Ивана Евтихиевича Зорю. Разговорились.

— Слушай,— сказал он,— зачем тебе гостиница? Поселяйся у меня. Дом большой, стеснять не будешь.

И я прожил у него в доме целую неделю. Ходил с отцом и сыном на завод, с хозяйкой — на рынок, нянчил внука Игоря — словом, на семь дней был зачислен в члены семьи на полное, как говорится, довольствие.

Когда же я сообщил хозяину, что хотел бы о жизни его семьи рассказать в журнале, он ответил коротко:

— У нас секретов нет.

Вот так и возник этот репортаж.

* * *

С главой семьи я вас уже познакомил. Кого же назвать следующим? Я наверняка угожу этому дому, если начну с внука Игоря. Вы видите его на многих снимках. Он еще не ходит и поэтому всегда у кого-нибудь на руках. Он общий любимец. Дед в нем души не чает. Посмотрите на цветную фотографию. Видите: внук отвечает ему тем же.

Молодые — так их называют дома — это сын Святослав и его жена Светлана. Оба работают на заводе.

Сегодня много волнений. Святослав идет после большого перерыва на завод. Теперь он уже не сварщик, как прежде, а инженер-металлург. Позади экзамены и за-

Утренняя уборка.

Дела финансовые..

Бросили на мужчин.

В саду.

щита дипломного проекта. Все это прошло хорошо. А вот сейчас не ладится. Светлана спешит: нужно подогнать спецовку на мужа, укоротить брюки, перешить пуговицы,— но времени в обрез...

— Так всегда. Все делается в дверях,— ворчит Антонина Александровна, мать Святослава.

Дочь Эмма дома бывает редко. Работает она на машинно-счетной станции и учится в техникуме. Но сейчас лето. Учебы, правда, нет, но есть танцы, кино. И юноши, кото-

рые частенько дежурят на Чапаевской, у дома Зори...

Теща Ивана Зори — Евгения Гавриловна — главный кулинар дома. Она сейчас на кухне.

Вот и вся семья.

☆ ☆ ☆

Воскресенье выдалось жаркое, улицы заметно опустели, зато на реке... Создается впечатление, что центр города переместился на Днепр.

Мы рано утром отправились туда же. Но едва перевалило за полдень, как мужчины все чаще стали посматривать на часы, боясь опоздать на очередной матч.

Это был «большой футбол». Стадион был полон. И тут я потерял Ивана Евтихиевича. Разве его найдешь в такой массе!

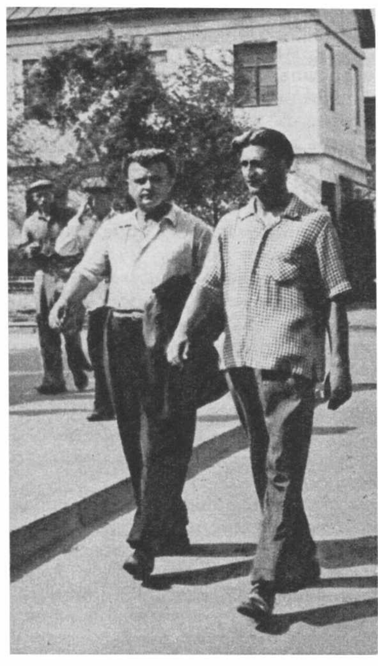

Сегодня танцы.

Лишь после матча я случайно увидел его — болельщики подводили итоги.

☆ ☆ ☆

А на следующий день опять на завод.

Отец и сын.

ДАЛЕКОЕ-БЛИЗКОЕ

ЖИЗНЬ ЕМУ СПАС ЧАПАЕВ

РЯЗАНЬ

Тимофей Семенович Зуйков. 1944 год.

Год назад в № 37 журнала «Огонек» была напечатана публикация «Последние минуты Чапаева», в которой воспроизводилась статья красноармейца-чапаевца из рязанской газеты 1927 года «Рабочий клич». Эти воспоминания оставались долгое время не замеченными историками. Подписаны воспоминания были тремя буквами: «Т. С. З.». Редакция «Огонька» обращалась с просьбой к автору или к товарищам, знавшим чапаевца с инициалами Т. С. З., откликнуться.

Писем было много. Чапаевцев с инициалами, которыми была подписана статья, оказалось несколько, и некоторые из них были со своим командиром на берегу Урала при отступлении у Лбищенска.

И все-таки никто из них не был тем красноармейцем, которого спас Чапаев в последние минуты своей жизни.

Прошло несколько месяцев после публикации, когда пришло письмо от П. Докиной, родственницы Тимофея Семеновича Зуйкова. Она сообщала адрес жены Зуйкова Анастасии Дмитриевны. Тимофей Семенович умер в январе 1953 года и похоронен в Рязани.

О Т. С. Зуйкове, связисте при штабе дивизии Чапаева, рассказывал в своем письме и товарищ Полюшкин.

Как-то сразу поверилось, что Зуйков и есть разыскиваемый нами Т. С. З.

Тут же я решил поехать в Рязань к Анастасии Дмитриевне познакомиться с друзьями Тимофея Семеновича. И сомнения, если они и возникали, окончательно рассеялись.

До сих пор в семье хранятся ручные часы — награда связисту-чапаевцу за воинскую храбрость. Они остановились 5 сентября 1919 года, стрелки их показывают 9 часов 10 минут (об этом Тимофей Семенович писал в своих воспоминаниях). С тех пор он их не заводил.

Самым дорогим для него была память о Чапаеве.

Своим родным, друзьям, выступая перед молодежью, Зуйков не раз говорил: «Если бы Василий Иванович поплыл один, то, вероятно, остался бы жив». Даже на фронте во время Отечественной войны Тимофей Семенович не забывал того дня. 7 сентября 1942 года он пишет жене: «Позавчера исполнилась годовщина — 23 года со дня моего ранения и смерти В. И. Чапаева».

В автобиографии Зуйков сообщает: «5 сентября 1919 года в городе Лбищенске был тяжело ранен в правую руку, ногу и избит прикладами...»

Что же произошло после того, как Зуйков оказался на берегу?

Голодный, продрогший, обессилевший от ран, он до вечера пролежал в камышах. Когда стемнело, превозмогая боль, пополз по песку. Насколько разъезд белых. Казаки избили его прикладами, думали, что прикончили...

Очнулся. Передвигался ночью, днем зарывался в песок, приходилось скрываться от казачьих разъездов, которые рыскали по округе. Наконец на третий день добрался до деревни Бударино. Здесь чапаевца подобрали красноармейцы.

Полевой лазарет, затем госпиталь. Ранение было тяжелое, так и осталась у него хромота.

Несмотря на то, что по здоровью Зуйкова освободили от военной службы, он вступает в отряд по борьбе с бандитизмом.

П. Полюшкин, начальник Егорьевской районной конторы связи, написал в редакцию: «Наше знакомство с Т. С. Зуйковым состоялось в 1925 году и продолжалось до 1927 года... В этот период рабочие коллективы городов выделяли большое количество людей — добровольцев на работу в деревню, одним из таких товарищей был Тимофей Семенович Зуйков... При первой же встрече он произвел на меня очень хорошее впечатление. Простой, общительный, опытный в жизненных вопросах, интересный собеседник, сразу вызывал к себе симпатию и доверие.

Вскоре я узнал его биографию. Он очень много рассказывал о службе в 25-й Чапаевской дивизии — был он там в роте связи штаба дивизии, о боях, в которых участвовал, о сражении в Лбищенске и гибели легендарного начдива Чапаева В. И. и о том, что в последнем бою он чудом остался жив...

Я очень ясно помню тот момент, когда была напечатана статья («Гибель Чапаева») за подписью Т. С. З. в газете «Рабочий клич», которую читал в то время. После опубликования статьи мы с ним еще раз виделись, разговаривали на эту тему.

Он вел большую общественную работу в кооперации, Советах. Помог организовать комсомольскую ячейку в нашем селе, где меня избрали секретарем.

Много помогал мне и советами и практическими делами в проведении общественной работы».

Редкий снимок. Василий Иванович Чапаев после ранения, перед отправкой на фронт. 1916 год.

Когда грянула Отечественная война, Тимофей Семенович, проводив сына на фронт, сам, несмотря на инвалидность, добровольно вступает в народное ополчение. И только тяжелое ранение и контузия, полученные весной 1943 года, выводят его из строя.

Так нам удалось узнать о судьбе большевика-чапаевца, которому спас жизнь в свои последние минуты легендарный комдив Василий Иванович Чапаев.

Е. АРТЕМОВ

Ценная находка

В библиотеке Центрального архива древних актов мне показали старую, сильно истрепанную книгу. Корешок ее разрушен, многие страницы истлели.

— Это очень ценная книга,— говорит заведующая библиотекой архива А. М. Назарова.— До сих пор был известен только один экземпляр этого издания, хранится он в Лондоне, в частном собрании. Наш, второй экземпляр обнаружен недавно, совершенно случайно.

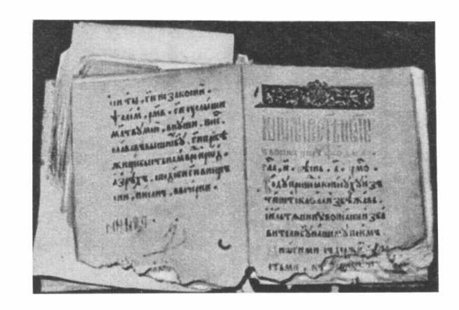
Вот как это было. Сотрудники Библиотеки имени В. И. Ленина Антонина Сергеевна Зернова и Татьяна Ниловна Каменева, составляя сводный каталог русских старопечатных книг, работали в Центральном архиве. Им попалась книга без заглавного листа, без выходных данных — Часослов, украшенный красивыми орнаментами. По шрифтам и заставкам, по водяному знаку — всадник на коне — библиографы сразу определили, что книга эта была отпечатана в вильнюсской типографии братьев Кузьмы и Луки Мамоничей. Типография Мамоничей существовала во второй половине XVI и начале XVII века. К какому же времени относится это издание?

Антонина Сергеевна Зернова — знаток русских старопечатных книг. Внимательно вглядываясь в каждую букву, в каждый рисунок Часослова, она обнаружила, что половина одной из заставок не пропечатана. Очевидно, доска, с которой печатали заставку, была попорчена. А во всех книгах, изданных Мамоничами до 1598 года, эта заставка напечатана целиком. Значит, Часослов вышел позднее, около 1600 года.

Из труда английских библиографов Барникота и Симмонса о русских старопечатных изданиях, хранящихся в Англии, А. С. Зернова знала Часослов. Тщательно сравнив книгу, найденную в архиве, с английским описанием Часослова, она пришла к выводу, что это два экземпляра одного и того же издания.

— В типографии Мамоничей было отпечатано немало интересных книг,— рассказывает нам А. С. Зернова.— Одно время в этой типографии работал сподвижник русского первопечатника Ивана Федорова Петр Мстиславец. Чтобы обеспечить сбыт своих изданий, Мамоничи копировали московские издания, пользующиеся успехом.

Л. КАФАНОВА

Часослов, изданный братьями Мамоничами и обнаруженный недавно в архиве.

Друзья

Хуан Гойтисоло (родился в 1931 году в Барселоне) — характерный представитель того поколения испанской интеллигенции, чье детство проходило в огне гражданской войны; оно вступило в жизнь, отрезанное от мира стеной террора. Жизненный путь этой молодежи определил ее стойкость и рано развившееся чувство ответственности за судьбу своей страны. Это помогло ей преодолеть чувство одиночества и отчаяния и найти свое место в борьбе против франкистского режима.

Недавно весь мир облетело известие о расправе франкистской полиции над братом Хуана Луисом, автором романа «Окраины». Сам Хуан Гойтисоло также подвергался репрессиям и вынужден был покинуть страну.

Хуан Гойтисоло — автор нескольких романов, посвященных современной испанской молодежи. Его книги получили известность за пределами Испании.

Рассказ «Друзья» напечатан в венесуэльской газете «Эль Насиональ». Там же помещен и ответ Х. Гойтисоло франкистской газете «Пуэбло».

Хуан ГОЙТИСОЛО Рассказ **Рисунки А. ВАСИНА.**

Последние шесть дней у меня не было ни минуты отдыха... Ритм жизни города резко изменился, а на лицах мужчин и женщин, заполнявших его улицы, появилось выражение решимости и мужества. Всех связала немая солидарность...

Каждый открыл, что он не один, и после стольких лет позора это открытие всех ошеломило. Боясь ошибиться, люди еще и еще обменивались взглядами и каждый раз видели в них выражение единомыслия. Все приобрело значение, и самые обыденные вещи принимали зачастую необычный, чудесный облик. Простое дело — шагать, но в эти дни привычные маршруты совершались в молчании, и это молчание сотен, тысяч людей было много красноречивее слов.

Ни я, ни мои друзья раньше не видели ничего подобного: мы были слишком молоды. Теперь мы ходили опьяненные всем этим... После нескольких дней напряженной подготовительной работы и томительного ожидания мы выкроили день, чтобы отдохнуть. Но как было отдыхать, когда улицы все наводнялись и наводнялись людьми и в этом молчаливом шествии протеста была и наша заслуга? Мы смешались с толпой и молча бродили, жадно вглядываясь в лица, ища в них поддержку и находя ее. С утра до вечера мы успели обойти центр и окраины. Мы убедились, что везде все были единодушны, что день, который мы давно ждали, пришел. Вечером мы собрались на квартире Юлии, и споры не утихали до рассвета.

Положение изменилось внезапно. Газеты наполнились угрозами, опасность надвигалась со всех сторон, и нужно было соблюдать предельную осторожность. На фоне этих угроз, танков, пушек, самолетов и кораблей все яснее вырисовывался образ того, кто столько раз вел нас к победе, неколебимо стоял на своем посту и сейчас уж, конечно, не дезертирует со своего командного пункта...

В эти дни, просыпаясь, я наскоро проглядывал газеты и звонил Юлии, Антонио и Максимо, чтобы услышать их голоса и удостовериться, что с ними еще ничего не случилось. Каждый день в университете я слышал, что тот не пришел вечером домой, а другой исчез и о нем нет вестей. Многие удивлялись, когда встречали меня, и недоумевали, почему я не уеду в такую скверную погоду куда-нибудь отдохнуть, подышать свежим воздухом.

Когда однажды какая-то личность целый день ходила по пятам за Энрике, мы решили на время прекратить собрания. Но уже через несколько часов после принятого решения одиночество стало невыносимым. Мы звонили друг другу из уличных будок и, меняя голоса, спрашивали, как здоровье захворавшей матери, или осведомлялись о неожиданно понадобившейся книге.

Из своей комнаты я хорошо слышал, когда на этаже останавливался лифт, и сердце начинало колотиться сильно и часто, когда раздавался звонок в дверь. Пока приходили лишь молочник, или девушка из красильни, или газовый инспектор. Но как-то вечером я зашел к Амедео, и его мать, открыв дверь, сказала мне нарочито громко:

— Нет! Больше ничего не надо: банки, ко-

торые вы продали нам в последний раз, пришлось выбросить...

За ее спиной торопливо простучали шаги, потом появилась физиономия в темных очках. Пряча лицо, я опустил голову и быстро ушел.

Никто из нас толком ничего и не знал. С Максимо я встретился в библиотеке, и он решительно приказал мне уехать. Мой паспорт был в полном порядке, и я мог переждать бурю по ту сторону границы. Меня тревожила судьба остальных, но мое присутствие было для них бесполезно, и я колебался не долго. Тем более, что давно ожидаемый звонок должен был вот-вот раздаться.

— Я бы даже хотел, чтобы они позвонили, наконец... Самое страшное — ожидание! — сказал я Максимо.

Мой поезд отправлялся на следующий день, а мне предстояло еще немало дел. Мы сговорились, что встретимся с остальными после ужина.

— Скажи, чтобы собрались в «Ранчито», как в хорошие времена...

— Передам...— пообещал Максимо.

— Я хочу развлечься и ни о чем не думать!

— Я тоже...

— И им скажи...

— Не беспокойся... Все они сыты по горло, как и ты.

— Выпьем...

— Да,— сказал он,— выпьем.

Когда я пришел в «Ранчито», Антонио уже ждал меня. Опираясь на стойку, он читал газету и показал мне передовую, обведенную красным карандашом.

— Видел?

— Нет,— ответил я,— но догадываюсь, о чем здесь...

— Нас называют «хулиганами»! Хоть на этот раз они говорят правду...

— И я того же мнения,— рассмеялся я.— Хулиганы, интриганы, отбросы!

Проигрыватель наполнял помещение звуками аккордеона, вяло перебрасывались фразами сидевшие в полутьме пары, а посередине зала кружилась в танце какая-то женщина... Энкарна вошла через дверь за стойкой.

— Привет, дорогие! — Энкарна прелестно выглядела в желтом платье с декольте, оставлявшим открытыми ее плотные плечи.— Давненько не видела вас здесь...

— Да,— сказал я,— давно...

— Я уж думала, что с вами что-нибудь случилось...

— С нами? — изумился Антонио.— Что может с нами случиться, если мы такие хорошие? Или ты этого не замечаешь?

— Не знаю,— сказала Энкарна,— в этой стране происходят такие странные вещи...

— Странные вещи? Какие?

— Загадочные штучки. Вдруг людям что-то приходит в голову, и они молча шагают по улицам взад и вперед... Моя служанка, например. А ведь она и так приходит сюда из Орда...

— Врачи говорят, что ходить очень полезно для здоровья.

— Да,— сказал я,— прекрасное упражнение.

Энкарна вложила сигарету в янтарный мундштук, и я поднес ей зажигалку.

— Сегодня вы какие-то странные...— сказала она.

— Странные? Почему?

— Не знаю... Но будь я вашей матерью, я бы послала вас спать...

— Мы совсем не хотим спать,— сказал Антонио.

— Ладно, оба вы хороши!

— Но при чем здесь мы? Ведь все это — дело горстки агитаторов, оплачиваемых врагами,— объяснил я.— Ты не читала газет?

— Нет.

— Ты поступаешь плохо. Каждый уважающий себя испанец должен их читать.

— Замолчите, довольно! — сказала Энкарна.— Я теперь вижу, что у вас хорошее настроение, но не заставляйте меня киснуть, как плохой виноград...

— Плохой виноград? Киснуть? И это ты о себе, Энкарна?

— Со мной бывает... Вы ведь знаете, что они мне устроили?

— Нет.

— На целый месяц закрыли мой бар и вдобавок еще оштрафовали!

— Ну?!

— Так получилось...— Энкарна понизила голос и оглянулась, чтобы удостовериться, нет ли кого поблизости.— Был праздник Зачатия... Один из этих инспекторов без сутаны зашел выпить стаканчик... молока, конечно. А когда вышел, донес на меня «серым»...[1].

— Почему?

— А я откуда знаю? Наверное, ему показалось, что в баре много этих, прос-ти-тут... Так их, кажется, называют?

— Он был не в темных очках?

— Не помню... Он сказал, что бар был полон ими.

Энкарна поглядела на женщин, сидевших в глубине бара. Это были студентки.

— Я не знаю, может быть, я идиотка, но я никогда не видела здесь ни одной.

— Мы тоже,— подтвердил Антонио.

— Если бы они носили номер на спине, дощечку какую-нибудь, что бы их отличало — черт возьми! — тогда я бы могла сказать: уходите! В мое заведение я не пускаю прос-ти-ту-ток... Правильно я выговариваю это слово? Вот... А то как их узнать?

— Конечно, не узнаешь...

— Я все это объяснила господину комиссару, чтобы его расшибло громом!.. У девушек, которые ходят ко мне, такие же лица, как у нас, и говорят они по-испански так же хорошо, как вы и я... А когда они уходят отсюда, я не могу знать, что они делают.

Ее позвал один из клиентов, и она пошла к нему. Бедра у нее были невероятного размера, но она умела покачивать ими очень грациозно.

— Что будем пить?

— Что хочешь, мне все равно.

Антонио попросил бутылку «Морилеса». Входная дверь была полуоткрыта, и я мог, опершись на перила, видеть всех, кто находился на улице перед баром: группу пьяных американцев и одного «серого» с двумя полицейскими. После стольких дней волнений я чувствовал себя совершенно опустошенным и, как губка, незаметно поглощал мансанилью.

Антонио то разворачивал, то складывал газету, снова и снова перечитывая передовицу. За одним из столов горланили американцы. Один из них встал и опустил монеты в щель проигрывателя. Аккордеон утих, теперь мы слушали соло на кларнете. Кто-то потянул меня за рукав, и я обернулся. Это была Юлия.

— Привет, «хулиганы»! — У нее в руке была газета.

— Привет, «отброс»!

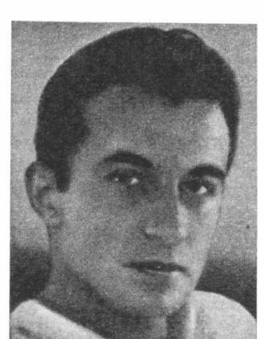
Максимо задержался у дверей и подошел к нам под руку с Энкарной.

— Я рассказала твоим друзьям, что мне подстроили...

Юлии захотелось узнать, о чем шла речь, и Энкарна повторила свой рассказ. В бутыл-

[1] «Серые» — испанская военизированная полиция, одетая в серые мундиры.

«Пуэбло» и молодая испанская литература

Хуан Гойтисоло.

Отвечая на многочисленные протесты европейских деятелей культуры против ареста моего брата Луиса Гойтисоло, мадридская газета «Пуэбло» воспользовалась случаем, чтобы выразить свое неудовольствие теплым приемом, оказанным французскими читателями и критикой молодой испанской литературе. По утверждению обозревателя газеты, «во Франции никого не интересует, да, впрочем, почти никогда и не интересовало качество испанской литературы... То, что сегодня вызывает интерес,— это не произведение само по себе, а писатель как тема. Писатель, которого хотят выставить в ореоле героической борьбы и представить миру как свидетеля страданий». Приписав мне лестную «ответственность» за интерес, проявляемый французскими издателями и критиками к молодому испанскому роману,— хотя, как выражается «Пуэбло», мое имя «менее известно в литературных кругах, чем в полицейских участках»,— газета скорбит о том, что во Франции якобы переводят лишь тех испанских писателей, которые «вносят свою лепту в международную западню марксистского искусства».

Издательство, печатающее молодую испанскую литературу,— это НРФ[1]; упомянутые «опасные» авторы, среди которых фигурируют четыре лауреата премии Надаль, три — премии Академии, три — национальной премии и т. д., живут в Испании, и их произведения свободно продаются в книжных магазинах Мадрида. Совершенно очевидно, что обвинения обозревателя «Пуэбло» не заслуживают комментариев. Но ввиду того, что они отражают взгляды определенных литературных кругов, настроенных оппозиционно к современному направлению испанской литературы, их необходимо спокойно проанализировать.

Что же «Пуэбло» ставит в вину авторам — молодым и не столь молодым,— переведенным за последнее время во Франции? Ответ очень прост: содержание их произведений, опубликованных, как мы уже говорили, в Испании, дает пищу борьбе, поднятой прессой против испанского режима.

Если это так — что, впрочем, надо еще доказать,— то «ответственность» не лежит ни на поэтах и романистах, ни на их французских издателях. Упомянутые произведения не имеют политического характера, они всего-навсего ограничиваются описанием действительности. По душе ли эта действительность обозревателю «Пуэбло»,— вопрос другой. Мы, писатели, ответим, что не мы ее выдумали. «Мы — сатирики,— писал более века тому назад наш великий Ларра,— потому что хотим критиковать насилие, потому что мы хотели бы содействовать нашими слабыми силами просвещению того общества, к которому принадлежим».

Желает того обозреватель «Пуэбло» или нет, современная испанская литература глубоко реалистична. И этот реализм не только свидетельство духовной верности творениям наших классиков, от Арсипреста из Иты и Рохаса до Сервантеса и Кеведо, верности испанскому реалистическому гению, воплотившемуся в плутовском романе,— этот реализм отвечает внутренним требованиям, которые ищут своего выражения. На международном конгрессе романистов, состоявшемся в прошлом году на Форментере, присутствовавшие там испанские писатели единодушно защищали реалистическое искусство от натиска формализма в лице некоторых иностранных прозаиков. Результаты конгресса выявили кажущееся парадоксальным положение: представители страны, слывущей «реакционнейшей», оказались самыми стойкими защитниками «скомпрометированного» реализма. Но парадокс этот мнимый, и даже мимолетный взгляд, брошенный на условия жизни и работы писателя в Испании, мгновенно разъясняет все. В обществе, где человеческие отношения глубоко неестественны, реализм — это необходимость. Каждую секунду для испанского деятеля культуры существование кажется сном. Все вокруг способствует тому, чтобы вырвать его из времени, в котором он живет, пока, наконец, он не начинает чувствовать себя жителем иной планеты, попавшим сюда по недоразумению. Эта оторванность и порождает пустоту, которую надо заполнять и которую каждый заполняет по-своему.

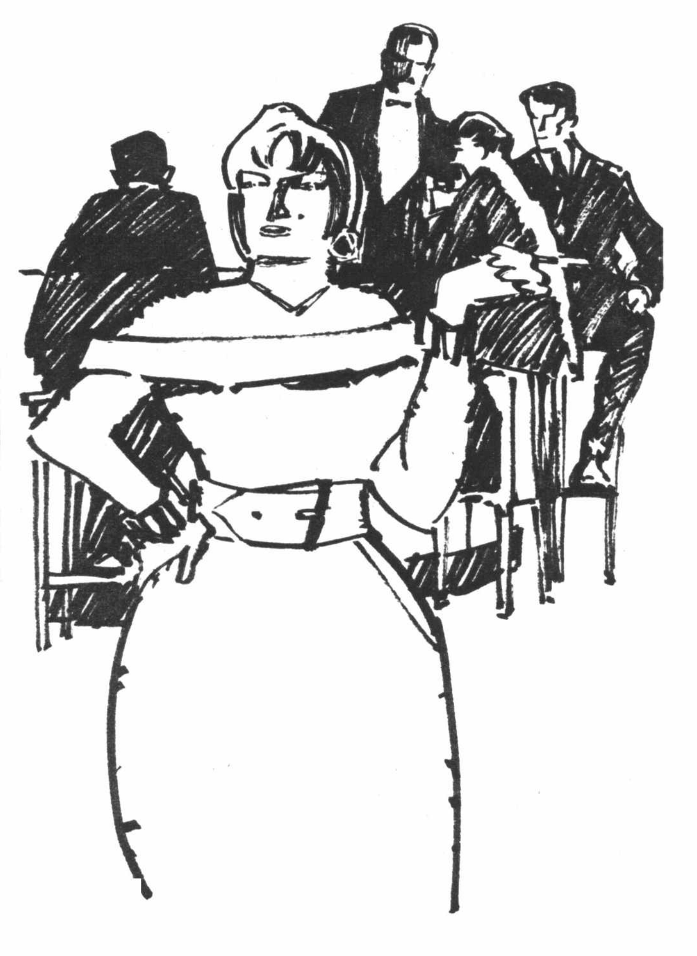
Для нас, испанских писателей, есть только **один вид** бегства — бегство в действительность. Таким образом, нетрудно предугадать, что в ближайшие годы мы станем свидетелями еще большего подъема испанского реалистического искусства. Взгляды, подобные взглядам обозревателя «Пуэбло», с каждым днем способствуют его усилению.

В обществе, менее ирреальном, чем наше, уход от жизни возникает, как реакция против обывательщины. Нам это не грозит. В Испании браться за перо, чтобы писать об увиденном,— это значит мечтать вслух.

[1] НРФ — издательство «Нувель ревю франсэз».

Перевел с испанского А. МАНСО.

Париж, 1960.

ке ничего не осталось, я попросил новую и еще пару стаканов.

— Мне пришлось к тому же заплатить штраф,— закончила Энкарна.

— Сколько же, если не секрет?

— Десять тысяч, дорогая, десять тысяч, не считая денег, потерянных из-за того, что бар закрыли.— Она показала мундштуком на американцев:— Слава богу, хоть эти болваны торчат здесь целыми днями!

Как будто поняв, что речь идет о них, американцы попросили ее подойти.

— Иду, красавчики! — крикнула Энкарна и тихо сказала нам:— Тот, очкастый, влюбился в меня...

Оставшись одни, мы сели за единственный свободный столик. Нам надо было столько сказать друг другу! Но мы не знали, с чего начать, и молчали, каждый прикованный к своему стакану. Мы хотели, чтобы алкоголь развязал нам языки, и пили быстро.

Когда опустошили вторую бутылку, я попросил еще две. Громкая музыка заглушала шум голосов, перед глазами мелькали танцующие пары... Юлия нервно теребила прядь волос и как только замечала пустой стакан, сразу спешила его наполнить. Когда опорожнили третью бутылку и принялись за новую, глаза моих друзей блестели. Антонио сказал с нежностью:

— Какие мы все-таки хулиганы!

И мы почти хором ответили:

— И отбросы и интриганы!

Нам вдруг расхотелось говорить. Мы хотели только сидеть вот так, рядом друг с другом. И нам казалось, что, расставшись, мы уже не встретимся больше.

Неожиданно входная дверь распахнулась, и вошел человек в гимнастерке легионера. Он был наголо острижен, над губой топорщились усики бабочкой. Вызывающе оглядев сидевших за столиками, он подошел к стойке и спросил стакан мансанильи.

— Испанский национальный напиток! — громко выкрикнул он.

Девушка за стойкой обменялась взглядом с Энкарной и наполнила ему стакан до краев. Легионер подтянул брюки и, плюнув на пол, сразу осушил стакан. Потом, ощупав взглядом девушку за стойкой, сказал:

— Налей-ка еще, девочка...

Явно обеспокоенная, Энкарна подсела к нам.

— У этого типа уж очень недобрый, воинственный вид...— со вздохом прошептала она.

— Это один из «наших славных солдат»,— сказал я.

— Один из «наших славных спасителей»! — уточнила Юлия.

— Хватит, закройтесь! — сказала Энкарна.— Если вы что-нибудь начнете, я вас выгоню.

— Мы в «свободной стране»...— запротестовал Антонио.

— В стране «органической демократии»...— вставила Юлия.

— Рассказывайте это вашим бабушкам! — Краем глаз Энкарна не переставала следить за человеком в гимнастерке.— Расскажите это им... Знаете, что сказал мне комиссар, когда я была у него?

— Нет,— хором последовал ответ.

— Что он закрыл мое заведение для моего же благополучия и что я должна быть благодарна ему за это! И за штраф...

— Великолепно! — сказал Максимо.— Что ж, этот тип был прав... Богу не по душе... проститутки.

— Бог, говоришь? — Энкарна погрозила ему кулаком.— Хорош твой бог, ничего не скажешь! Летает по небесам и не знает, что здесь творится...— Она скрестила руки на груди и пренебрежительно выплюнула длинную струю сигаретного дыма.— «Я спущусь... Я скоро приду». Пусть спустится! Если я его когда-нибудь поймаю, то спою такую песенку, в которой все будет ясно...

Держа мундштук во рту, она оглядывала сидящих в баре с гневом и возмущением. Никогда я не видел ее такой прекрасной. В ее синих глазах плескалась ярость. Я понял, что она была из тех, кого оскорбления жизни не смиряли, а наполняли яростью. Оскорбления она переносила с достоинством, беспощадно занося их в свой список.

Девушка принесла еще две бутылки. Мы молча слушали музыку. Присутствие возмущенной Энкарны не давало нам возможности начать разговор. И никто из нас не признался бы, что рад этому. Это было наше последнее собрание, и каждое слово, каждый жест имели бы слишком большое значение потом. Мы отчаянно боролись с торжественностью... Антонио барабанил пальцами по столу, Юлия теребила свой локон... Встречаясь глазами, мы молча улыбались. Я наконец почувствовал, что опьянел, и закрыл глаза. Потом я смутно видел, что Антонио о чем-то говорит с Максимо. Потом Юлия дернула меня за руку... Легионер заспорил с девушкой за стойкой, а Энкарна встала между ними, показывая ему рукой на дверь. Из-за музыки не было слышно, что они говорили. Легионер расстегнул гимнастерку, показывая грудь. Энкарна смотрела на сидящих за столиками, ожидая поддержки. Но никто не пошевелился. Он что-то крикнул и вышел, хлопнув дверью.

Энкарна подсела к нам и начала нервно поправлять прическу.

— Вы слышали?

— Нет,— сказал Максимо.

— Петь ему захотелось... Петь «Кара эль Соль»[1]. Вот нахал! Я его послала к чертовой матери...

— Что он тебе говорил?

— Говорил, что приехал из Ифни. Из Африки. Знаете, что я сказала? — Энкарна поставила руки на бедра.— Я сказала: «А я, сеньор, приехала из Нью-Йорка. Там воздерживаются от песен, даже когда хотят петь. Если хотите затеять скандал, то идите в другое место»...

— А гимнастерка? Зачем он ее расстегнул?

— Показывал раны... Он, бедненький, два раза был ранен «красными». Хотел меня разжалобить.

Легионер был легок на помине. Толкнув дверь, он появился на пороге. Он купил бутылку «Морилеса» в харчевне рядом и теперь, подняв ее, начал жестким, разбитым голосом петь гимн фалангистов.

Посетители бара сначала робко, а потом дружнее и дружнее подхватили гимн. Они пели даже как-то празднично. Я опешил. Но вот, вслушавшись в слова, Юлия начала смеяться, и глаза ее наполнились слезами. Я все понял.

«Прощайте, рубашки, береты... Прощайте, эмблемы, гербы»,— пели сидящие здесь «хулиганы, интриганы и отбросы». И горе, скопившееся в душе за эти дни, отступало с каждой строфой. Мы окончательно прощались со всем этим миром словами наилегальнейшего гимна. Мы даже забыли о моем отъезде, забыли об участи Амедео...

Увлеченный трагикомизмом происходящего, я не заметил, как какие-то «забияки» схватили легионера и выкинули на улицу. Когда, сразу отрезвев, я огляделся, посетители уже вернулись к своим столам, а Энкарна, еще более прекрасная и величественная, снова сидела с нами.

— Испанцы — чудной народ,— сказала она.— Они думают, что гражданская война прошла и все уже позади...

Перевели с испанского
А. МАКАРОВ и А. МАНСО.

[1] Гимн фалангистов.

ЧТО ЖЕ ТАКОЕ ПОРЯДОЧНОСТЬ?

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД ЧИТАТЕЛЬСКИМИ ПИСЬМАМИ

Ник. КРУЖКОВ

Рисунок Л. Самойлова.

Почти одновременно редакция журнала «Огонек» получила два письма.

«Очень прошу объяснить мне вопрос: «Кого мы считаем порядочным человеком?» — и ответить, что значит — порядочный человек»,— пишет Е. Солодилова, фельдшер из деревни Кутырево, Тюменской области.

«Я знаю людей,— рассказывает автор другого письма, А. Вучнева, санитарка больницы,— которые считают себя во всем переулке, где они живут, самыми порядочными. Это супруги И., парикмахеры. Когда соседи с ними здороваются, они даже не отвечают на приветствия. Недавно И. зашел к соседу, у которого были гости, а за ним прибежала жена и, не сказав «здравствуйте», стала кричать: «Зачем ты сюда пришел? Тут нет ни одного порядочного, один ты порядочный». Все возмутились. Дорогая редакция, может, порядочность заключается в хорошей и дорогой одежде?»

* * *

В самом деле, кто такой порядочный человек?

В далекие годы моего детства и юности, еще до революции, выражение это было чрезвычайно распространенным.

— Это мальчик порядочных родителей,— говорили старшие, указывая на чистенького реалистика в форменной фуражке и курточке с ясными пуговицами.

Зато уличные Петьки, Васьки и Кольки, босые, с торчащими вихрами, игравшие весело и непринужденно в бабки или «касло-масло», такого обозначения никогда не удостаивались.

— Дрянные мальчишки, нельзя с ними играть.

Дрянными они были только потому, что их родители в отличие от «порядочных» жили скудно, перебиваясь с хлеба на квас, сапожничали, слесарили, столярничали, плотничали, а не служили в казенной палате или в губернском присутствии. В свою очередь, гимназисты и реалисты отнюдь не были порядочными в глазах какого-нибудь сановного дворянина и богатого помещика, дети которого гуляли с боннами и гувернерами, а на зиму уезжали учиться в лицей, или в институт благородных девиц, или по крайности в кадетский корпус.

Людям моего поколения с детских лет ненавистны эти приторно-сладкие слова — «порядочный человек». Сколько гнусности и фальши прикрывалось этим обозначением!

И как радостно сознавать, что общественный строй, породивший это понятие, сгинул в нашей стране бесследно, навсегда, что в жизнь стремительным потоком ворвались вихрастые Петьки и Ваньки, в свое время отнюдь не принадлежавшие к разряду «порядочных», и что прежние «порядочные» отплыли на последних врангелевских кораблях к чужим туманным берегам.

Существует и у нас немало людей, которые, употребляя прежнее выражение «порядочный человек», сохраняют в нем и прежний смысл.

Это мещане, обыватели. Их немного в нашем обществе, но они очень мешают нам жить по-социалистически.

Мещанин опасен прежде всего тем, что он многолик, многообразен и обладает чудовищной силой приспособляемости. При всяких сложных общественных коллизиях он пытается забиться в бурьян, пересидеть, переждать, а потом вылезает, как ни в чем не бывало.

Николай Островский в романе «Как закалялась сталь» рассказывает, как обыватели маленького южного города в разгар грозных событий девятнадцатого года по утрам тревожно осведомлялись друг у друга: какая нынче власть в городе?

«И Автоном Петрович, подтягивая штаны, испуганно озирался:

— Не знаю, Афанас Кириллович. Ночью пришли какие-то. Посмотрим: ежели евреев грабить будут, то, значит, петлюровцы, а ежели «товарищи», то по разговору слыхать сразу. Вот я и высматриваю, чтобы знать, какой портретик повесить, дабы не влипнуть в историю...»

Все горело и дымилось вокруг, а мещанин-обыватель уцелевал и, сидя в погребе, возносил благодарственные молитвы:

— Слава тебе, господи, пронесло!..

Мещанин дорожит только собственной шкурой и ради собственной шкуры готов на любую акцию. Если можно украсть и не попасться,— он украдет. Если для собственной выгоды нужно восславить честность,— восславит, да так, что «глаза в крови, лицо горит, сам плачет, и мы все рыдаем». Если безопасно можно потопить ближнего,— потопит. Может, впрочем, и вытащить утопающего, если за этим последует для него, мещанина, какая-либо польза.

Мещанин с готовностью видит в чужом глазу сучок, но в своем никогда не заметит бревна. Мещанин — всегда законник, но как-то так лихо обращается с законами, что они идут на пользу только его собственной шкуре. Он готов годами судиться с ближним своим из-за кухонного ведра, но сразу же отвернет физиономию, если его вызовут в качестве свидетеля по какому-нибудь рискованному для его благополучия делу: «моя хата с краю».

Твердых убеждений мещанин не имеет, да, собственно, они ему и не нужны. Он может говорить одно, делать другое, а думать третье, в зависимости от того, что выгодно в данный момент.

В представлении мещанина порядочность — это прежде всего сумма материальных благ. «У него своя «Волга», «У него большая зарплата», «Его повысили в должности»... Все такие и им подобные фразы произносятся с благоговением и восторгом.

Возвышаясь, мещанин надувается, как индюк, становится самодовольным, важным. С подчиненными мещанин говорит густым басом, с теми, кто посильней его,— елейным тенором. Мой знакомый, московский поэт, отпустивший из кокетства густую бороду, был схвачен в маленьком городке на базаре и повлечен в милицию, как личность, по мнению участкового, подозрительная. Участковый орал на него и топал ногами. Поэт был человек терпеливый и ждал, чем все это кончится. Как только поэт предъявил свои документы, участковый в мгновение ока превратился в отличного малого, а лицо его подверглось ряду волшебных изменений.

— Извините, пожалуйста. Ошибочка вышла. Стишки пишете? Читали, как же! Хорошие стишки: природа там, любовь и вообще...

Разумеется, никогда в жизни участковый стихов поэта не читал.

Вот вам пример того, как «непорядочный» превратился в «порядочного». А если бы поэт забыл дома документы?

Мещанин любит подглядывать в замочные скважины, обожает кляузы, сплетни, доносы, но если его самого тронуть хотя бы пальцем, он поднимет такой визг, что вам небо покажется с овчинку.

Иной человек с виду вполне благообразен, трудится (от сих до сих), профвзносы платит вполне аккуратно (нельзя иначе), выступает на собрании (умеренно), примерный семьянин (тайные грешки не в счет), а поскобли его — мещанин, да еще какой, пробы ставить негде!

Я знал одного немаловажного работника, который только на собственной даче, приобретенной правдами, а больше неправдами, обнаруживал себя, так сказать, в голом естестве. Дача втридорога сдавалась внаем от сарая до чердака, сам он с супругой скромно ютился в крошечной комнатке, выходившей окном к уборной (мы люди маленькие). Супруга жадно обирала малину, смородину, цветочные клумбы и на мужниной служебной «Победе» везла всю эту благодать на ближайший базар, где бойко кричала в рядах торговок: «Кому цветочки, кому ягодки?» Шофер исправно копал гряды на даче начальнику за «чекушку» водки в виде поощрения (отказываться не будешь!). Даже грибы, собранные в лесу, везла супруга на базар (нам много не надо). Зато какой роскошный доклад сделал однажды супруг на семинаре среди своих сослуживцев под девизом «О коммунистической сознательности»! Какие были приведены цитаты! Как досталось людям, «не совлекшим с себя ветхого Адама мелкособственничества»! Все были очень довольны, а больше всех он сам.

Недавно в одном знакомом мне семействе произошел скандал: разошлись муж с женой после тридцатилетнего мирного жития. Что же случилось? Черная измена? Нет! Супруги были уже в том возрасте, когда измены не совершаются без риска инфаркта. Зять не понравился — вот в чем дело, зять оказался плох! Дочка вышла замуж черт знает за кого. Может, действительно за карманника, растратчика, подлеца? Нет, за студента, да еще заочника, работавшего каменщиком на строительстве.

Ужас воцарился в доме. Мама — за дочку и зятя, папа — на дыбы: «Не позволю! Нет, что ли, женихов среди порядочных людей? Почему бы дочке не выйти в самом деле за тов. С.? Инженер, с положением, с отдельной квартирой! А этот кто? Живет в общежитии, имеет одну пару худых штанов, что из него еще получится, никто не знает. Любовь? Какая там еще любовь!»

Сам глава семейства много лет тому назад пришел в Москву из деревни чуть ли не в лаптях, добился всего своим трудом, стал образованным человеком, членом партии и... остался мещанином. Но попробуйте скажите ему, что он напоминает известный персонаж стихотворения Саши Черного — воинствующего Арона Фарфурника, дочка которого собралась выйти замуж «за голодранца студента Эпштейна»! Сколько будет обиды!

К слову сказать, любовь, чувство, не предусмотренное в постановлениях, всегда повергает мещанина в нервный трепет. Недавно к нам в редакцию пришел с виду весьма почтенный человек и, роняя от гнева пенсне, закричал:

— Как вы можете печатать такие безнравственные рассказы?

Что же описывалось в рассказе? Юноша и девушка, сидя майским вечером на берегу реки, целовались, не переступив предварительно порога загса и не спросив разрешения родителей. Вот негодяи!

— Я не могу показать этот рассказ своей дочери! — кричал человек в пенсне.

Живуч мещанин!

В статье «О мещанстве» Горь-

кий писал: «Все молитвы мещан могут быть сведены без ущерба их красноречию к двум словам: «Господи, помилуй!»

Как требование к государству, к обществу и в несколько развернутой форме молитва эта звучит так: «Оставьте меня в покое, дайте мне жить, как я хочу».

Чрезвычайно высоко ценя свою шкуру, оберегая ее любыми способами от повреждений, мещанин при этом в глубине души сознает, что шкура его не так уж презентабельна, не столь уж приятна для обозрения. Поэтому первая его забота — прикрыть собственную неблаговидность. Отсюда лицемерие, одно из свойств мещанской натуры. Мещанин как чемодан с двойным дном. Он всегда обеспокоен тем, что о нем скажут. Он стремится к тому, чтобы все выглядело порядочно с внешней стороны, внутренняя же порядочность для него, как проблема, не существует, он даже не знает, что это такое, и знать не хочет. И потому нигде столь распространенно не бытует этот термин «порядочный человек», как среди все еще существующего в различных видоизмененных формах мещанства. И говоря «порядочный человек», мещанин прежде всего имеет в виду внешнюю форму бытия. Внешне все хорошо — значит, хорошо! Наивный вопрос А. Вучневой: «Дорогая редакция, может, порядочность заключается в хорошей и дорогой одежде?» — не так уж наивен, если вдуматься.

Есть такая старая пословица: «По одежке встречают, по уму провожают». Мещанин и встречает по одежке и провожает по одежке, ибо ум — категория сложная и для мещанина не всегда доступная.

Приходилось же нам с вами наблюдать, как в ресторан входит самодовольный человек, солидно одетый, держащийся надменно, и как вокруг него сразу возникает этакое завихрение: сдвигаются столики, на обычно скучных лицах официантов оживление и угодничество: «Сергей Иванович пришел!» Сергей Иванович любит, чтобы его не только хорошо обслуживали, но и при этом как бы чествовали. Он не такой уж большой туз, но в ресторане он желает быть не гражданином, а господином. Калиф на час! К тому же калиф вполне порядочный человек, не скупится на чаевые.

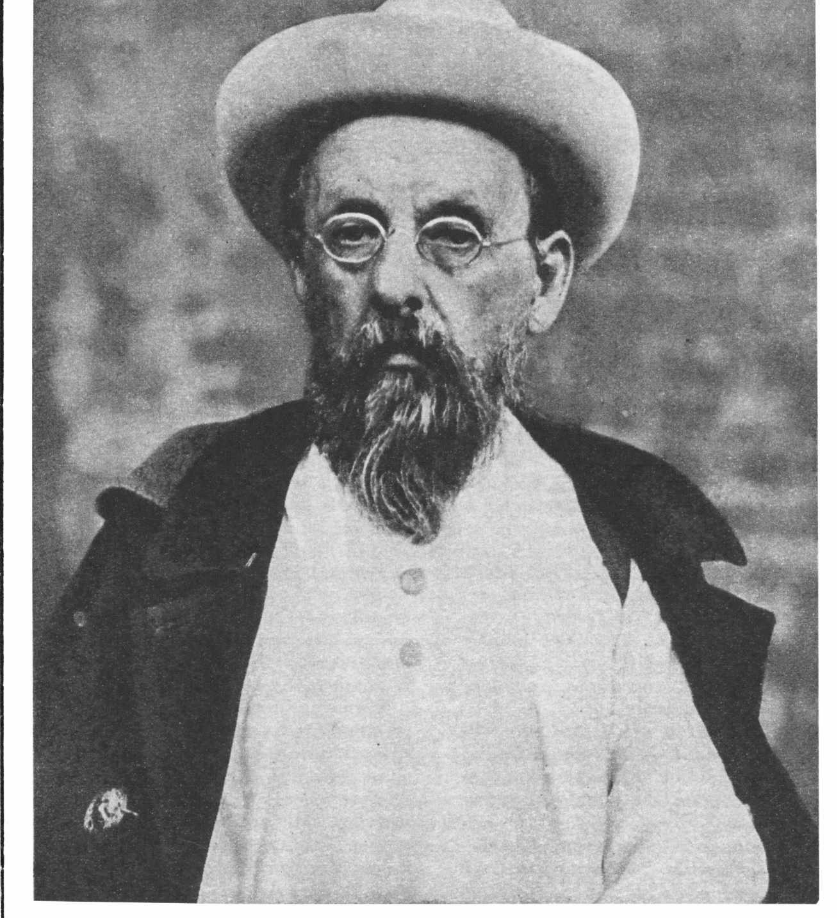
Мещанин твердо убежден, что величественное разбрасывание чаевых — один из признаков «порядочного человека».

* * *

Итак, что же такое порядочность? Выше мы привели немало примеров мещанского, чуждого нам понимания порядочности.

Но ведь существует и наша, коммунистическая, советская порядочность. В чем же она заключается? Личные интересы у порядочного человека не расходятся с общественными, а сливаются с ними воедино. «Если хорошо обществу, народу, государству — значит, хорошо и мне»,— такова наша советская формула. «Лишь бы мне жилось хорошо, а на остальное наплевать»,— такова формула мещанина, обывателя.

Мы за порядочность и за понятие «порядочный человек». Но вкладываем в это понятие мы вкладываем иной, совсем иной смысл, чем парикмахер И. и его супруга.

К. Э Циолковский. Редкий снимок начала 1920-х годов.
Фото инженера В. В. Ассонова.

К. Э. ЦИОЛКОВ

...В то же время [я] разработал совершенно самостоятельно теорию газов. У меня был университетский курс физики Петрушевского, но там были только намеки на кинетическую теорию газов, и вся она рекомендовалась, как гипотеза сомнительная.

Послал я свою работу в столичное «физико-хим[ическое] общество». Единогласно был избран его членом. Но я не поблагодарил и ничего на это не ответил (наивная дикость и неопытность).

Ломал голову над источниками солнечной энергии и пришел самостоятельно к выводам Гельмгольца. Потом эти работы были напечатаны в разных журналах.

Река была близко, но на плоскодонке плавать было противно, а иных лодок у нас не было.

Я придумал особую быстроходную лодку. Катался на ней с женой, которая сидела у руля и правила. Знакомый столяр даже выиграл через нее партию у богатого купца, который говорил, что я лодку сделать не сумею. Но когда я проехал на ней мимо его окон, то купцу пришлось заплатить проигрыш. Потом я делал такие же лодки на 15 человек. Нашлись и подражатели. С помощью своей лодки забрасывал верши.

Моя лодка была с поверхностью вращения, которая в сечении имела синусовидную кривую. Доски плотно смыкались проникающей их проволокой. Много катался и с парусом. Наезжали на острые сваи, но ни разу не опрокидывались. Все же лодка была очень валкая, особенно первая—маленькая. Вот трагическое происшествие. Тесть нарядился и собрался в гости. Надо было перевезти его на другой берег. Предупреждал, чтобы не хватался за борта лодки. Лодка заколебалась, он испугался, схватился за края и сейчас же кувырнулся в воду. Я стою на берегу, помираю со смеху, а он барахтается в холодной весенней воде в своем наряде и во всю мочь ругается. Вылез и не простудился. Такое же горе было и с другими. Лодку назвали душегубкой... Больше лодки не были валки...

Ребята вытаскивали причальный кол и катали на лодке друг друга. Приходишь к берегу — нет лодки, а лежит какая-то черная рыба, высунув спину. Эта была моя перевернутая «душегубка», не загубившая, впрочем, ни одной души.

Зимой с знакомыми катался по реке на коньках. Был такой случай. Вода только что замерзла, и лед был тонкий. Поехали на коньках втроем. Я впереди. Говорю товарищам: «Первый провалюсь я, а вы катитесь тогда назад». Лед подо мной трещал, показалась вода. Я скорей повалился и лежа пополз назад. Так спасся. Что это, отважность или безумие? Я думаю, что и то и другое. Приятели ускакали в деревню за помощью, но я выкарабкался без нее. Сколько раз я в бурю я мчался по льду силою ветра! Это было восхитительно!..

Всегда я что-нибудь затевал. Вздумал я сделать сани с колесом. Все сидели и качали рычаги. Сани должны были мчаться по льду. Все было закончено, но испытание машины почему-то не состоялось. Вероятно, я усомнился в ее целесообразности.

Потом я заменил это сооружение особым парусным креслом. По реке ездили крестьяне. Лошади пугались мчащегося паруса, возчики ругались матерным гласом. Но я долго об этом не догадывался. Потом уж, завидя лошадь, заранее поспешно снимал парус.

Катался на коньках, пока был чистый лед. Попадал в прорубь, но река у берега была мелкая.

Однажды сильно замочился, а мороз был трескучий. С пальто текло, и образовалось множество сосулек. Шел по улице, а сосульки, ударяясь друг о друга, звонили, как колокольчики первосвященника. Ничего, проходило безнаказанно.

Реку любил. Каждый день в хорошую погоду ездил с женой кататься, жена правила рулем, я работал веслами. Потом пошли дети, и я ездил уже один или (редко) с кем-нибудь из товарищей. Осенью вода очищается от водорослей, которые падают на дно, и вода становится очень прозрачной. Видны все камешки, песок, растения и водное население.

По берегам, в недоступных местах, по обрывам, росла ежевика. Местность была красивая, летом река запружена, и катанье на протяжении 3—5 верст восхитительное...

* * *

Педагогический персонал был далеко не идеальный. Жалованье было маленькое, народ прижимистый, и уроки добывались не совсем чистой хитростью.

Я никого не угощал, не праздновал, сам никуда не ходил, и мне моего жалованья хватало. Одевались просто, в сущности, очень бедно, но мы и детьми в заплатах ходили.

Другое дело — мои товарищи. Это большею частью семинаристы, кончившие курс и выдержавшие особый экзамен на учителя. Им не хотелось поступать в попы. Они привыкли к лучшей жизни: к гостям, праздникам, суете и выпивке. Им не хватало жалованья. Брали взятки, продавали учительские дипломы народным учителям. Я ничего не знал по своей глухоте и никакого участия в этих скромных вакханалиях не принимал. Но все же по мере возможности препятствовал нечестным поступкам. Мечта товарищей — сбыть меня с рук, что и свершилось со временем.

Сам я всегда отказывался от уроков с учениками, а другие редко попадались. Несколько лет подряд я немного зарабатывал у предводителя дворянства, занимаясь с его детьми то русским, то математикой.

Несмотря на глухоту, мне нравилось учительство. Большую часть времени с учениками отдавал решению задач. Это лучше возбуждало мозги и самодеятельность и не так было для детей скучно.

ОКОНЧАНИЕ. См. «Огонек» № 37.

С учениками старшего класса летом катались на моей большой лодке, купались и практиковались в геометрии.

Я своими руками сделал две жестяных астролябии и другие приборы. С ними мы и ездили. Я показывал, как снимать планы, определять величину и форму недоступных предметов и местностей, и обратно, по плану местности, восстанавливать ее в натуре в любом пустом поле. Впрочем, больше было веселости и шалостей, чем дела.

Через Т. я познакомился с другим домом. Тут я давал урок одной девице. В этой семье я встретил очень молодую замужнюю женщину, в которую, после отъезда Т., и влюбился без ума. Ее семья заменила мне семью Т. Разумеется, она никогда не узнала о моих чувствах. Я только раз ее поцеловал под предлогом христосования.

— Можно с вами похристосоваться?

— Можно...

Я едва коснулся ее губ.

— Что же вы не сказали: «Воистину воскресе»? — заметил муж.

...[Моя] жена была спокойна, и мы жили мирно. Я иногда помогал ей по хозяйству, даже шил ей рубашки на машине. Теперь уже забыл про это, но она недавно мне напомнила. Были и маленькие сцены и ссоры, но я сознавал себя ВСЕГДА виновным, просил прощения. Так мир восстанавливался. Преобладали все же работы. Я писал, вычислял, паял, стругал, плавил и проч[ее]. Делал хорошие поршневые воздушные насосы, паровые машины и разные опыты. Приходил гость и просил показать паровую машину. Я соглашался, но только предлагал гостю наколоть лучины для отопления паровика.

Летом я еще нашел забаву для учеников. Сделал огромный шар из бумаги. Спирту не было. Поэтому внизу шара была сетка из тонкой проволоки, на которую я клал несколько горящих лучинок. Монгольфьер, имеющий иногда причудливую форму, подымался, насколько позволяла привязанная к нему нитка. Но однажды нитка нечаянно внизу перегорела, и шар мой умчался в город, роняя искры и горящую лучину.

Шар попал на крышу к сапожнику. Сапожник заарестовал шар. Хотели привлечь к ответственности. Потом уже я свой монгольфьер только подогревал, огонь же устранял, и шар летел без огня. Поэтому скоро опускался. Ребята гнались за ним и приносили обратно, чтобы снова пустить на воздух.

32—33 лет я увлекся опытами по сопротивлению воздуха. Потом занялся вычислением и нашел, что закон Ньютона о давлении ветра на наклонную пластинку неверен. Пришел и к другим, не известным тогда выводам. Помню, на рождественские праздники сидел непрерывно за этой работой недели две. Наконец, страшно закружилась голова, и я скорей побежал кататься на коньках.

Написанная рукопись и сейчас у меня цела. Потом часть ее была издана в журнале при содействии профессора А. Г. Столетова.

...С самого приезда в Б[оровск] я занимался усердно теорией дирижабля. Работал и на каникулярных уроках. Праздников у меня не было. Как и теперь — пока здоров и не оставили силы — я работаю.

Еще в 87 году я познакомился с Голубицким. У него гостила известная София Ковалевская (женщина-профессор в Швеции). Он приехал в Б[оровск], чтобы везти меня к Ковалевской, которая желала со мной познакомиться. Мое убожество и происходящая от этого дикость помешала мне в этом.

Голубицкий предложил мне съездить в Москву к Столетову (известному физику) и сделать доклад о своем дирижабле. Поехал, плутал по городу, наконец попал к профессору. Оттуда поехали делать сообщение в Политехнический музей. Читать рукопись не пришлось. Я только кратко объяснил сущность. Никто не возражал.

Хотели меня устроить в Москве, но не устроили. Попал же я в Калугу...

В Б[оровске] я жил на окраине, и меня постигло наводнение. Поднялись половицы в доме, посуда плавала. Мы сделали мосты из стульев и кроватей и по ним передвигались. Льдины звенели о железные болты и ставни. Лодки подъезжали к окнам, но спасаться мы не захотели.

В другой раз более серьезно претерпели от пожара. Все было растаскано или сгорело. Загорелось у соседей от склада неостывшего угля...

Однажды я поздно возвращался от знакомого. Это было накануне солнечного затмения, в 1887 г[оду]. На улице был колодезь. У него что-то блестело. Подхожу и вижу в первый раз ярко светящиеся гнилушки. Набрал их полный подол и пошел домой. Раздробил гнилушки на кусочки и разбросал их по комнате. В темноте было впечатление звездного неба. Позвал кого можно, и любовались. Утром должно быть затмение. Оно и было, но случился дождь. Ищу зонтик, чтобы выйти на улицу. Зонта нет. Потом уж вспомнил, что зонт оставил у колодца. Так и пропал мой новенький, только что купленный зонтик, за что получил гнилушки и «звездное небо».

...Если я не читал и не писал, то ходил. Всегда был на ногах.

Примерно со времени женитьбы, когда не был занят, особенно во время прогулок, я всегда пел. И пел не песни, а как птица, без слов. Пел и утром и ночью. Это было отдыхом для мысли. Мотивы зависели от настроения. Настроение же вызывалось чувствами, впечатлениями, природой и часто чтением. И сейчас я почти каждый день пою и утром и перед ночью, перед сном, хотя уже и голос охрип и мелодии стали однообразней. Ни для кого я этого не делаю, и никто меня не слышал. Я это делаю сам для себя. Неясные мысли и ощущения вызывали звуки. Помнится, певческое настроение появилось у меня с 19 лет. Однажды всю ночь я тихонько припевал. На другой день отец и говорит мне: «Однако ты всю ночь просвистал...» Это вышло случайно, ночью же я всегда хорошо сплю.

В Москве мне пришлось познакомиться с известным педагогом Малининым. Его учебник я считал превосходным и очень ему обязан. Говорил с ним о дирижабле. Но он сказал: «Вот такой-то математик доказал, что аэростат не может бороться с ветром...» Возражать было бесполезно, так как авторитет мой был незначителен. Вскоре умер и он и Столетов.

В КАЛУГЕ

Тут я сошелся с семьей Ас.[1], а потом Кан.[2].

Семья Ас. была видная в городе. Ас. помог мне связаться с Нижегородским (ныне Горьковским) кружком любителей физики, председателем которого был Щербаков, недавно умерший в Калуге. Я стал печатать свои работы о Солнце, о летательных приборах и другие в журналах: «Наука и жизнь», «Научное обозрение», «Вестник опытной физики», «Вокруг света» и проч.

Производил много опытов по сопротивлению воздуха и воды. Приборы устраивал сам — сначала маленькие, потом большие, которые занимали почти всю квартиру. Бывало, запрешься на крючок, чтобы не отрывали и не нарушали правильности воздушных течений. Стучится почтальон, а открыть дверь нельзя до окончания наблюдения. Письмоносец слышит мерный звон метронома и счет 15, 14, 15, 15, 14 и т. д. Наконец, отворяют дверь ворчащему почтальону. Одна родственница, увидавши в квартире чудовище (аппарат), сказала моей жене: «Когда он уберет этого черта?!» Один батюшка заметил, что «загажен святой угол».

Тела разной формы клеились из толстой рисовальной бумаги. Но нужны были иногда для этого тяжелые деревянные болванки. Их приготовлял для меня покойный преподаватель железнодорожного училища инж. Л. Никогда не забуду этой бескорыстной услуги!

...Меня тянуло к реке. Выстроили двойную лодку моей системы. Работал главным образом я. Лодка имела кабину и большое гребное колесо. Все сидящие на лавочке могли вращать это колесо, сидя удобно в тени и в защите от дождя и ветра! Лодка годилась даже для танцев—так была устойчива (двойняшка) — и легко шла против течения. Были частые и интересные прогулки. Фотография с нее, кажется, хранится у одного из местных педагогов.

Дети мои учились в средних школах. Все три дочери окончили гимназию. Старшая была на высших курсах. Мальчики учились особенно хорошо, кроме больного от рождения Вани. Он все же прошел бухгалтерские курсы. Один сын умер студентом, другой не вынес столичной нужды, сдал экзамен, как я, и был учителем высшего начального училища. Теперь остались только две дочери, которые и живут при мне, в одном доме. Шесть внучат при мне, седьмой в Смоленске при отце, но он тоже почти все время жил у меня.

В городском саду летом часто была музыка, и я с увлечением не пропускал ни одного концерта. Становился у самого павильона и так только улавливал все нюансы. Музыкальный слух у меня был, и я, что бы ни слышал, через некоторое время воспроизводил своим птичьим пением. Но возникали и самостоятельные мотивы, благодаря настроениям. Я помню, что после чтения «Борьбы миров» Уэллса у меня возник никогда не слышанный мною мотив, соответствующий гибели человечества и полной безнадежности.

Свои занятия электрические я продолжал, присоединив к статическому электричеству гальваническое. Делал машины всех систем, кончая самой сложной — индуктивной с двумя вращающимися колесами. Главное угощение моим немногим знакомым состояло в электрическом представлении. Теперь я сократил свое личное знакомство и принимаю только по делу или ради научной беседы. Обывательской болтовни для времяпрепровождения теперь совершенно не выношу.

В 1897 году мне дали уроки математики в казенном реальном училище. Там были недовольны тем, что у меня не вышло ни одной годовой «двойки». Приехал новый директор и отобрал у меня уроки для себя.

В это время я сильно утомлялся. Из своего училища шел в реальное училище, оттуда — в третье училище точить свои болванки для моделей. Другому бы ничего, а я со своим слабым здоровьем не вынес — заболел воспалением брюшины. Не лечился (я вообще не помню, чтобы когда-либо лечился). Думал, что помру. Тут я в первый раз узнал, что такое обморок. Во время приступа ужасных болей потерял сознание. Жена испугалась и стала звать на помощь, а я очнулся и, как ни в чем не бывало, спрашиваю: «Чего ты орешь?» Тогда она мне все объяснила, и я узнал, что пробыл некоторое время в «небытии».

По близости моей квартиры был Загородный сад. Я часто ходил туда думать или отдыхать — и зимой и летом. Встретил там знакомого велосипедиста. Он предложил мне поучиться ездить на велосипеде. Попробовал, но безуспешно — падаю. Тогда я заявил: «Нет, никогда я не выучусь ка-

---

[1] В. И. Ассонов — математик, работал податным инспектором. Любил науку и искусство.

[2] П. П. Каннинг — после окончания Московского университета был владельцем маленькой аптеки в Калуге. Увлекался физикой и воздухоплаванием.

СКИЙ: МОЯ ЖИЗНЬ

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ

Наша революционная история — огромное идейное богатство. Новые поколения черпают в революционных традициях ленинскую страсть к преобразованию мира, великую силу коммунистического строительства... В воссоздании замечательных страниц прошлого велика роль художественной литературы.

Арк. Васильев назвал свою трилогию «Есть такая партия». Эта бессмертная фраза Ленина на Первом съезде Советов выражает главную мысль романа, написанного темпераментно, с большим чувством эпохи. В нем охвачены события от 6 января 1905 года, когда по царскому помосту во время водосвятия на Неве был дан выстрел картечью, и до октябрьских боев 1917 года в Москве.

Два мира в смертельной схватке: трудящиеся массы во главе с большевистским авангардом противостоят обреченному царизму. Люди революции представлены в романе и реальными историческими лицами и вымышленными. Груня Николаева, Аким Клещев, рабочие парни Силантий и Василий, солдат-гвардеец Степан Важеватов,— сотворенные авторской фантазией, они воплощают лучшие черты пролетарских революционеров. Это живые люди, со своими мыслями, чувствами. Вот сцена в тюрьме. Министр внутренних дел Дурново приказал привести к нему арестованных работниц, чтобы выяснить: почему эти, вчера бессловесные фабричные рабыни сегодня бунтуют? Беседу с министром Груня ведет не только с подлинным человеческим достоинством и верой в торжество своего дела, но и с убийственной издевкой, которая рождена силой революции и которая приводит в ярость царского сатрапа.

По исторически верному контрасту показал Арк. Васильев, на кого и на что опирался царизм. Депутат государственной думы, предатель Малиновский, завербованный охранкой, и развратник, пьяница Распутин, интимный «друг», советник Николая и царицы... Эти фигуры свидетельствуют, сколь омерзительны и гнилы были подпорки царизма в годы его агонии.

Десятки людей действуют в трилогии; много событий — и крупных, навеки запечатленных в истории, и мелких, повседневных — совершается в романе. Из этих фактов, из чувств, мыслей, действий самых обыкновенных людей слагается то, что мы называем ходом истории. Истинным ее героем в трилогии Арк. Васильева является большевистская партия — ум, честь, совесть нашей эпохи.

Десять лет Арк. Васильев работал над трилогией, и надо отдать ему справедливость: роман «Есть такая партия» читается с интересом и волнением... Он исторически правдив, человечен, партиен. А некоторые художественные промахи, просчеты и прочие огрехи не помешают читателю увлечься этой содержательной книгой о нашем славном прошлом.

М. ГУС

Арк. Васильев. Есть такая партия. Роман. Изд-во «Советская Россия».

ВЫ ЛЮБИТЕ ТЕАТР?

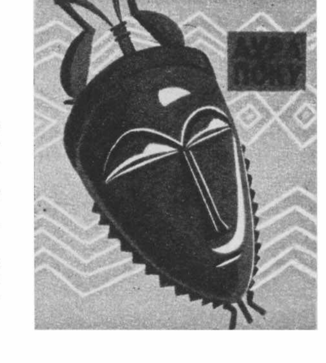

Каждый театр, как говорится, дышит воздухом театрального зала. Театру нужен понимающий, умный зритель. Но и зрителю важно познакомиться с «театральной азбукой»: ему будет легче «читать» спектакль.

Вот почему театроведы пишут не только для знатоков, но и для тех, кто попросту любит театр, и для тех, кто его еще не любит... Так задумана в издательстве «Искусство» серия, куда входит книга Ал. Дейча «Мы любим театр». Это непринужденный рассказ о возникновении театра, о его расцвете в древней Греции, о трехъярусной сцене средневекового театра, изображавшей рай, землю и ад; об английском театре времен Шекспира, когда декорации «создавались» не театральным художником, а одним только воображением зрителей, когда можно было пошутить, что «спектакль» начнется не раньше, чем Дездемона «побреется», ибо женские роли исполнялись юношами, и, наконец, это рассказ о советском театре. Автор рассказывает о «зримых и незримых участниках спектакля», о том, как советские драматурги пишут пьесы, как режиссеры их ставят. Словом, это книга, чтение которой поможет слушателям народных университетов культуры освоить увлекательную «театральную азбуку».

Г. МИТИН.

Мифы бауле

Народ бауле. Речь идет об одном из народов Африки. Как же мало мы знаем пока об африканских народах, об их самобытной культуре!

Да это и не удивительно. До недавнего времени Африка оставалась закрытым континентом. Колонизаторы пытались скрыть от международного общественного мнения произвол, грабеж и эксплуатацию захваченных территорий. Верно говорят африканцы, что на черном континенте нет ничего черней дел белого человека.

Для оправдания своего господства колонизаторы распространяли чудовищные россказни об африканцах. В книгах, написанных колониальными чиновниками и миссионерами, фигурируют дикари, не имеющие, конечно, ни своей истории, ни своей культуры.

Признаться, и до нас долетали отзвуки подобных представлений. Все потому, что у нас почти не было непосредственных контактов с Африкой. Получилось так, что мы больше читали о пигмеях и бушменах, составляющих вместе едва ли одну трехтысячную населения Африки, чем о таких высококультурных народах, как ашанти, ибо, хауст, фильбе.

Отрадно отметить, что в Советском Союзе выходит все больше книг и статей об африканских странах. В Издательстве восточной литературы вышел сборник мифов, сказок, легенд, басен, пословиц и загадок народа бауле «Аура Поку».

Бауле живут на гвинейском побережье Африки, в республике, названной Берегом Слоновой Кости. Есть в Гвинейском заливе еще Перечный Берег, Золотой Берег и, наконец, Невольничий Берег — красноречивые свидетельства деятельности колонизаторов.

Бауле — один из самых талантливых народов Африки. Он славится своими мастерами резьбы по дереву, музыкантами и танцорами, своими сказителями. Устное народное творчество особенно сильно развито у африканских народов, не имевших письменности. Из поколения в поколение передавались предания о важных событиях истории бауле. Старики, как и всюду, рассказывают детям забавные и поучительные сказки. Народ сохраняет свои древние песни и создает новые — песни борьбы за свободу.

Выразительные сказания, поэтичные мифы и меткие пословицы бауле раскрывают душу этого народа. Они совершенны по стилю, стройны и лаконичны. В них подкупает безыскусственность, легкость и чувство юмора. Невольно веришь словам немецкого исследователя Г. Химмельхебера, собравшего эти образцы народного творчества бауле, который пишет во введении, что он «старался, насколько это возможно оставаться верным оригиналу». Немало поработал наш переводчик Г. Пермяков. Предисловие профессора Ольдерогге дает ясное представление о природе Берега Слоновой Кости, о хозяйстве и быте бауле, о политических событиях в этом районе Африки. Оформители книги М. Ольвет и Л. Васильев нашли оригинальное решение суперобложки и заставок.

Л. СЕКИН

Аура Поку. Мифы, сказки, легенды, басни, пословицы и загадки народа бауле. Изд-во восточной литературы. Москва. 1960, 247 стр.

таться на двухколеске». На другой год (в 1902 г.) купил старый велосипед и в два дня научился. Было мне 45 лет. Теперь можно отпраздновать 30-летие моей езды на велосипеде. Выучились и все мои дети, даже девушки.

* * *

...Революцию все встретили радостно. Надеялись на конец войны, на свободы.

Я относился, по моим годам, сдержанно и ни разу не надевал красных ленточек. Поэтому в одном училище (где я также давал уроки) вообразили, что я ретроград. Но я им показал книгу, изданную мною при царе, чисто коммунистического направления. В епархиальном же училище на меня давно косились, теперь в особенности, и называли большевиком. Мое явное сочувствие революции очень не нравилось.

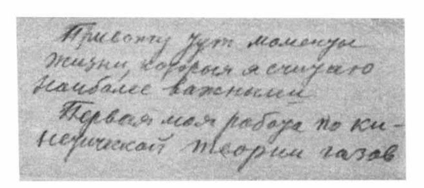
С Октябрьской революцией преобразовали школы, изгнали отметки и экзамены, вводили общий для всех паек и всеобщее право на труд. Одним словом, вводили самые идеальные коммунистические начала. Учреждена была в Москве Социалистическая (названа потом Коммунистическая) академия. Я заявил ей о себе и послал свою печатную автобиографию. Был избран членом. Но я не мог выполнить желание академии переехать в Москву. Поэтому через год должен был оставить академию. Вышел даже в отставку и совсем оставил учительскую деятельность. Получил академический паек, потом помощь от ЦЕКУБУ, затем пенсию, которую и получаю до сих пор.

Но я не оставил своих работ, напротив, никогда так усердно и много не трудился, как после оставления училищ (в 1920 году).

Меня особенно увлекали социалистические работы и натурфилософские.

Основанием моей естественной философии было полное отречение от рутины и познание вселенной, какое дает современная наука. Наука будущего, конечно, опередит науку настоящего, но пока и современная наука — наиболее почтенный и даже единственный источник философии.

Все предвзятые идеи и учения были выброшены из моего сознания, и я начал все снова — с естественных основ и математики. Единая вселенская наука о веществе, или материи, была базисом моих философских мыслей. Астрономия, разумеется, играла первенствующую роль, так как давала широкий кругозор. Не одни земные явления были материалами для выводов, а космические: все эти бесчисленные Солнца и планеты. Земные явления, несовершенство Земли и человечества, как результат младенческого их возраста, вводили почти всех мыслителей в заблуждение.

Привожу тут моменты
жизни, которые я считаю
наиболее важными.
Первая моя работа по ки-
нетической теории газов

Последняя страница автобиографии К. Э. Циолковского. В конце работы его рукой написано:
«Привожу тут моменты жизни, которые я считаю наиболее важными.
Первая моя работа по кинетической теории газов».

Если бы Константин Эдуардович Циолковский мог увидеть осуществление своих блистательных идей — спутники Земли, лунник, космические корабли, как бы радовалась душа мыслителя и мечтателя, математика и фантаста, жившего у серебряной Оки, в маленьком русском городе Калуге!

В Калуге стоит памятник Циолковскому. Ветер раздувает плащ за его спиной, взор устремлен вперед, и кажется, что Циолковский проникновенно и проницательно всматривается в будущее. А рядом с ним блестит металлом ракета, и ее строгие очертания как бы подчеркивают реальность идей великого ученого в их свершении.

Нет, жив Циолковский и не умрет вовек!

Д. Обозненко, Я. Серов. В ПЕРЕРЫВЕ СЪЕЗДА.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ВЫСТАВКА «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»

О. Богаевская. ГОСТИ (ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ).

В. Сидоров.

МАЙСКИМ УТРОМ (НА ПЛОТИНЕ).

Ю. Анохин.

ВЕСНА ИДЕТ (ДЕРЕВНЯ СТРОИТСЯ).

Разговор серьезный

Вероятно, статья Мариэтты Сергеевны Шагинян «Ленинградские вечера» не вызывала бы такого непреодолимого желания немедленно браться за перо, если бы она касалась только впечатлений о театральном Ленинграде.

Но в статье есть вторая часть — о взаимоотношениях профессионального искусства и художественной самодеятельности вообще. Она не может остаться безответной.

Основная мысль Шагинян сводится к следующему. Профессиональное театральное искусство умирает. Художественная самодеятельность — вот зачатки искусства будущего. В будущем обществе, обществе всесторонне развитых, разносторонне образованных людей, оставаться профессионалом в искусстве будет чем-то почти неприличным.

К сожалению, Мариэтта Сергеевна Шагинян не первая и, боюсь, не последняя высказывает эту мысль. Не так давно один оратор воскликнул с весьма высокой трибуны: «Неужели мы и в коммунизм придем со штатным танцором?» Невольно подумалось: бедная Уланова, неужели ей не найдется места в коммунизме?! И смогла бы стать Уланова Улановой, занимаясь хореографией попутно, в порядке самодеятельности, а по штату будучи, скажем, радиотехником?!

Думается, что некоторые товарищи неправильно поняли курс партии на всемерную поддержку и развитие художественной самодеятельности. Успехи самодеятельности свидетельствуют о всестороннем развитии, о росте культурного уровня, расширении интересов наших людей. И поддерживать самодеятельность — это значит прежде всего видеть в ней одну из форм организации досуга, во-вторых, использовать ее как форму эстетического просвещения и воспитания масс и, наконец, пользоваться ею как средством наилучшего выявления талантливых кадров для будущей профессиональной художественной школы и профессионального искусства. Но никогда не ставился вопрос о том, что художественная самодеятельность призвана заменить профессиональное искусство.

Да и почему перед лицом светлого коммунистического будущего нападки начались на профессионализм именно в искусстве?

Вряд ли противник профессионализма сядет в самолет, пилотируемый ботаником, который в порядке самодеятельности занимается летным делом, или пойдет жаловаться на недуг бухгалтеру, посвящающему свой досуг медицине! Но на оперную, драматическую или балетную сцену на смену профессионализму должны почему-то прийти дилетантизм и любительщина!

М. Шагинян сетует на «утраченную многими профессиональными театрами **настоящую заразительную театральность».** Но перечисленные самой М. С. Шагинян спектакли Г. Товстоногова и Н. Акимова, актерские работы Ю. Толубеева, Н. Черкасова — это все не далекое вчера советского театра, а его сегодня! А «настоящая заразительная театральность» Тбилисского театра имени Руставели! А подчас спорные, но смелые и талантливые поиски Н. Охлопкова! Это тоже сегодня советского театра.

Там, где театр начинает «механически повторять заученное» и теряет «настоящую заразительность», причины следует искать в **падении** в данном конкретном случае творческого **мастерства,** то есть как раз в отсутствии высокого **профессионализма.** И путь к тому, чтобы достойно ответить на высокие требования наступающего коммунизма, — это путь к совершенствованию своего профессионального мастерства в самом широком смысле этого слова.

Утверждать, «что быть профессионалом в искусстве уже **мало** для человека, мало потому, что этим урезывается сама **жизнь»,** — значит снижать понятие искусства, значит не понимать существа, сердца **подлинного** художника, для которого жизнь воспринимается через его искусство, а искусство — это его связь с жизнью.

Студент технологического института Марк Кондратько не хочет стать профессиональным актером; он говорит: «Нет, для меня этого мало». Ну, что же, он ответил честно. Кондратько решает свою судьбу, при чем же здесь «черточка наступающей эры коммунизма»? А если бы сегодня вдруг молодой доктор А. П. Чехов ответил о литературе: «Нет, для меня этого мало», — тоже следовало бы усмотреть в этом ответе рост его сознания?!

В прошлом году, например, в студию МХАТа поступил ленинградский токарь Анатолий Семенов. В этом году была принята бывшая студентка механико-математического факультета Ленинградского университета Алла Максимова (я нарочно выбираю ленинградцев). Они тоже играли в самодеятельности, перед ними были открыты возможности занять «по штату» более почетные, с точки зрения М. С. Шагинян, места, чем место работника театра. Но они сознательно пошли в театральный вуз, чтобы стать профессиональными актерами. Что же, они дальше от коммунизма, чем их земляк из технологического института?

Мастера профессионального театра никогда не относятся пренебрежительно к театральной самодеятельности, наоборот — это источник талантливых кадров. Я отлично помню в спектакле «Аттестат зрелости» Московского Дома пионеров школьников Светлану Мизери — ныне актрису Театра имени Владимира Маяковского и Игоря Квашу — ныне актера театра-студии «Современник». Помню наши долгие хорошие разговоры перед их поступлением в школу-студию МХАТа. Им было всего мало **без** театра, а их партнерам по спектаклю, вероятно, мало было тогда театра без **чего-то еще.** Ну и что же! Я не возьму на себя права раздавать билеты на места в коммунизме в зависимости от профессий; я не могу говорить неуважительно об участниках самодеятельного спектакля, которые стали сейчас врачами, инженерами, рабочими, и мне бывает очень больно, когда это делают другие по отношению к людям, избирающим искусство театра своей профессией.

На реплике одного ленинградского студента М. С. Шагинян построила целую концепцию. Я позволю себе нафантазировать следующее: если бы был жив гениальный художник и великий скромник К. С. Станиславский и перед ним во всей грандиозности встали бы задачи, которые ставит наша жизнь перед современным театром, он, вероятно, сказал бы: «Нет, **меня** для этого мало». Для настоящего художника искусство необъятно, огромно, и сознание своего несовершенства есть постоянный стимул к росту, к совершенствованию, к исканиям. Только такое понимание искусства и своего места в нем — залог будущих успехов советского театра.

В. МОНЮКОВ,
режиссер-педагог школы-студии МХАТа

НАШИ МНЕНИЯ СОВПАДАЮТ

Уважаемая товарищ М. Шагинян!

Я глубоко удовлетворен Вашей справедливой оценкой спектаклей ленинградских театров. Особенно я разделяю Ваше возмущение балетами «Спартак» и «Берег надежды».

Я с радостью сообщаю Вам, что мои впечатления обыкновенного, рядового зрителя, любящего театр, во всем совпадают с Вашими.

С уважением к Вам
В. КУПРИЯНОВ
Ленинград.

Я РАБОТАЮ В САМОДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Меня, как актера народного театра, глубоко задела та дискуссия, которая развернулась на страницах «Огонька».

Двадцать семь лет я работаю в самодеятельности. Я не случайно сказал «работаю»: театр для меня не отдых, не досуг, не приятное времяпрепровождение, а постоянный, каждодневный, увлекательный и нелегкий труд.

Очень правильно, во весь голос сказала Мариэтта Шагинян о том новом качестве театральности, которое родилось уже сегодня на подмостках самодеятельного театра.

В чем оно проявляется? В непосредственности ли исполнения, страстности отношения к роли или отсутствии заученных штампов? Определить сразу трудно. Но об этом, по-моему, стоит подумать и критикам-театроведам и всем, кто заинтересован в развитии театра. Побольше серьезного внимания народным театрам! Не надо их гладить по головке и говорить, какие они хорошие. А вот подумать об их специфике, о том особенном, что они несут в искусство, — это очень важно.

М. БОГОМОЛОВ,
конструктор, артист народного театра «Метростроя»

1

Г. ДОЛМАТОВСКАЯ, Д. УХТОМСКИЙ

Мы собирались ехать на юг. Нет, нас не ждало Черное море. Нас интересовало, как в курортную страду обслуживают пассажиров вокзалы самой загруженной летом трассы.

— Какой вокзал на этой дороге вы считаете лучшим? — обратились мы к работникам Министерства путей сообщения.

— Конечно, Орловский! Да и не только на этой дороге, а, пожалуй, и во всем Союзе.

Жарким утром мы расстаемся с завтрашними курортниками и ступаем, как принято говорить, на раскаленный асфальт перрона. Но тут, в Орле, эта привычная формула явно не подходит — она «смыта» поливочной машиной. Пока подобную машину вы встретите только здесь да на московских вокзалах.

Орел! Ну что ж, вокзал как вокзал. Только огромный цветник вокруг отличает его от сотен ему подобных. Загорелая курносая девушка возится в цветах.

— Валя Бухвостова.— Она протягивает маленькую руку, перепачканную землей.

— Вы цветовод?

— Сейчас да, а вечером — перронный контролер, а завтра, может быть, буду работать маляром. У нас здесь все по две-три профессии имеют... А цветы мы в Москву отправляем, на ВДНХ, в павильон «Цветоводство». Может, слышали про орловские розы? Это наши...

Мы не слышали про розы, что выращивают на вокзале, а вот про здешних кулинаров нам рассказывали еще в Москве.

В ресторане мы заказали обед и в ожидании его — да простят нам это! — рассматривали своих соседей по столу. Это были, очевидно, мать и дочь. Девушка, кажется, знает толк в еде. Удивительно аппетитно это у нее получается!

— Мама, ты попробуй, какое здесь все свежее! И вода холодная, и вкус у нее необычный.— И тут же она завела с официанткой деловой разговор: — Откуда получаете овощи, мясо, воду?

Оказалось, что любопытство Зои Рощиной профессиональное: она товаровед по продовольствию. Официантка имела квалифицированного собеседника и потому охотно сообщила, что овощи и мясо — из своего подсобного хозяйства, фруктовая вода изготовляется тут же в специальном цехе, а кексы — в своей кондитерской. Туда-то мы и отправились.

...Цех был наполнен запахом ванили. На противнях лежали орловские «фирменные» хлебцы, пряники, коврижки, пирожные — над ними колдовали кондитеры.

— Каждый день до четырех тысяч пассажиров покупают наши изделия! — с гордостью заявил ведущий кондитер цеха Василий Павлович Иванов.

За стеной что-то шипело и потрескивало — там готовилась уже ставшая знаменитой орловская колбаса. Через несколько минут мы увидели ее розовые круги с коричневой хрустящей корочкой и пузырьками горячего масла на подносе у продавщицы Тамары Миклеевой.

Но есть пассажиры, которые не могут оценить искусство ор-

ПУТЬ ЛЕЖИТ ЧЕ

3

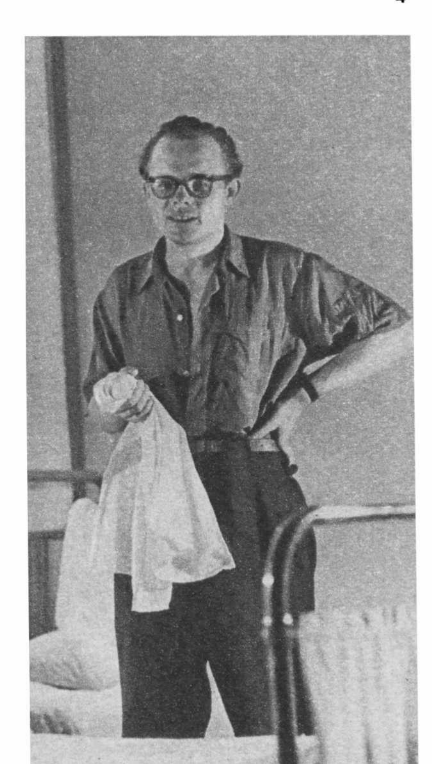
4

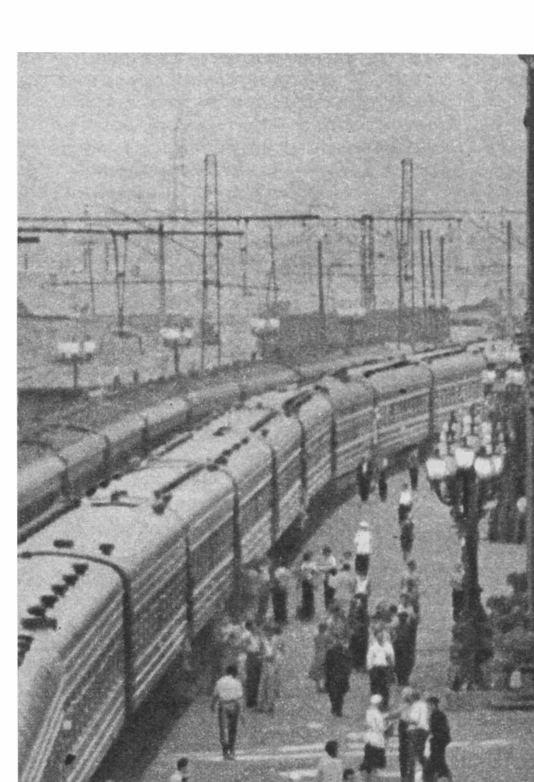
5

ловских кулинаров. Их мамы и папы шлют телеграммы с поездов в комнату матери и ребенка: «Прошу вынести кипяченое молоко к № 93 вагон № 4. Силины». И маленькая седая женщина спешит к поездам, чтобы доставить молоко своим клиентам. Мы уже слышали о ней в Москве на Казанском вокзале. «Будете в Орле, обязательно познакомьтесь с этой замечательной старушкой. Она заведует детской комнатой»,— напутствовали нас.

Старушкой Елену Александровну Новицкую, несмотря на ее 73 года, не назовешь. Ее фигурка мелькает в разных концах вокзала. Заметила отца со спящим на руках ребенком — пригласила с собой. Посидела в комнате игр, отправилась в детскую столовую. Потом проводила молодую маму с плачущим сыном: мальчонка никак не может расстаться с комнатой игр.

Знакомимся с посетителями этой комнаты — Саша и Лариса, судя по всему, здесь не в первый раз. Их бабушка Софья Андреевна Кальченко рассказывает нам:

— Я часто езжу от Изюма до Риги. Могу пересаживаться на рижский поезд и в Москве и в Орле. И все же предпочитаю Орел. Мне здесь с ребятами спокойнее.

...Уже осветились мягким оранжевым светом окна проходящих поездов. Вечер. Пустынно кругом. Одинокий человек в нерешительности стоит у входа в зал.

— Далеко ли до городской гостиницы? — спрашивает у милиционера.

— Идите лучше в нашу комнату отдыха.

— Представляю, что это за комната! — хмыкнул приезжий и направился в город.

Наутро мы встретили его, и именно в комнате отдыха.

— Вернулись?

— В городской гостинице мест не нашлось. Вернулся. А здесь, поверите, час ночи был, а мне горячий душ предложили принять, чай принесли!

Оказалось, что мы уезжаем с инженером Александром Коротковым в один день. Вместе отправились за билетами. В кассовом зале шла утренняя уборка. Вдоль сверкающего стеклом и неоном ряда касс деловито двигались механизмы. Прошелестела поломоечная машина, пылесосы тянули однообразные песни. Наше внимание привлекла такая сцена у одной из касс. Стекло с надписью «Проверяйте деньги, не отходя от кассы» заменяли простым, прозрачным.

— Совет проверять деньги, не отходя от кассы, устарел,— говорит начальник вокзала П. В. Казанцев.— Работаем на доверии. А самое главное — покончили с очередями.

Мы имели возможность убедиться в этом. Кассирша приложила к билету фигурную линейку и коротким движением оторвала его. Раньше на это уходило четыре секунды — надо было тщательно вырезать билет ножницами,— теперь — мгновение.

Оставалось взять багаж. На своем чемодане вы не обнаружите ни ярлыка, ни даже следов клея. Ярлыки прикрепляют обыкновенными бельевыми зажимами. А пальто ваше или плащ обязательно повесят на вешалку. Мелочь? Но ведь мелочи и определяют стиль обслуживания.

...Поезд тронулся; сладкий аромат белого табака стал быстро слабеть, и невольно подумалось, что старые слова «вокзальная суматоха», «дорожные неприятности» не имеют никакого отношения к вокзалу на станции Орел.

Зоя Рощина довольна орловской кухней.

Скорый Москва— Тбилиси подходит к Орлу.

Кондитер В. Иванов.

— Никогда не думал, что можно отдохнуть прямо на вокзале! — говорит инженер А. Коротков.

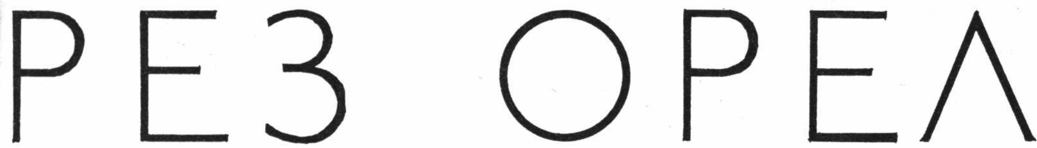

Орловская колбаса уже успела стать знаменитой.

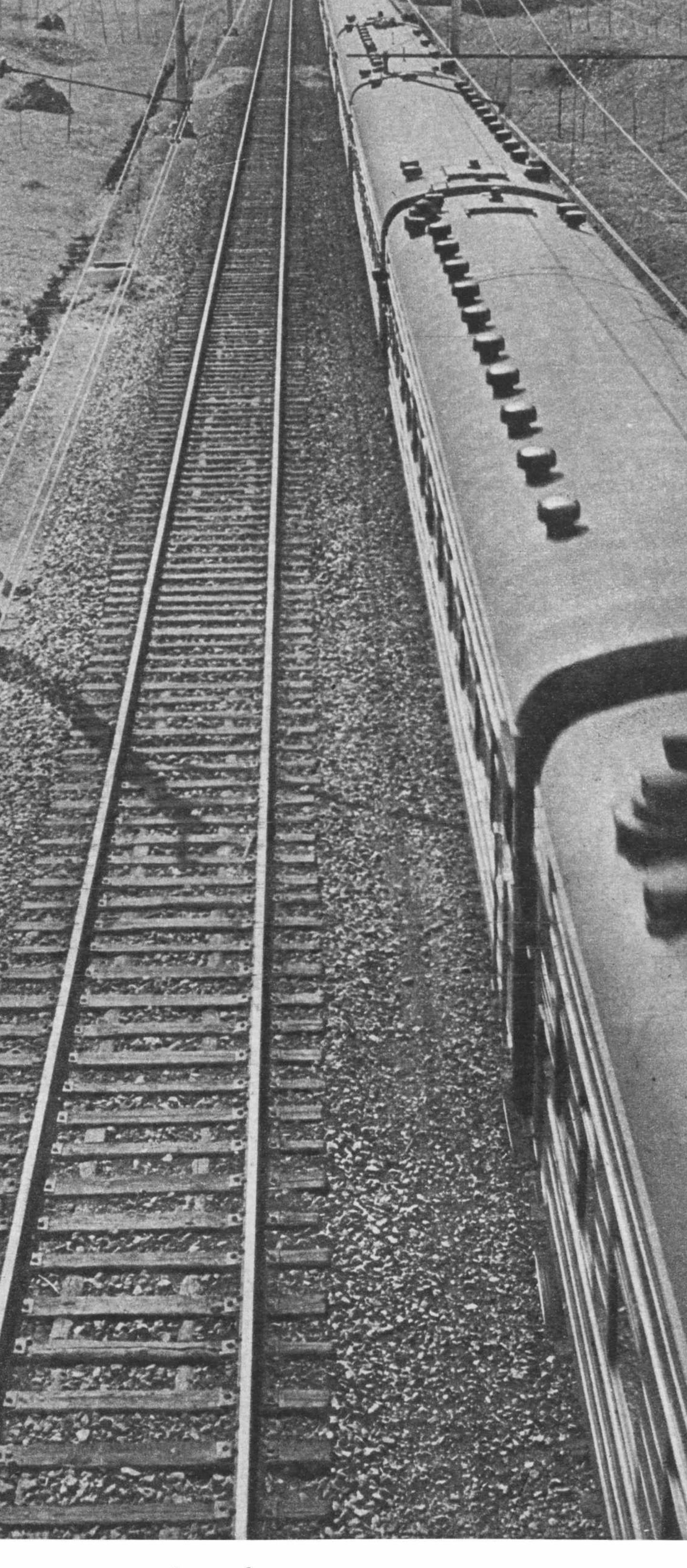

На перроне.

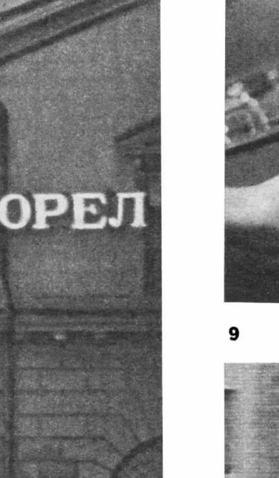

На чемоданах вы не найдете следов клея.

Их теперь не вытащишь из комнаты игр.

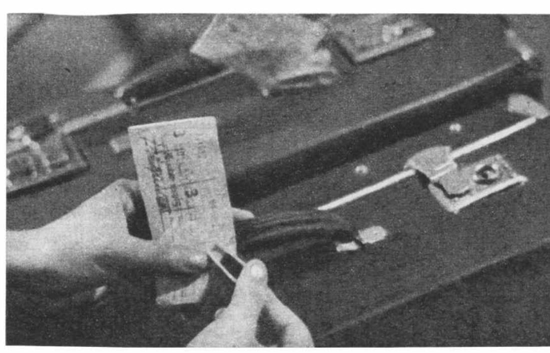
9
Не нужно искать такси — багаж доставит вам домой «Передвижная камера хранения».

РЕЗ ОРЕЛ

2

6

7

8

9

СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ

Чайка была маленькая, а ветер большой. Чайка попала в бурю. Ее отбросило в море. Она взлетала вверх и бросалась вниз, она искала щели между потоками воздуха, куда можно было бы втиснуть свое маленькое тело, но ветер безжалостно сминал ее крылья и отбрасывал ее назад.

Нутете́ин не мог отвести глаз от чайки, летящей против ветра. Сердцем охотника, знающего цену победе, он понимал ее мужественную борьбу и глазами художника видел красоту трепещущего, легкого, бесстрашного полета маленькой птицы против большого ветра.

Чайка наконец села на берег.

Нутетеин, задыхаясь от обилия впечатлений, побежал к своему другу Тукхелляну. Он рассказывал о чайке, поднимая руки, как крылья, трепетом пальцев показывал трепет ее перьев, напряженно дрожавших под ветром. Произошло чудо: художник увидел что-то новое в мире, увидел то, на что, не видя, смотрели до него глаза тысяч и тысяч людей. Может быть, никто никогда не видел полет чайки так поэтично и красиво, как тридцатилетний эскимос Нутетеин, житель холодной Чукотки. Тукхелляна захватил рассказ Нутетеина, и они вместе придумали песню и танец: «Полет чайки против ветра». Большую часть песни придумал Тукхеллян, большую часть танца — Нутетеин.

Потом Тукхеллян умер, а Нутетеин повез свой танец в далекую Москву.

...Мы сидим втроем под колоннами Зеленого театра на Выставке достижений народного хозяйства. Нутетеин, руководитель чукотско-эскимосского ансамбля Базик Магометович Добреев и я. Я задаю вопросы. Нутетеин отвечает. И прежде чем Базик Магометович успевает перевести его ответ, я уже почти все понимаю. Нутетеин отвечает не только голосом, но и руками. Жесты, скупые и плавные, потрясают своей точностью и выразительностью: по его рукам я вижу, о чем он рассказывает. Очевидно, только сын, внук и правнук охотников может так тонко и точно видеть природу, так сливаться с ней, так ее любить.

А что Нутетеин может рассказать о себе? Мало. Охотится на пушного зверя, на нерпу, моржа, лахтака. Бил китов — был гарпунером. Сейчас бригадир зверобойной бригады. Трудно становится: возраст уже не тот. А сколько же ему? Пятьдесят три. В Москве первый раз? Первый. Нравится? Да! Ходит и смотрит. Смотрит жадно, иногда даже спотыкается на гладком асфальте: некогда смотреть под ноги. Приедет домой, соберет стариков и расскажет им о Москве. А теперь Нутетеин должен идти выступать, скоро начнется концерт «Северное сияние».

Я тоже иду на концерт. Как и все зрители, я вижу собранное в одну театрализованную программу искусство ненцев и якутов, эскимосов и чукчей, эвенков и нанайцев — древнее и новое искусство народов Севера. По сцене плывут широкие яркие хороводы. Гоголем, высокомерно разбивая девичьи сплетенные руки, входят в хороводы парни. Тонко и жужжаще звенят рожки, невероятно смешно поют речитативом скоморохи. Танцуют матросы, танцуют ученики «Трудовых резервов». И вместе со всеми я вижу, как чайка летит против ветра, так, как она летела двадцать лет назад над Беринговым морем: танцует Нутетеин.

Но еще красивее, чем танцы и песни всех этих людей, мне кажутся их судьбы. Вот, например, эскимос Базик Магометович Добреев, художественный руководитель ансамбля, с которым приехал Нутетеин. Ему двадцать девять лет. Он родился тогда, когда на далекой Чукотке стали появляться культбазы — собрание непонятных еще эскимосам и чукчам учреждений: мастерские, интернат, ветпункт, родильный дом... И первой решилась рожать ребенка в светлом невиданном доме, а не в грязной и темной яранге жена ингуша Магомета Добреева, который попал на Чукотку с Кавказа, объехав полмира, и женился здесь на эскимоске.

Первого мальчишку, рожденного в родильном доме культбазы, назвали в честь этого великого события — Культбазик. И сейчас коммунист, начальник отдела культуры Чукотского окружного исполкома Базик Магометович Добреев — он все-таки не выдержал и отбросил первую часть своего имени, став просто Базиком,— смеясь, рассказывает мне историю своего рождения. И на меня веет задором и романтикой тех уже легендарных лет, когда жизнь менялась с начала до конца, когда на далекой Чукотке становились другими дома, понятия, судьбы, рождалась письменность, приходила культура. Что в это время стоило придумать новое, небывалое имя? Менялось все. И все изменилось. Это видно по сегодняшнему концерту!

А концерт продолжается. В зале, где звучала эскимосская, якутская, русская речь, сейчас слышится итальянская. Песню «На качелях» по-итальянски поет нанайский певец Ко́ла Бельды.

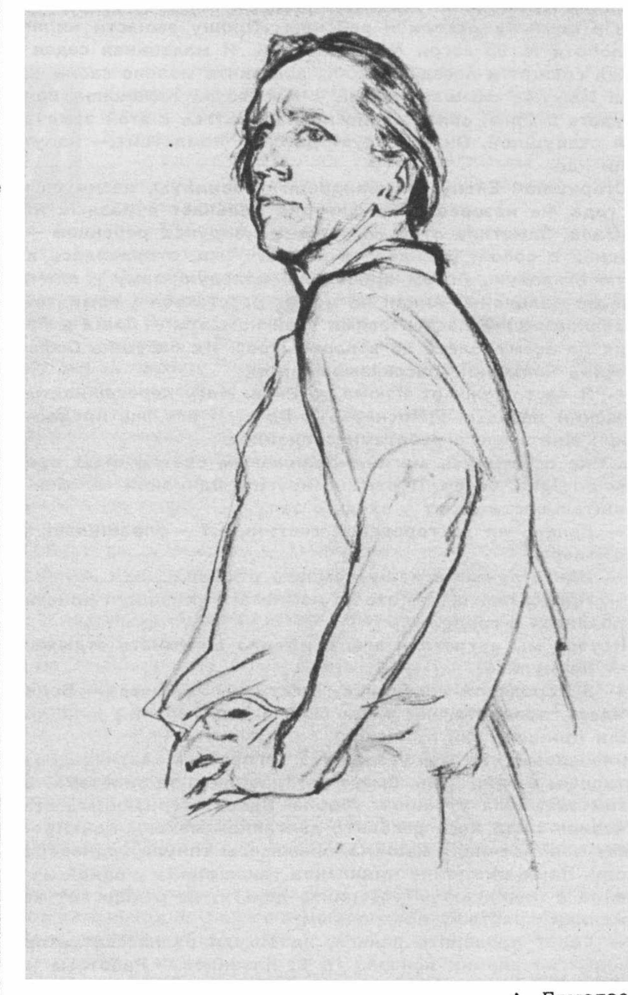
Кола Бельды было четыре года, когда погиб его отец. Он помнит, как привезли труп отца в обледенелой одежде. Преследуя оленя, охотник провалился в реку. Кола Бельды остался сиротой. Нанайские мальчики в 8 лет уже ходят на охоту и бьют зверя. Кола Бельды сам распорядился своей судьбой: из нанайского становища он убежал в интернат. И еще раз, в 14 лет, он бежал — теперь уже в школу юнг. Очевидно, мальчишки разных национальностей одинаково влюблены в профессию моряка. Служба на флоте дала нанайскому юноше очень много: здесь он окончил среднюю школу и, участвуя в ансамбле, усвоил основы серьезной музыкальной культуры. Первым из всего нанайского народа Кола Бельды переступил порог консерватории.

...Кола Бельды поет по-итальянски... Вот он взглянул наверх, засмеялся, откачнулся, словно спасаясь от летящих на него качелей, и зрителю на минуту кажется: в самом деле взлетают качели, и от давно забытого детского задора и радости захватывает дух. И снова льется песня с той легкостью и свободой большого искусства, которые обманчиво кажутся само собой разумеющимися, но даются годами и годами упорного труда. Нанаец Кола Бельды, овладев русской школой вокального искусства, возвратился к родному творчеству. Он поехал на Север, изучил нанайские, эвенкские, чукотские песни. Сейчас в Москве их записали на пленку в исполнении первого профессионального певца нанайского народа Кола Бельды.

А. ЖУКОВА

Идет концерт «Северное сияние».
Фото Ю. Кривоносова.

А. Ермолаев.

ТАНЦОВЩИК, БАЛЕТМЕЙСТЕР, ДРАМАТУРГ

Много ли известно крупных, удачных балетных спектаклей, в которых о современниках, людях наших дней, было бы рассказано средствами хореографии?

Ответ на этот вопрос пока что, увы, огорчителен.

Когда был организован конкурс на лучшее балетное либретто, четырем из них жюри присудило вторые премии. Два из этих либретто: «К счастью» (девиз «Алеша») и «На седьмом небе» (девиз «Буренка») — принадлежат Алексею Ермолаеву.

Блестящий артист, талантливый танцовщик и балетмейстер выступил как одаренный драматург музыкального театра. Оба его произведения рассказывают о нынешнем времени. «К счастью» — многоплановое повествование о сложных чувствах советских людей, о том, как они обретают путь к истинному, большому счастью, преодолевая трудности и заблуждения. «На седьмом небе» — это искрометная, веселая танцевальная комедия.

Оба либретто А. Ермолаева приняты к работе Большим театром Союза ССР.

Н. ГРОМОВ

МАДОННА БЛАГОРОДНАЯ

Николай АСАНОВ

Повесть

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

1

Посадка на этом аэродроме, стремительно летевшем нам навстречу, не предполагалась. Самолет шел из Риги в Москву, но Москва не принимала...

Но вот самолет выровнялся наконец, и край земли начал полого опускаться. Из боковых окон было видно, как вокзал аэродрома все падал и падал и в конце концов потерялся где-то на краю горизонта. Самолет коснулся земли, натужно взревел и сразу превратился в большой неуклюжий автобус, к которому по ошибке были приделаны крылья. Он и шел, как автобус, раскачиваясь, переваливаясь с боку на бок, разбрызгивая снежные заструги, так что вихри из-под колес достигали окон. Видно, здесь недавно прошла метель, та самая, что заслонила нам дорогу в Москву.

Я взглянул на своих спутников. Гордеев в ответ на мой взгляд только удрученно пожал плечами. Марта спала. Лицо ее, утомленное длительной болтанкой, было бледным, локоны развились. Она казалась много старше своих лет. Зато сейчас она больше походила на жену пожилого, строгого профессора, каким и был Гордеев.

Самолет подруливал к аэровокзалу. Вокзал выглядел уютно и спокойно. Он приглашал выйти и посмотреть на незнакомый город, обещая гостеприимство. Не знаю почему, но иные вокзалы сразу обещают неудачи и неудобства. Этот в законченной простоте своих строгих линий хранил именно ощущение уюта и покоя.

Дверца кабины хлопнула, вышел коренастый, черный, как уголь, летчик, сердито сказал:

— Не дают погоду! Ночевать будем здесь!

От голосов пассажиров самолет загудел, как барабан. Почему-то во всех случаях вынужденной посадки каждый пассажир считает себя кровно обиженным, а летчиков — чуть ли не личными врагами. Черный летчик покачал головой, повернулся и закрыл за собой дверь. Он не признавал себя виновным.

Марта проснулась, по-детски потянулась, зевнула сладко-сладко и только потом открыла глаза, сразу сделавшись похожей на девчонку: и щеки окрасились румянцем, и губы порозовели, и глаза смотрели с наивной простотой. Оглядев пассажиров, она прижалась к плечу мужа, снова закрыла глаза, пробормотав:

— Как я спала!

Она всегда делала такие неожиданные открытия: «Как я спала!», «Как я поела!», «Как я хорошо выгляжу!»,— будто другие должны были обязательно восхищаться этими ее открытиями. Но гул голосов в самолете был до того злым и раздраженным, что даже Марта на мгновение забыла о себе.

— Мы уже в Москве? — спросила она мужа.

— Нет, маленькая задержка,— ласково, как говорят ребенку, чтобы не напугать его, сказал Гордеев.

И голос Марты сразу вплелся в общий гул на той же высокой ноте. Странно, пассажиры гудели так, словно надеялись, что от их гудения самолет тотчас полетит дальше.

Но вот по самолету, ни на кого не глядя, прошел механик, открыл дверь, за ней показалась лестничка с перилами, и уставшие от собственной нервозности люди тихо пошли вниз. Марта передернула плечами, сняла с багажной сетки свой маленький чемоданчик и заторопила мужа:

— Идем, идем! Надеюсь, гостиницу-то нам устроят?

Я вышел последним: мне отдельный номер гостиницы не требовался, а посмотреть на незнакомый город всегда интересно.

Однако Гордеевы ждали.

Цепочка пассажиров уходила по черному с белыми от снежных заструг полосами асфальту куда-то в сторону от аэровокзала, по-видимому, к гостинице аэропорта. Марта кутала горло меховым воротником и плотно сжимала коленями полы пальто, повернувшись спиной к ветру. Гордеев смущенно посмотрел на меня. Я понял: в гостинице на аэродроме не было отдельных номеров, там скорее всего общежитие для случайного ночлега, и теперь Гордеев готов предъявить мне некоторые претензии. Я был главным в нашей бригаде, значит, я и обязан отвечать за покой моих спутников.

Я молча зашагал в здание вокзала.

На меня чуть не налетел длинный прохожий в берете и в легком пальто, подбитом мехом. Он шел мимо нас, торопясь к единственной машине с зеленым огоньком счетчика. Миновав меня, он наткнулся на Гордеевых и вдруг остановился. Сразу послышался мягкий взволнованный голос:

— Марта!

И после паузы, во время которой он успел бросить быстрый взгляд на меня и Гордеева, более сдержанно:

— Кришьяновна!.. Как вы сюда попали?

Марта вздрогнула, выпрямилась, брови ее сошлись треугольником, она недоверчиво спросила:

— Герберт?..

Они стояли, как снежные призраки, нечаянно нашедшие друг друга.

Впрочем, женщина всегда возвращается к реальности быстрее, чем мужчина. Марта обернулась ко мне и Гордееву, я еще увидел, как остро сверкнули ее расширенные зрачки, но голос, когда она заговорила, был совершенно спокойным:

— Вот неожиданная встреча, правда, Александр?

Мне показалось, что она говорила это только для того, чтобы успокоить мужа. Затем, уже показывая на меня, вновь обратилась к неподвижно стоящему молодому человеку:

— Это наш друг. А это Герберт, тоже художник, мой институтский товарищ и ученик Александра Николаевича...— И не назвала ни одной фамилии, словно подчеркивала: отношения должны быть самыми короткими.

— Не очень он меня слушался, этот ученик,— проворчал Гордеев.

— Здравствуйте, Александр Николаевич! Человек, названный Гербертом, поклонился Гордееву и мне, но не взглянул на нас: глаза его были прикованы к Марте.

Гордеев неопределенно сказал:

— Да, неожиданно.— И, сделав какое-то нерешительное движение, будто не знал, надо ли вообще разговаривать, спросил: — И давно вы здесь работаете, Герберт Оскарович? Мне казалось, что вы не намерены покидать Москву.

— А я сюда ненадолго, Александр Николаевич. Впрочем, прошло уже месяца полтора.

Слова у него были твердые, произносил он их отчетливо и решительно.

— А у нас непредвиденная остановка,— сказала небрежно Марта.— Собираемся в гостиницу.

— Лучшая гостиница в городе — «Бристоль»,— вежливо заметил Герберт.— А поужинать советую в кафе «Балтика». Отличная кухня! К девяти вечера там бывает совсем спокойно.

Он назначал свидание! Александр Николаевич, поняв, невольно отступил назад...

Теперь Герберт внимательно рассматривал нас. Глаза у него были холодные, взгляд их словно отодвигал нас, чтобы получше разглядеть. Так смотрят в микроскоп на букашек, увеличивая фокусное расстояние. Когда фокусное расстояние наконец установилось, он, разглядев нас со всеми нашими приметами, усмехнулся.

— А вы не изменились, Александр Николаевич!

В голосе его прозвучало сожаление, будто он ждал именно перемен. И, скорее всего, не к лучшему. Потом он кивнул головой и повернулся к Марте:

— Надеюсь еще увидеть вас...— И пошел к ожидавшей его машине, подставив лицо ветру, прямой, высокий, гибкий.

Марта, словно поняв наконец, что он уходит, торопливо крикнула:

— До встречи, Герберт! — И заторопилась к вокзалу.

— Кто этот Герберт? — сердито спросил я. Почему-то мне было обидно за Александра Николаевича.

— Вы же слышали! Художник, однокашник Марты. Зовут его Герберт Оскарович Брегман. Мой ученик...

Последнее он хотел сказать с иронией, но какая жалкая получилась ирония!

— Давно он знаком с Мартой?

— Они земляки. Но познакомились только в институте. Слишком велика была разница

раньше. Марта происходит из крестьянской семьи, а отец Герберта в годы буржуазной республики работал в комиссионной конторе, которая спекулировала движимым и недвижимым имуществом, земельными участками, домами, предметами искусства и прочим.

— Он действительно хороший художник?

— Он любит деньги! — Тут Александру Николаевичу изменила выдержка.— Он и Марту сбивал на халтуру... Мне пришлось отказать ему от дома...— Он замолчал.

От дежурного по аэропорту я позвонил в одно из городских управлений, с которым мы сотрудничали, и сообщил о нашем нечаянном визите. На том конце провода дежурный обзванивал гостиницы, ища свободные номера. Гордеев неловко сказал:

— Лучше бы не в «Бристоль», ну его к черту! Наверно, по сотне за номер...

Я никогда не замечал у Гордеева такого недостатка, как скупость, поэтому лишь усмехнулся. И, как бывает во всякой игре с краплеными картами, а судьба, по-видимому, только такими и играет, дежурный управления вдруг бодро сказал:

— Можете ехать в «Бристоль», я договорился, два номера... Машина за вами сейчас придет...

2

Теперь, пожалуй, следует рассказать, какие причины соединили нас, довольно разных людей, в этом путешествии.

Гордеев и Марта — художники. Гордеев давно уже достиг того, что называется «положением», стал профессором, известным искусствоведом, но от живописи отошел: он руководит отличной реставрационной мастерской.

Вероятно, это естественный путь для человека рассудочного, малоэмоционального, каким казался мне Гордеев всегда. И увлечение старинным искусством, приведшее его к забвению собственного таланта, к утрате художнического «я», мне кажется закономерным. Да, Гордеев уже давно не выставляет своих картин, весь свой талант он отдает чужим произведениям, часто становясь всего лишь рукой давно умершего художника, чтобы дописать отвалившиеся, простреленные во время войны или слизнутые пламенем кусочки поврежденной картины, иной раз такие мелкие, будто картину истыкали иглой, иногда столь большие, что картина считается погибшей. Но в том-то и дело, что для Гордеева такая работа сродни священнодействию! Когда полууничтоженный войной или небрежностью хранителей шедевр искусства получает в его руках новую жизнь, Александр Николаевич, по-моему, испытывает даже бо́льшую гордость, чем его коллега, выставивший очередной этюд с березкой или с прудом. Ведь Александр Николаевич возрождает безусловные шедевры искусства, а кто и когда определит, является ли этюд его коллеги с березкой или с прудом тоже настоящим произведением?

Даже женитьба на Марте ничего не изменила ни в творческих настроениях Гордеева, ни в нем самом.

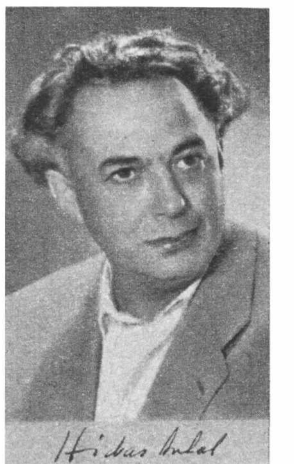
Это, пожалуй, плохо. Во всяком случае, мне это не нравится!

Марта в два раза моложе своего мужа. Она окончила институт под его руководством. Но молодежь самонадеянна. Ей кажется, что вот она-то, молодежь, как раз и создаст шедевры искусства, каких не создали старики. Марта блеснула на дипломной выставке двумя отличными полотнами. Будь я на месте Гордеева, я бы постарался доказать ей, что талант не стареет, и написал бы что-нибудь не менее впечатляющее. А Гордеев предложил ей работу под своим руководством в реставрационной мастерской! Но ведь не у каждого просыпается талант, подобный тому, каким владел сам Гордеев, талант восстановления, талант подражания, что ли...

Я бывал у Гордеевых и дома и в мастерской. Марта, казалось мне, тяготится той скованностью, ограниченностью роли, которая так естественна для реставратора. В самом деле, широко ли разойдешься, если перед тобой драгоценное произведение старинного мастера, которое страдает обычной болезнью старых картин: трещины от неравномерного высыхания масла или лака испортили шедевр... И вам надлежит только заполнить эти трещины!

Анатолий ГИДАШ

Лирика

Март

Ну, кто тебя не любит, март бурлящий!
Склоняешься ты над землею спящей,
В объятия берешь; под поцелуев градом
Вся тысячами глаз дрожит, объятьям рада.
Ты будишь всю ее, прося, шепча, лаская,
Усердствуешь. И кровь струится, закипая.
Уж поцелуям счет потерян, в жажде шквала
Зачать здесь можно все, и здесь всему начало.
Бутоны-малыши с тобой смеются сами,
Играешь с веткой ты, согнувшейся кудрями.
Неутомимый март! Во всем твой след находишь.
Ты входишь плотью в плоть. Душою в душу входишь.
Ну, кто тебя не любит, март бурлящий!

* * *

Что за дни! Наше лето в бою,
Бьется с холодом осени,
К ночи выдохлось. Утром снова в строю.

Золотыми лучами тепла,
Как пулями, режет туманы...
В полдень думает лето: наша взяла.

...Лихорадкою листья покрылись.
Листья кленов, краснея, дрожа,
На кого же вы так рассердились?

Перевел с венгерского Николай ТИХОНОВ.

Еще не так давно считалось смертным грехом восстановление осыпавшихся участков картины. Теперь, когда разработаны легкосмываемые краски, утраченные участки заделываются. Но именно смываемыми красками! И еще пишется акт, какой именно участок тронула рука современного художника!

А у Марты сильный, крепкий мазок. Ей бы писать панно, монументальные полотна, она же возится со шприцами, электрическими рейсфедерами, акварельными кисточками...

Но это в конце концов касается только их двоих. Я мог лишь огорчаться, глядя на них и боясь, как бы не произошел нечаянный взрыв. Посоветовать что бы то ни было Гордееву я не мог. Этот холодноватый, сдержанный человек не располагал к дружеским беседам. А в каком другом случае можно коснуться души человека?

Сам я надеялся стать искусствоведом, но война разрушила все мои надежды. Виной тому оказалось как раз искусствоведческое образование. После первого же знакомства с моими офицерскими документами какой-то помначштаба фронта отправил меня в тыловую команду для проверки эвакуационных работ в зоне боев. Собственно, мне предлагалось следить за успешной эвакуацией музеев и разнообразных хранилищ, но мою команду не стеснялись направлять и на эвакуацию заводов, и на минирование мостов, и бог знает куда.

После одной из таких операций я добрался до самого начальника штаба с просьбой направить меня в действующие части. Разговор, который тогда произошел, навсегда отрезвил меня.

Начальник штаба спросил:

— Вы верите, что мы выиграем войну, хотя сейчас и откатываемся под самую Москву?

— Конечно! — совсем по-штатски, но очень яростно прокричал я.

— Как вы думаете: нужны будут народу впоследствии музеи, библиотеки, архивы, банковские ценности?

— Несомненно...

— Ну, так вот и охраняйте их! — жестко сказал начальник штаба. И уже потом, когда я уходил, еле переставляя ноги, добавил: — Ничего, товарищ майор! Настанет время, когда вам придется спасать музеи в Европе!

И я спасал эти музеи в разных городах Европы до самого конца войны да еще и несколько лет после войны! Сначала я разминировал здания музеев, искал потайные гитлеровские хранилища, куда они свезли и нашвыряли навалом сокровища всей Европы, потом собирал умирающих от истощения музейных работников в Берлине, в Вене, в Будапеште, кормил их солдатским пайком, добывал топливо для обогрева промороженных музейных хранилищ и антиквариатов, наблюдал первые робкие экскурсии приверженцев искусства в послевоенные годы в разных городах Европы и, кажется, смирился со своей работой...

Я пробыл за границей два года после окончания войны. И все эти годы для меня война не кончалась. Происходили перестрелки у тайных хранилищ с теми, кто оберегал для бежавших военных преступников награбленные ими во многих странах сокровища; случались нападения злоумышленников на только что открытые музеи: в мире, где все ценности рушились, ценности искусства оставались незыблемыми, их можно было немедленно перепродать и отправить в любую западную страну... Честное слово, я был рад, когда вышел из этой затяжной войны.

Но перейти к научной деятельности мне так и не удалось. Меня направили для работы в отдел по охране государственных ценностей.

Скажем прямо, на однообразие своей жизни я не жалуюсь.

Особенно трудно было в послевоенные годы. Чем суровее жизнь, тем чаще находятся люди, которые стремятся «обойти» трудности. Естественно, что всякий «обход» сопряжен с кривыми путями. Впрочем, любители «кривых дорог» не перевелись и теперь.

Месяц тому назад меня вызвал начальник и коротко спросил, что я знаю об Эль Греко...

В нашем отделе не привыкли удивляться вопросам, каковы бы они ни были. Я покопался в памяти, но, к сожалению, вспомнил не очень много. Однако я добросовестно выложил все, что знал:

Слышу: постучались!

Все-таки явилась!
Как ждалось, мечталось,
так и получилось.
Ах ты, моя радость,
ты моя отрада,
ты со мной — и больше
никого не надо!

Как сюда попала?
Знаю я и это:
села ты на алый
самолет рассвета
и на нем примчалась.
Ах ты, моя радость,
юность и отрада,
ты со мной — и больше
никого не надо!

Слышу: постучались!
Ты ли это, Агнеш?
Все-таки явилась!
Сядь же, сделай милость,
рядом я усядусь.
Дай-ка на румянец
твой я полюбуюсь!
Ах ты, моя радость,
мой покой, отрада,
ты со мной — и больше
никого не надо!

Вот теперь открою
я перед тобою
все шкафы, все дверцы,
папки и тетради —
не тебя ли ради
все это писалось!
Все души страницы
я перелистаю —
не тебя ль все это
здесь и дожидалось!
Ах ты, моя радость,
девочка, отрада,
ты со мной — и больше
никого не надо!

«Ми́нут все страданья,
мир воспрянет».
Верю,
наяву однажды
распахнутся двери,
и войдешь ко мне ты.
Говорил я это!
Как ждалось, мечталось,
так и оказалось:
ты была здесь все же
и, меня целуя,
наяву следила
за моей рукою,
как тебе пишу я.
Ты душа, ты вздох мой,
ты моя отрада,
мы с тобой —
нам больше ничего не надо!

Легендарная мечта

А ну, пора мне в путь
на улицу Жасмина!
Хочу там отдохнуть,
детина-сиротина.
Лелею я мечту
о том, что и сейчас я
найду там, обрету
свое былое счастье.
Бобовый жидкий суп
вкушая полной ложкой,
его я закушу
картофельной лепешкой;
и, коль уж удалось
попасть к рабочим людям,
так в шутку и всерьез
беседовать мы будем
о горестях больших
и радостях мгновенных,
о детях — много их! —
и о растущих ценах;
о том, чего нам ждать
в грядущем, столь неясном,
и что могучий зять —
не в галстуке ли красном? —
уж близко, уж в пути,
спешит, давно готовый
повсюду навести
большой порядок новый.
«Раз»,— крикнет, — и за ум
вся беднота возьмется:
за исполненье дум,
за правду бой начнется.
«Два»,— крикнет,— в ту же ночь
начаться грозам, бурям:
жандармы сгинут прочь,
и рухнут стены тюрем.
«Три»,— крикнет,— и былой
порядок мы растопчем:
дома, сады, весь строй
и небо станет общим...
На галерею я
пойду, куда на отдых
идут, как на поля,
жильцы домов доходных;
шестого этажа
вдохну я горный воздух,
и будет ночь свежа,
увижу небо в звездах
над сумрачным двором,
по-над его колодцем...
Тут взор и мой зажжется:
«Вас, звезды, не задуть,
вы прежние поныне,
о, укажите путь
детине-сиротине!»

Обо всем об этом
так вот напевал я
и себя баюкал, всяко утешал я
под соснами далекого
леса-исполина
ласковым летом в 1928 году...

...На улицу Жасмина
я все-таки приду.

Перевел Леонид МАРТЫНОВ.

* * *

В губы вишен я впивался,
в щеки нежные черешен,
засучив рубаху, дрался,
после долго отсыпался.

Пил речную воду кротко,
а потом — сердито — водку.
Пел такие песни русским,
что они кричали: «Вот как!»

Счастлив был, как день в апреле.
Мрачен, как скалистый берег.
Из моих пяти десятков
искры до небес летели.

Перевел Борис СЛУЦКИЙ.

— Эль Греко — испанский художник второй половины шестнадцатого и начала семнадцатого века. По происхождению — грек, Доменико Теотокопули, родился на Крите, позже переехал в Венецию, затем в Толедо, изучал Тициана и Тинторетто. Из его работ в наших музеях экспонированы портрет президента Кастильского совета Родриго Васкеса в Музее изобразительных искусств имени Пушкина, портрет одного из испанских поэтов — в Эрмитаже, «Апостолы Петр и Павел» — там же и женский портрет под названием «Мадонна Благородная» — в Народном музее.

— В Эрмитаже находится портрет поэта Алонсо Суньига,— сказал начальник, потом вздохнул, потер левой рукой шею с таким видом, будто тащил на ней бог весть какой груз, и сердито добавил: — А вот «Мадонну Благородную» должны экспонировать вы. Снова экспонировать! — многозначительно подчеркнул он.

Слова начальника никак не укладывались в моем сознании, хотя я уже все понял. Дрожь пробирала меня от злости. Окажись здесь человек, покусившийся на «Мадонну Благородную», вероятно, я не сумел бы сдержать свои чувства.

Перед самой войной, к четырехсотлетию со дня рождения великого художника, в Москве была устроена выставка его работ. И посетители выставки, наверно, запомнили небольшую картину — размер ее примерно тридцать на сорок сантиметров — с пометкой: «СССР, Народный музей».

У нас мало полотен Эль Греко. Но это полотно стояло в первом ряду! Возле небольшой картины всегда толпились взволнованные зрители. Работа датируется первым периодом жизни художника в Толедо, когда он еще не был охвачен мистическими настроениями, только что влюбился в будущую подругу жизни Иерониму де Куэвас, и из всех женщин писал ее единственную.

На картине, известной под названием «Мадонна Благородная», изображена головка женщины со взглядом, устремленным вдаль, мимо зрителя. Она как будто видит что-то за вашей спиной, и то, что она видит, вызывает в ней грусть, сожаление... Я стоял тогда часами перед этой картиной, силясь понять, что выражает ее взгляд. Сострадание к человеку? Сожаление о его судьбе? Впечатление было такое, словно изображенная на картине женщина знает все мои тяготы и заблуждения, а может, и мое будущее, и огорчена за меня больше, нежели я сам, ибо ее знания выше и глубже...

И вот эта картина, это чудо искусства, подвиг художника, исчезла!

Мне стало трудно дышать, и я невольно оперся руками на стол начальника.

— Спокойствие! — сказал начальник.— Это еще не все! — И я выпрямился снова. Было в его голосе что-то такое, что обещало куда большие трудности! — Пропажа картины произошла три дня назад. Мы вас не беспокоили, я поручил расследование смежному отделу. Но сегодня обстоятельства изменились. Вот, посмотрите!

Он подал мне несколько листков бумаги. Это была запись сообщения одной из западных радиостанций. Сообщение было озаглавлено:

«ТАЙНА «МАДОННЫ БЛАГОРОДНОЙ»! СКОЛЬКО МОЖЕТ СТОИТЬ КАРТИНА В ДВЕНАДЦАТЬ КВАДРАТНЫХ ДЕЦИМЕТРОВ ХОЛСТА? ЗНАТОКИ УТВЕРЖДАЮТ, ЧТО, ЕСЛИ ПОКРЫТЬ ЕЕ СТОДОЛЛАРОВЫМИ БУМАЖКАМИ, ТОЛЩИНА ЭТОГО ПОКРОВА БУДЕТ РАВНА ДЕСЯТИ САНТИМЕТРАМ!»

Дальше следовал текст:

«Знатоки утверждают, что самой дорогой, но никогда не появлявшейся на свободном рынке картиной Эль Греко является «Мадонна Благородная». Долгое время картина принадлежала русскому магнату князю Юсупову. Она украшала тот зал, в котором высокопоставленные лица Российской империи убили последнего временщика императорского двора Григория Распутина. В начале русской революции концерн нескольких фирм, занимавшихся перепродажей предметов искусства, предложил Юсупову двести двадцать тысяч долларов за эту картину. Юсупов отказался: он не верил в победу революции. Через несколько месяцев ему пришлось бежать из Петербурга в одном белье. «Мадонна Благородная» долгое время считалась безвозвратно утраченной. О ней писали, что «свирепые большевики» разрезали ее на портянки для своих юфтовых сапог, газетчики не задумывались над тем, какие же портянки можно выкроить из куска старинного холста величиной в двенадцать квадратных дециметров. Однако в 1925 году эта картина была экспонирована в одной из картинных галерей России как «национальное достояние». Концерн неоднократно обращался с предложениями к советскому правительству о покупке этой картины, но тоже безуспешно. Во время войны картина вместе с другими ценностями была эвакуирована на восток. После войны картина снова заняла постоянное место в галерее.

И вот эта картина пропала! Как сообщает наш корреспондент, распорядители галереи в панике. Таможенные пункты на границах работают с удвоенной строгостью и придирчивостью. Несомненно, опасения русских, что картина Эль Греко появится за рубежом страны, вполне оправданы: концерн промышленных фирм, торгующих предметами искусства, в своих бюллетенях неоднократно публиковал оценочную стоимость этой картины, и цена ее из года в год повышалась, хотя это делается только для предметов, истинный владелец которых неизвестен. В последнем бюллетене «Мадонна Благородная» Эль Греко оценивалась в двести пятьдесят тысяч долларов! Появится ли она в списках концерна когда-нибудь под рубрикой «Продается» или даже «Продана»? Где находится картина размером в двенадцать квадратных дециметров и стоимостью в четверть миллиона долларов?»

Я швырнул аккуратно сколотые листки на стол и сел, не спросив разрешения. Начальник молчал, искоса поглядывая на меня. Я знал: это приглашение к разговору...

— Ну что же, все ясно,— сказал я.— Кто-то из доброхотов информировал корреспондента радиокорпорации о том, что картина пропала. А им только это и надо.

— Все это так, но о пропаже картины пока знали только четыре человека: хранитель музея, служитель комнаты, в которой она висела, рабочий, обнаруживший пропажу, и сотрудник, расследующий это дело. Ну, и, само со-

бой разумеется, пятый человек — вор. Теперь же об этом знают все, кто слушает эту радиостанцию...

— Вы хотите сказать...

— Вот именно! Это сигнал! Не удивлюсь, если и сама передача заказана тем самым «концерном промышленных фирм»! А может быть, и само хищение картины подготовлено концерном! Теперь устами радиодиктора организаторы всего этого дела говорят своим сообщникам: «Держитесь! Ищите случая переслать картину к нам! Если сможете, являйтесь с нею и сами!»

3

Расследование показало, что определить время похищения картины можно только приблизительно. Кто бы ни был преступник, действовал он очень умно.

Служитель зала сообщил, что утром во вторник, перед открытием зала для посетителей, во время уборки, когда по залу проходили рабочие с пылесосами, один из них, протиравший стену, удивленно остановился перед «Мадонной Благородной»...

«Мадонна» висела на своем месте, а рабочий то пятился от нее, то снова приближался, недоуменно пожимал плечами, даже руками развел и обернулся, чтобы кого-нибудь позвать. Служитель подошел узнать, что привлекло его внимание.

Надо сказать, что служители да и рабочие выставочного зала издавна подбираются из любителей искусства. Иной рабочий разбирается в картинах не хуже какого-нибудь кандидата искусствоведческих наук. Должности эти чуть ли не потомственные, во всяком случае, с этой работы уходят уже на пенсию, а молодежи там как-то не заметно, молодые работают обычно в запасниках и уже потом переходят в выставочные залы.

Картины висели на местах. Служитель поторопил рабочего — пора было пускать посетителей,— но рабочий взволнованно воскликнул:

— Погодите, Иван Яковлевич! Гляньте-ка, что это с «Мадонной» приключилось?

Служитель взглянул пристальнее на картину и отпрянул.

Бывает, что картины «заболевают». Краска, веками лежавшая на холсте, вдруг начинает пузыриться, вздуваться, а то и отваливаться. Или на картине появляются пятна, как от сырости. Иногда картина тускнеет. Во всех этих случаях немедленно вызывают специалиста-реставратора, а тот уже, как врач у одра больного, ставит диагноз и либо отправляет картину на «лечение» в реставрационную мастерскую, либо прописывает ей кратковременный «отдых» — перемену места жительства, внешней температуры, влажности и прочих условий.

«Мадонна Благородная» была непохожа на себя.

Вдруг служитель коротко ахнул и бросился к телефону.

Главный хранитель, прибежавший на вызов, побелел при взгляде на шедевр Эль Греко. Вместо «Мадонны Благородной» висела заключенная в такую же рамку грубая мазня, ни на что не похожая, сделанная даже и не кистью, а мастихином, состоящая из пятен, какие может размазать по полотну слепой или ребенок. Хранитель схватился за сердце и начал медленно оседать на пол. Если бы рабочий и служитель не подхватили его под руки, он, вероятно, так бы и не встал.

Служитель вытащил из кармана начальника пробирку с нитроглицерином, дал ему лизнуть пробочку, лизнул и сам. Они были в одних годах и оба хватались за сердце и по менее важному поводу.

Голос к главному хранителю вернулся не скоро, лишь к тому времени, когда он понял, что надо звонить в наше управление.

Сами по себе протоколы расследования не могли объяснить главного пункта в этом деле: как хищение прошло незамеченным? Напомним, что в зале постоянно находится служитель, точно знающий расположение особо ценных картин и сознающий свою ответственность за их сохранность.

Я приехал на место происшествия.

Теперь главный хранитель держался мужественнее. Он сознавал, конечно, свою ответственность, но после того, как передал «дело» нам, считал, видно, соответчиком и все наше управление. Во всяком случае, разъяснения свои он давал толково, охотно, но за каждым словом я слышал некую надежду на то, что все кончится благополучно, раз уж он воззвал к нашей помощи.

Прежде всего я задал интересовавший меня вопрос.

Главный хранитель не стал ни взваливать дополнительную вину на свой персонал, ни оправдывать своих помощников, он просто пригласил меня пройти в зал.

Зал временно был закрыт для публики. Я подумал, что это была первая ошибка следствия. Надо было просто повесить табличку с извещением, что «Мадонна Благородная» находится на реставрации. Может быть, как раз этот запрет и был понят заинтересованным лицом или лицами как известие о том, что хищение состоялось. А уж отсюда до появления сообщения по радио, может быть, заранее подготовленного, один шаг. И теперь похититель, вероятно, знает, что его доброжелатели за границей действуют. Возможно, что их эмиссар в этот час уже пересекает границу на самолете или в поезде, чтобы получить в условленном месте свою добычу. Не в пустоту же послано это сообщение...

Но когда ошибка уже допущена, надо следить хотя бы за тем, чтобы не сделать другой. Свои поздние сожаления я удержал при себе.

Войдя в зал, я прежде всего взглянул на то место, где раньше висела «Мадонна». Взглянул — и вскрикнул от удивления: картина была на месте!

Только сделав несколько шагов,— уж не знаю, хотел ли я пощупать рамку или прикоснуться к полотну, чтобы убедиться в том, что вся история с пропажей картины лишь приснилась мне,— я увидел на месте картины ту самую грубую мазню, о которой читал в материалах дознания. Отступив назад, я снова испытал иллюзию возвращения картины на место. Оглядевшись, я заметил, что стою как раз возле кресла для дежурного служителя. Я сел в это кресло. Картина была тут!

Наши сотрудники, ведущие дознание, не обратили должного внимания на слова служителя, показавшего, что он до самого открытия преступления видел картину. Он и не мог не видеть ее. Он слишком хорошо знал «Мадонну Благородную», чтобы вглядываться в полотно. А следователь, усевшись на то место, с которого смотрел на картину служитель, увидел именно то, что и следовало увидеть: мазню! И обвинил служителя в небрежении к обязанностям, потом переменил свое мнение и решил, что картина похищена после закрытия выставочного зала, скорее всего ночью: тут повлияли характеристики служителя, исследование его биографии и прочее. Таким образом, по мнению следователя, похитителем мог быть только кто-то из работников выставки, имевший доступ в зал в нерабочее время.

Да, украсть картину удобнее всего было бы ночью. Но подменить ее можно было и в рабочее время. И сделал это, вероятнее всего, посторонний человек.

Но следом появлялось и другое предположение: похитителем был человек, не только знавший ценность картины, но и сам занимавшийся искусством или, во всяком случае, близко знакомый с миром художников. Постороннему человеку не закажешь копии «Мадонны», сделанной в цветных пятнах. Проще уж было бы заказать настоящую копию!

А может быть, похититель спешил по другой причине? Я спросил главного хранителя:

— Как часто производятся у вас перемены в экспозиции выставки?

— Через два дня эти залы будут закрыты вообще. Готовится выставка «Русского портрета». А какое это имеет значение?

— Если бы вы не извещали посторонних лиц о закрытии залов, «Мадонна Благородная» оставалась бы на месте. А после выставки «Русского портрета» могла быть еще какая-нибудь выставка, и картина, может, надолго задержалась бы в запаснике.

— Боже мой! — Хранитель закрыл лицо руками, словно не хотел больше глядеть на белый свет.— Мы предполагали передать ее на реставрацию!

— Кому было известно об этом?

— Кому! Кому! — раздраженно повторил он, не отнимая рук от лица.— Всем! Первому встречному и поперечному! Мы же не делаем тайны из нашей работы!

— По-видимому, напрасно! — заметил я.

Он открыл лицо.

— Вы хотите сказать...

— Я хочу сказать, что у вас есть картины и поценнее «Мадонны Благородной»! Если за картинами началась охота, то кто может предусмотреть...

— Нет! Я этого не выдержу! Я попрошу отпустить меня на пенсию! В моем возрасте...— Он отвернулся, и плечи его начали вздрагивать. Но мне не хотелось успокаивать его.

— Боюсь, что пока вас на пенсию не отпустят!

Он снова взглянул на меня, теперь глаза его были жалки и испуганны, кажется, он вновь почувствовал себя в ответе за случившееся.

Я подошел к мазне, о которой в акте обследования было сказано лишь, что «на месте картины «Мадонна Благородная» была обнаружена поддельная рама со включенным в нее испачканным красками холстом...»

Да, так «измазать» холст мог только живописец! Но для этого он должен был работать именно здесь, учитывая, так сказать, особенности «натуры», то есть свет в зале, расстояние от места служителя до «Мадонны Благородной», написать, может быть, не один вариант! И подумать только, что он, вероятно, не однажды стоял рядом с местом служителя, может, даже сидел в его кресле, разговаривал с ним! Когда я сказал об этом служителю, тот побагровел от гнева, начал заикаться:

— Не-н-не м-может быть! Я бы р-разорвал его на месте!

— С какой стати?—Я пожал плечами.—К вам подошел, возможно, знакомый человек, которого вы тут видели часто. Может быть, попросил вас немного усилить свет или, скажем, присмотреть за его мольбертом, пока он сходит покурить. Мало ли как могло это быть?..

— Что, я не мог бы отличить ж-жулика от честного ч-человека?

— А вот не отличили, однако!

Служитель мгновенно умолк. Но его начальник сделался необыкновенно красноречив:

— Но ведь все копиисты получают особое разрешение! Мы должны немедленно просмотреть списки этих мазилок! Они хранятся у меня в сейфе...

— Ну, а если он просто сфотографировал картину, а остальное сделал по памяти?

Списки я все-таки просмотрел. В них были студенты художественных вузов, несколько бывших военных, ставших отставниками и нашедших свое призвание в копировании чужих картин, были и художники, и среди них немало именитых, может быть, ищущих в чужом мастерстве подтверждения своих взглядов на те или иные элементы искусства. И никого, кто вызывал бы какие-нибудь подозрения!

Анализ красок на «измазанном» холсте показал, что над ним «трудились» совсем недавно: шесть—восемь дней назад. По-видимому, я был прав: похититель узнал, что выставка закрывается, и торопился. Можно было вполне ясно представить себе, как принес он подготовленную им «копию», предварительно вставив в похожую раму,— этим он должен был заняться дома заранее; раму такого размера можно пронести под пиджаком,— отвлек сам или при помощи помощника внимание служителя и подменил картину. Проще всего сделать это было в конце воскресного дня, когда в галерее бывает много посетителей, служители устают и с нетерпением ожидают отдыха. В таком случае у похитителя были впереди воскресная ночь и еще двое суток... Да и много ли нужно времени, чтобы спрятать такой маленький предмет!

Надо было искать человека, который прибудет гонцом за добытым сокровищем. А может быть, он уже давно здесь и даже получил сокровище? Но искать надо именно этого человека! И скорее всего на границах страны.

Все необходимые распоряжения были уже отданы. В магазинах, которые торгуют предметами искусства, шло невидимое наблюдение и за постоянными посетителями и за случайными людьми. Но, в сущности, оставалось одно — ждать.

Вот при каких обстоятельствах я и искусствовед Гордеев вылетели в Ригу, когда оттуда пришло сообщение о найденной в багаже одного иностранного туриста картине, похожей по описанию на пропавшую «Мадонну Благородную»...

Продолжение следует.

Привал туристов в окрестностях Нижнего Тагила

Фото М. САВИНА.

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«...Очень прошу вас дать точный рецепт, как лучше консервировать помидоры и засаливать грибы.
Севрюкова».

Нальчик.

С такой же просьбой обратилась к нам читательница Колесова из Макеевки.

Мы попросили старшего научного сотрудника Института торговли и общественного питания М. К. Усатюка ответить нашим читателям.

Консервирование помидоров

Консервировать томаты (помидоры) следует в стеклянной посуде.

Отберите красные и розовые томаты, обязательно целые, без трещин и ссадин и тщательно их промойте. Затем подготовьте пряности для засола.

На 10 кг томатов возьмите 150—170 г укропа, 15—20 г перца стручкового острого, 100—120 г листьев черной смородины и 50—70 г листьев хрена. Можно еще добавить по вкусу чеснок. На дно банки насыпьте половину всей этой смеси. Затем налейте 2 стакана томатного сока, предварительно размешав в нем 20—25 г соли, осторожно положите томаты, сверху засыпьте их оставшимися пряностями и залейте соленым томатным соком. Банки закупорьте жестяными лакированными крышками, предварительно прокипятив их в течение 3—5 минут. Между поверхностью всей томатной массы и крышкой должна остаться воздушная прослойка 4—5 см. Закупоривают банки при помощи специальной закаточной машины. Чтобы во время брожения и хранения крышку не сорвало, резиновое кольцо в крышке разрежьте и укоротите на 1—1½ см. Положите на томаты деревянную крестовину, предварительно обдав ее кипятком.

Хранить любые консервы лучше в затемненном холодном месте.

Засолка грибов

Тщательно очистите грибы от листьев, хвои, земли. Корень отрежьте под самую шляпку, а у сыроежек и маслят снимите легко отделяющуюся от мякоти кожицу. Корни грибов, как правило, не засаливают (исключение: рыжики, белые, березовики и подосиновики). Тщательно промойте грибы и рассортируйте.

Рыжики, гладыши, сыроежки, свинушки лучше засаливать сырыми, все остальные обязательно надо отварить или ошпарить кипятком.

Рыжики, гладыши и другие сочные, сладкие грибы можно солить сухим способом. В чистую ошпаренную посуду (эмалированную, стеклянную, поливную) положите грибы шляпками вниз слоями в 6—7 см толщиной. Каждый слой пересыпьте солью из расчета 500—600 г соли на 10 кг грибов. По мере оседания грибов в банку добавляют свежие грибы, пока она не будет наполнена. На грибы положите тарелочку и груз. Если вы хотите, чтобы был рассол, добавьте 1 литр кипяченой холодной воды.

Грузди, подгрузди, горькушки, валуи, лисички и сыроежки перед засолкой надо опустить в кипящую, немного подсоленную воду на 5 минут, затем откинуть на решето, охладить, а после солить так же, как и предыдущие.

Белые грибы, березовики, подосиновики и маслята должны вариться в подсоленной воде в течение 5—8 минут. После этого откиньте их на решето, охладите, а потом солите, как обычно, только возьмите соли 400 г на 10 кг грибов.

В рассол можно добавить по вкусу лавровый лист, душистый перец, гвоздику, черносмородиновый лист и укроп.

Хранить соленые грибы лучше всего в холодном месте.

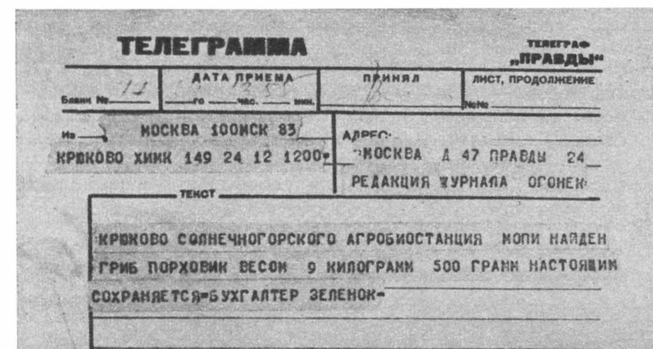
М. УСАТЮК,
кандидат технических наук

— Тут же раньше был лес!..

Рисунки А. Костина и Ю. Чистякова.

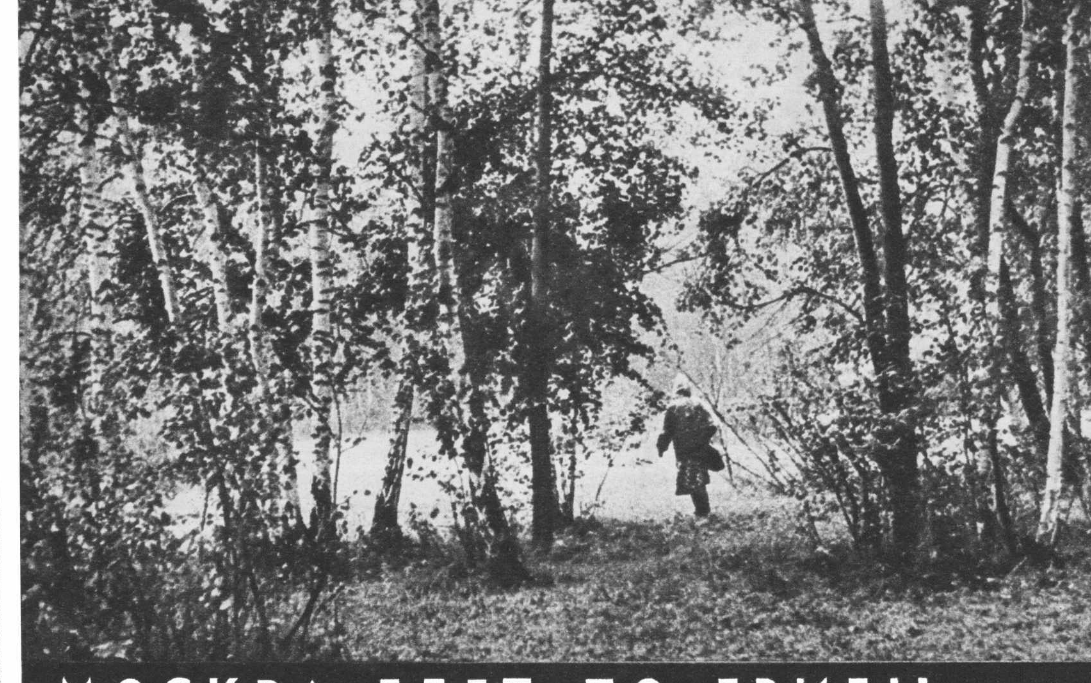
ТЕЛЕГРАММА — ТЕЛЕГРАФ „ПРАВДЫ"

Бланк №	ДАТА ПРИЕМА	ПРИНЯЛ	ЛИСТ, ПРОДОЛЖЕНИЕ
			№№

Из МОСКВА 100ИСК 83
КРЮКОВО ХИМК 149 24 12 1200

АДРЕС: МОСКВА Д 47 ПРАВДЫ 24
РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА ОГОНЕК

ТЕКСТ:
КРЮКОВО СОЛНЕЧНОГОРСКОГО АГРОБИОСТАНЦИЯ МОПИ НАЙДЕН ГРИБ ПОРХОВИК ВЕСОМ 9 КИЛОГРАММ 500 ГРАММ НАСТОЯЩИМ СОХРАНЯЕТСЯ=БУХГАЛТЕР ЗЕЛЕНОК=

МОСКВА ЕДЕТ ПО ГРИБЫ

Фото А. БОЧИНИНА.

Москвичи перешли на новый режим — железнодорожники в этом уверены. Сами посудите: по ночам обычно электропоезда шли от столицы полупустые, теперь в них масса пассажиров. И все одинаково «вооружены» — корзинами или ведрами. А если вы ночью попадете на какое-нибудь шоссе, идущее от Москвы, то увидите нескончаемую вереницу автомашин. У них на крышах все те же ведра и корзинки.

В чем дело?..

Москва едет по грибы. И не думайте, что это всего лишь увеселительная прогулка. Грибника подстерегают невзгоды. Уж больно неустойчивая погода нынче в Подмосковье. Небо то насупится и целый день поливает охотников за лесными богатствами холодным, почти осенним дождем, то вдруг прояснится, заулыбается и заиграет золотом в дождевых каплях на пожелтевших листьях берез.

Зато грибов много. И кажется, что в лесу пахнет не хвоей и не прелой листвой, а грибами.

Наш фотокорреспондент тоже не выдержал — взял корзинку, фотоаппарат и отправился в лес. Вот что он увидел.

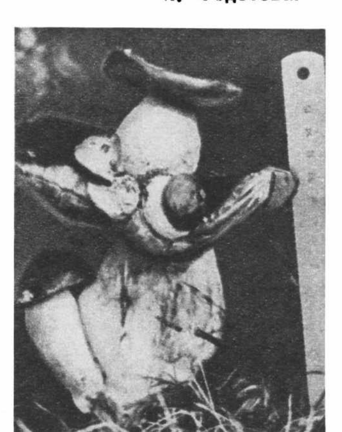

Сразу два несчастья: заблудилась и пошел дождь.

На «его веку» еще не было такого грибного лета.

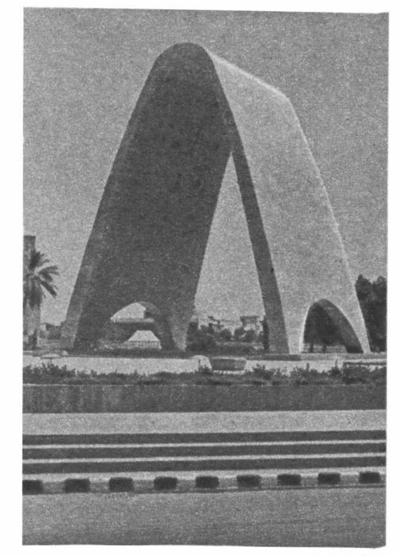
СЕМЬЯ.
Фото читателя «Огонька» П. Федотова.

С добычей.

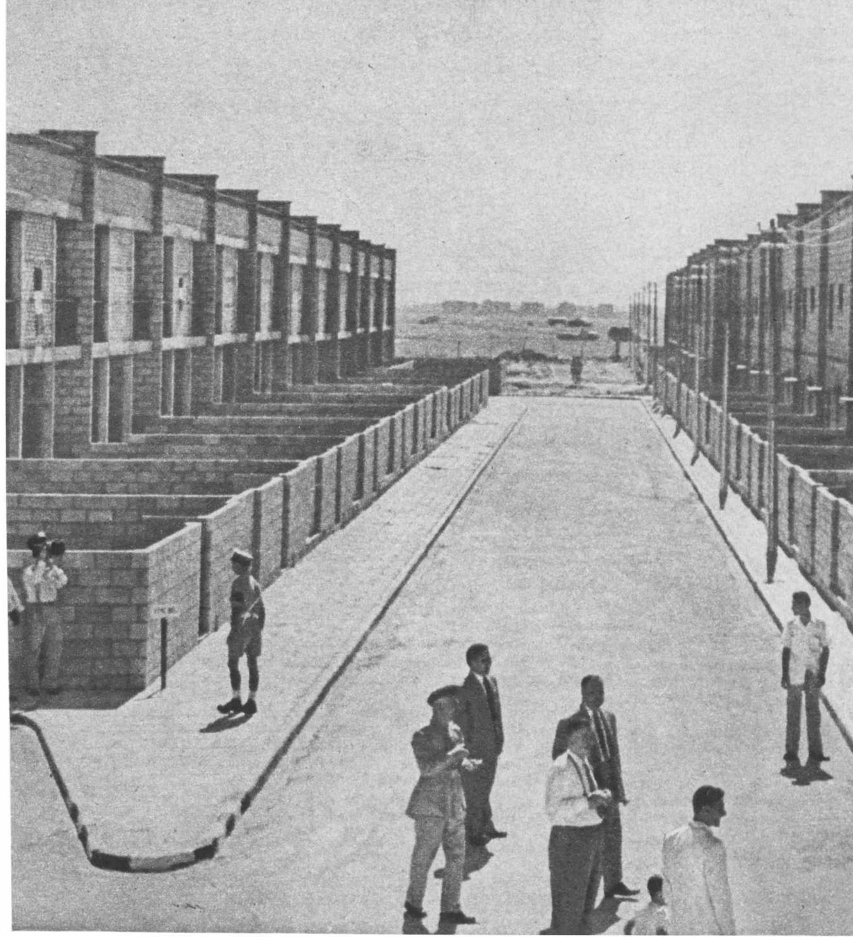
У стен древнего Вавилона.

Памятник борцам за свободу и независимость Ирака.

Б. БУРКОВ

Фото автора.

Новые жилые дома на окраине Багдада.

Первые ка

В эти дни в Багдаде жара доходила до 46° в тени.

Днем, как правило, город замирает — все закрыто: магазины, школы, учреждения. Состоятельные люди и иностранцы проводят эти часы дома или в гостиницах, оборудованных установками искусственного климата. Основная масса населения города, все, кто не занят неотложным делом, забивается в подвальные помещения. «Уходим в землю»,— говорят сами багдадцы.

В самые знойные часы мало людей даже у Тигра. Лишь ребята не покидают реку до позднего вечера, когда сюда устремляются взрослые, чтобы отведать жареной на костре рыбы рабум. Со школьной скамьи мы привыкли слово Тигр слышать вместе с Евфратом — как-то непривычно было произносить их отдельно. Да, река Евфрат протекает недалеко от Багдада, в 90 километрах от иракской столицы, в районе Вавилона.

Воспользовавшись свободным утром, подарившим нам прохладу — 28—30°, мы решили посмотреть Вавилон. Разве можно было покинуть Ирак, не увидев великий город древней Месопотамии, столицу Вавилонского царства, блиставшую в мире Востока в XIX—VI веках до нашей эры! Навуходоносор, Хаммурапи, Александр Македонский... Древняя история, сохранившая в своих памятниках жестокость рабовладельцев, деспотизм «сильных мира сего» и мастерство безымянных тружеников...

До Вавилона, вернее, до места, где раньше был Вавилон и где с 1899 года ведутся раскопки, нас сопровождал курд Саид Азиз, долгие годы живший в Советском Союзе. Все дни, пока мы были в Багдаде, Азиз был нашим переводчиком.

— Вам посчастливилось,— сказал Азиз.— Вот уже более недели нет пыли. В песчаные бураны ни пройти, ни проехать. А сейчас видите, какие ясные дали...

— Такие же ясные,— говорим мы,— как и у вашего народа.

— У курдов?—спрашивает Азиз.

— И у арабов и у курдов — у всех народов Ирака.

Долгие, мрачные столетия народы Арабского, как и всего Востока гнули спины на других, отдавая им богатства недр своей земли, отдавая здоровье и жизнь. И как не назвать ясными перспективы, заложенные в завоеванной независимости, если только сохранить эту независимость и сделать ее полной и прочной!..

Наша машина легко бежала по асфальтированному шоссе. Иногда мы обгоняли караваны верблюдов, медленно шагающих по пескам выжженной степи — полупустыни.

— Все эти земли, что вы видите вокруг, принадлежали одному крупному феодалу, который неплохо и теперь живет в Багдаде,— рассказывал нам Саид Азиз.— Сейчас эти земли будут распределены между феллахами. Для приобретения земли республика отпускает им кредиты... Впрочем, я забыл: вы сами на днях присутствовали при распределении земли в районе Тармия...

Мы вспомнили праздник, на котором президент Абдель Керим Касем вручал крестьянам документы на землю. На изможденных лицах тружеников земли видны были радость и какое-то смятение: смогут ли они обрабатывать эту землю, где возьмут семена, отпустит ли кто средства? В глазах крестьян светилась надежда: республика поможет!

— Вон за тем холмом — Вавилон! — торжественно объявил водитель такси.

Такой же торжественный тон мы почувствовали и в словах местного гида Саида Ибрагима, когда он в небольшом музее воскрешал в нашей памяти далекую историю Вавилона. Затем он показал и знаменитый город.

— Посмотрите на этот барельеф. Как хорошо он сохранился!— воскликнул Саид Ибрагим.— А ведь это творение наших предков, живших тысячелетия назад!

Пройдя по узкому переулку между двумя высокими башнями, мы поднялись по крутой, широкой лестнице на городскую площадь. Вдали на фоне безоблачного неба высились колонны — остатки стен дворцов.

— Это знаменитый лев — символ вавилонской мощи. Изваяние льва над поверженным человеком, высеченное из темного камня многие столетия назад, само рассказывает о высоком искусстве тех прошлых времен.

А эти развалины слева,— продолжал гид,— и есть так называемые висячие сады Семирамиды — второе из «семи чудес света», изумлявшее древних греков.

На фотографии, висящей в музее, запечатлен черный каменный столб с изображением царя Хаммурапи. Саид Ибрагим поведал о надписях на столбе: то были законы Хаммурапи, царствовавшего три тысячи семьсот лет назад.

— Законы эти,— с гневом воскликнул гид,— предписывали богатым угнетать своих беззащитных рабов! Долго, очень долго длилось рабство—и древнее и новейшее—на земле нашей родины! Как хорошо, что я вижу вас, москвичей,— вдруг перевел разговор Саид Ибрагим, и лицо его осветилось улыбкой.—Я бедный крестьянин, учился всего шесть лет. Но теперь мы свободны, будем учиться, учить своих детей. Москва нам поможет.

— А сколько вам лет? — спросили мы.

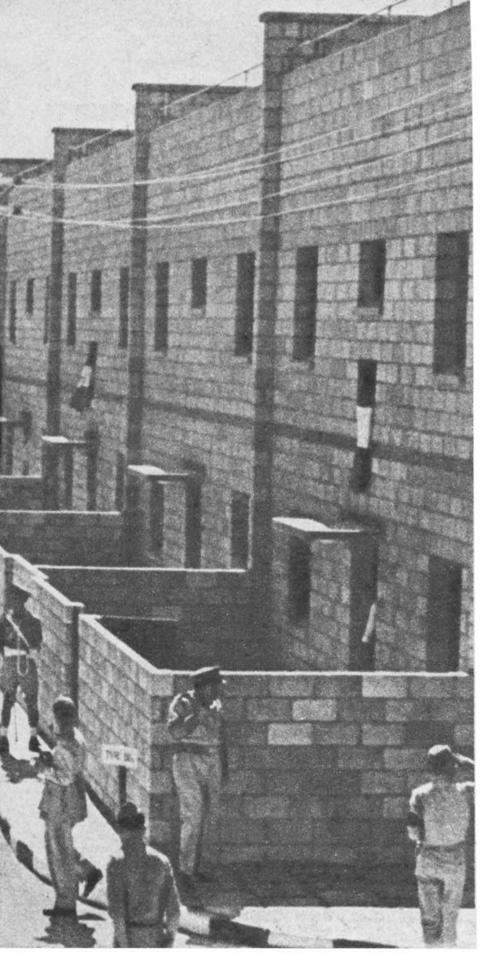
— Да уже сорок один. Впереди еще много хорошего. Ведь еще только начинаем жить!

Угостив нас холодной, чистой водой из Евфрата, гид сказал на прощание:

— Как эти древние камни хранят память о мастерстве наших древних предков, так и наши сердца сберегают любовь к советским братьям. Я говорю это вам от чистой души.

Нам вспомнился первый день нашего пребывания в Багдаде, встреча на аэродроме и слова председателя Общества иракско-советской дружбы адвоката Аукати. Они были кратки и выразительны: «Семь миллионов сердец Ирака приветствуют советский народ!»

Наши советские специалисты

Здесь, в Тувейсе, с помощью Советского Союза будут построены атомный реактор и атомная лаборатория.

мни будущего

рассказали, как тепло встречает их местное население. Мы сами видели, как в Багдаде рабочие чуть ли не подняли на руках машину с советским флажком.

Село Искандерия на обратном пути из Вавилона... Мы прошлись по улице, побывали на рынке. Узнав русских, жители горячо приветствовали нас как желанных гостей. Мы и в самом деле были гостями Иракской Республики по случаю большого национального праздника — двухлетия июльской революции.

Прошло всего два года с тех пор, как народ Ирака сбросил оковы колониализма. В борьбе за свободу многие тысячи патриотов сложили свои головы. Народ не забыл о них. На одной из площадей Багдада воздвигнут памятник борцам за независимость Ирака.

На военном параде, на демонстрации, на улицах, на торжествах открытия новых жилых домов, больницы, школ мы видели десятки тысяч людей, воодушевленных надеждой на свободную, обеспеченную жизнь без власти империалистов.

— Ненависть к империалистам,— сказал нам рабочий автобусного парка Салех Куну,—в крови у каждого араба, у каждого курда. Два года назад жители Багдада буквально растерзали злейшего предателя иракского народа, прихлебателя империалистов Нури Саида. В нас тогда прорвалась жгучая ненависть к тирану, и мы не раскаиваемся. Мы сожгли все, что осталось от Нури Саида, а пепел разбросали, чтобы и духа его не осталось.

Друг Салеха Куну, токарь багдадского железнодорожного депо, подробно рассказал нам, как ликовал народ в июле 1958 года, когда покончил с королевской кликой и иностранными властителями. В дни второй годовщины независимости в Багдаде была открыта школа профессионального обучения, где учатся 240 девушек, и заложен первый камень будущей школы медицинских сестер. Подготовка своих кадров специалистов, особенно из среды женщин,— большое завоевание иракского народа. Багдадцы праздновали открытие городского парка, детского стадиона, концертного зала (в будущем году в Багдаде будет открыт первый в стране театр), исторического музея.

Особенно взволновала нас искренняя радость тех жителей столицы, которые получили квартиры в новых домах. Это только начало — потребность в жилье здесь огромная. Но как воодушевляет людей всякое хорошее начало!

Выступая на открытии новых зданий, Абдель Керим Касем подчеркивал, что все это строится во имя народа, что народ Ирака полон надежды на лучшую жизнь и он добьется ее вопреки проискам внутренней и внешней реакции.

В Ираке еще много безработных, много бедных крестьян. Жизнь их нелегка, но они понимают, что времени после освобождения прошло еще мало. Они хотят помочь правительству в осуществлении намеченных планов создания независимой национальной экономики с помощью братских народов других стран.

До сих пор огромные суммы денег, столь нужных молодой республике, уходят в карманы империалистов. Нефть — главное богатство страны — в руках иностранного капитала. В сердцах простых людей Ирака все крепнет старая мечта стать хозяевами богатств своей родины. Народ активно поддерживает правительство Абдель Керим Касема, когда оно ограничивает прибыли империалистов.

Но народ тревожат выступления буржуазии против трудящихся. Внутренняя реакция начинает притеснять демократические общественные организации. Несмотря на лживую пропаганду реакционной печати, народ Ирака знает об экономическом соглашении с Советским Союзом и всячески поддерживает его, он сердцем понимает значение такой помощи.

— Советский Союз хорошо выполняет свои обещания по соглашению,—заявил Абдель Керим Касем на выпуске офицеров в военном училище.

Он отметил большой вред реакционной пропаганды.

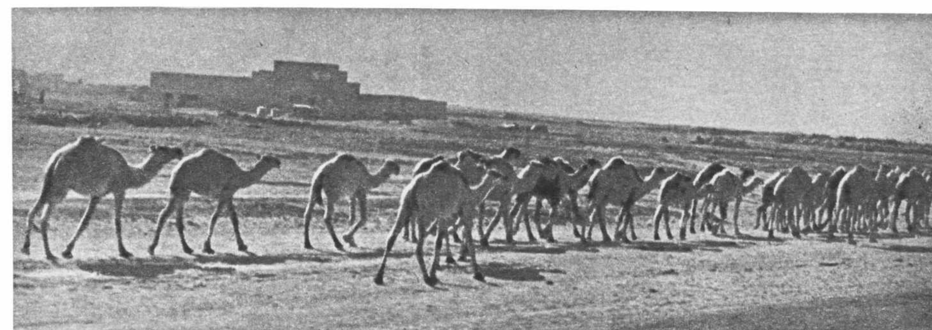
В дни праздника у Багдада (в Тувейсе) состоялась закладка атомного реактора и атомной лаборатории, которые будут сооружаться с помощью Советского Союза.

— Это символично! — сказал известный иракский поэт Бахр аль-Улюм. Он в прошлом году был в Москве и посвятил советской столице стихи — «Прощальный привет великой Москве». Есть в этом стихотворении такие строчки: «С октября семнадцатого года ты являешься для нас символом милосердия и знаменем освобождения. Незабываемый Октябрь, ты останешься в веках, повествуя о вечной славе. Будь благословенна, поистине неприступная крепость, цитадель мира—родина бесстрашных людей».

Бахр аль-Улюм подарил нам книжку своих стихов, среди которых немало строф, воспевающих революцию, борьбу с колонизаторами. Стихи, посвященные 41-й годовщине Октябрьской революции, заканчиваются так: «Слава тем, кто познал мир и защитил его! Мы славим дружбу с народом-героем, народом, совершающим благородные дела на благо человечества, протягивающим всем народам руку любви и дружбы».

Иракский народ благодарен Советскому Союзу за искреннюю помощь и поддержку и твердо верит, что его надежды на счастливую жизнь осуществятся.

Иногда мы обгоняли караваны верблюдов.

Жар холодных числ

О. КУПРИН

В проходной завода висят часы. Большая стрелка каждую минуту, глухо щелкнув, равнодушно перескакивает на сантиметр в сторону. Ничего особенного в этих часах нет. Точно такие же я тысячу раз видел на улицах и вокзалах. Но эти особенно врезались в память.

Почему?

Рядом со мной стоит пожилой человек. Он проводил меня до самого выхода, и сейчас мы распрощаемся. Человек этот — Витольд Янович Папкевич. Он работает в отделе главного металлурга и считается лучшим пропагандистом на Первом подшипниковом, уже пятнадцать лет ведет кружки по истории партии.

Мы стоим в проходной и молчим. Я думаю о своем новом знакомом, о сухом слове «пропагандист» и о таинственном слове «талант». Слить эти два понятия воедино может только жизнь. И часто она делает это без треска и шума. Только что мы говорили о политике и литературе.

— Вы читали у Горького рассказ «Часы»? — прервал затянувшуюся паузу мой собеседник...

...Двадцать восемь лет назад в проходной подшипникового завода нашли оброненную кем-то пачку бумаг. Оказалось, это были копии писем, которые отправил некий иностранный турист по имени Генрик, посетивший завод, своему другу за границу.

В то время письма заезжего туриста звучали фельетоном. Он предполагал увидеть, как безграмотные русские ломают сложнейшие станки, купленные на Западе, и, чтобы написать об этих своих впечатлениях, заготовил даже открытку с видом на кладбище.

«Откуда может взяться культура точности у русских бородатых мужиков в тулупах, узнающих время по солнцу?» — спрашивал сам себя иностранец.

Едва переступив порог завода, дабы убедиться в своей правоте, турист каждому встречному задавал один вопрос: «Сколько времени?»

«И я почти совершенно успокоился после того,— пишет мистер Генрик,— как выслушал десятки варварских ответов. Оказалось, что многие совсем не имели часов и ориентировались по солнцу или по времени обеда...»

Однако открытку с видом на кладбище турист не послал. Ограничился двумя короткими фразами: «Не надо. Мы не должны обманывать самих себя». Люди, не имевшие часов, заставляли зарубежную технику работать лучше, чем хозяева, создавшие ее. Видно, дело было не в часах.

Примерно в то же время, когда по заводу ходили письма мистера Генрика, в проходную, где их нашли, робко вошел молодой человек. Сказал, что хочет устроиться на работу. Его послали в отдел кадров.

— Специальность? — спросили там.

— Никакой.

— Тогда пойдешь в инструментальный. Чернорабочим. Как фамилия?

— Папкевич.

Так в инструментальном цехе появился новый рабочий. Дело было у него нехитрое — таскал от станка к станку заготовки. С чернорабочего много не спросишь. Но было у Папкевича и другое звание, за которое спрашивали столько, сколько было нужно,— коммунист. Таких людей в свое время и не понял иностранный турист, таскавший с собой открытку с видом на кладбище.

Это история. И я представил: комната, столы, за окнами тяжело дышит завод, идет очередное занятие. Пропагандист рассказывает о прошлом. Рабочим, слушающим его, каждое слово чудится очень весомым, потому что... Потому что это не просто слово, не абстракция. Оно принадлежит ему, этому серьезному человеку в очках. Слушатели, верно, и не подозревают, что очень часто он говорит о себе.

...Польское освободительное восстание 1863 года. В нем участвовал его дед по материнской линии. Восстание разгромили, а деда сослали в Сибирь. После 15 лет каторги оставили на вечное поселение в далеком Бодайбо. Дед никогда не унывал. И фамилия у него была веселая — Чижик. В Польше осталась у него невеста. Такая же непокорная, как он. 15 лет ждала она, когда кончится срок каторги. И как только жениха перевели на поселение, бросив все, приехала к нему. Сыграли свадьбу.

Да, Папкевич мог бы неплохо рассказать не только о том, как боролись и умирали революционеры, но и о том, как они любили, о том, какие замечательные это были люди. Но это, как говорят рабочие, у него «осталось в запасе».

1905—1921 годы. По огненным дорогам революций и гражданской войны шел его отец — Ян Янович Папкевич. Тюрьма, арестантские роты, борьба за Советскую власть в Красноуфимске. Потом фронт. Он погиб... У пропагандиста многое «в запасе». Благодаря этому запасу каждое его слово убеждает, делается весомым, потому что оно для самого пропагандиста полно жизни, оно ощутимо, оно дышит и трепещет радостью или горем.

Один английский физик-теоретик сказал, что талантливые математики умеют чувствовать математическую красоту теорий. Это своего рода эмоция. Но без человеческих эмоций, говорил В. И. Ленин, «никогда не бывало, нет и быть не может человеческого **искания** истины». Эмоции пропагандиста — не только в звонких филиппиках.

Однажды на занятии кружка речь зашла о безработице. Кто-то вспомнил, что она была и у нас после революции.

— Была,— подтвердил Витольд Янович.— Но давайте разберемся, какая разница между нашими бывшими безработными и, предположим, теперешними американскими...

Слушателям было невдомек, что занятия у них ведет бывший советский безработный. А когда он рассказывал, что при бирже труда существовали артели безработных, все только удивлялись: «Откуда он все знает?» Знает даже, какие тяжелые работы приходилось выполнять артельщикам.

Это был страстный рассказ. Без красот, без громких слов и широких жестов.

А почему с таким вниманием рабочие слушали его рассказ о роли Коммунистической партии в Великой Отечественной войне? Потому что «в запасе» у Папкевича было очень много.

К началу войны он стал шлифовщиком высшей квалификации. Не забыть ему лето сорок первого. Работал по две смены. Рядом рвались фашистские бомбы, глухо ахали зенитки, но станок Папкевича не умолкал. Это был не простой станок, а «гибрид», собранный, как раньше говорили, «с русской мощностью и заграничной точностью». Постепенно завод эвакуировали. Опустели цеха. Папкевич пришел в партком:

— Отпустите на фронт?

В АДРЕС «Москва, „Огонек"»

СОТНИ СПАСЕННЫХ ЖИЗНЕЙ

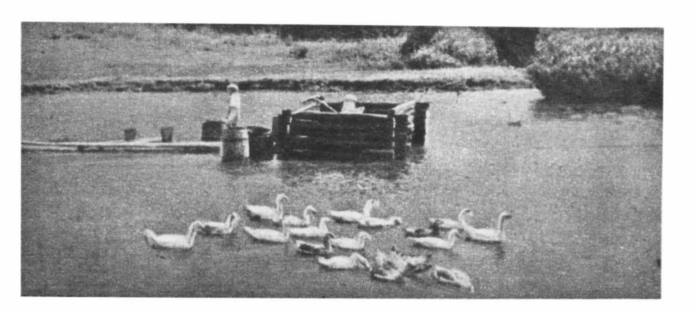

Сотни людей обязаны Марии Александровне Гаврилюк своей жизнью. Мария Александровна — донор. Тридцать лет назад, еще совсем молоденькой девушкой, пришла она в больницу навестить отца. Одному пациенту необходимо было срочно сделать переливание крови. Маша согласилась дать свою кровь. Так впервые она спасла жизнь человеку, так стала донором.

Недавно Мария Александровна отметила своеобразный юбилей: на ее счету 100 литров крови, отданной во имя спасения человеческих жизней.

Я. ФЕЙГИН

Черновцы.

КОЛОДЕЦ В РЕКЕ

Недавно в селе Троицком, Курской области, я сфотографировал колодец в... реке. Температура воды в нем семь градусов тепла, тогда как в реке девять. Вода в колодце очень прозрачная, а уровень ее на полтора-два сантиметра выше уровня реки.

По сведениям местных жителей, лет двадцать назад колодец находился на берегу, но река, меняя свое русло, постепенно залила берег, и колодец оказался в воде. Со дна его бьют мощные родники.

Н. СИНОПАЛЬНИКОВ

Старый Оскол.

ЦВЕТЫ — НА БАЛКОНЫ!

Этот дом по Б. Осиповской улице построен два года тому назад по проекту 8-й мастерской «Ленпроекта». Начиная со второго этажа в каждой квартире есть балконы, на которые строители установили окрашенные деревянные ящики. А жильцы дома наполнили их землей и посадили цветы. Дом стал нарядный, зеленый.

Мне кажется, что при строительстве жилых домов целесообразно больше делать балконов и устанавливать ящики для цветов.

В. МИХАЙЛОВСКИЙ

Ленинград.

— Нет. Поедешь в Куйбышев. Не согласен — будешь считаться дезертиром по партийной линии.

Зима на Волге была снежная. В Куйбышеве оборудование сгрузили с барж, а увезти с берега не успели. Все засыпало снегом. Часто среди высоких сугробов ходил озабоченный человек. Он руками разгребал снег и что-то высматривал. Это был Витольд Янович. Он искал свой станок. Не нашел. И вдруг увидел его в цеху среди тех, которые только-только привезли с берега. Хотелось обнимать и целовать его, грязного черта. На этом станке он обучал искусству шлифовщика куйбышевских ребятишек. А когда выучил, отпустили его на фронт, в польскую дивизию имени Т. Костюшко...

Опять комната, опять столы. Идет очередное занятие. Сегодня нужно разобрать вопрос: «Причины победы СССР над гитлеровской Германией». Как обычно, спокойно и тихо звучит голос пропагандиста. Победило государство, победил народ, а значит, победила партия. Победили великие идеи марксизма-ленинизма. Папкевич дрался за них с оружием в руках. Многие его однополчане не дожили до победы. Они погибли, но их могилы были не просто холмиками земли, а вехами на пути к победе.

На одном таком холмике могла быть табличка: «Папкевич В. Я. 1906—1945 гг.». Это могло быть...

Папкевич бежал в цепи. Впереди светлым хребтом лежала дамба. До нее оставалось совсем немного. Папкевич видел, как вынырнула снизу каска и черный зрачок дула автомата уставился прямо на него. Но он бежал вперед. Через мгновение, словно бревном, ударило по спине. Упал. Пуля попала в ногу и, видимо, раздробила колено.

Опустились сумерки. Враги не прекращали огня. Значит, атака захлебнулась. Наступит ночь, и фашисты могут найти его. Пошарят по карманам, найдут партийный билет... Нет, этого не будет. И в карман, тот, что поближе к сердцу и где лежит заветная книжечка, ложится граната-лимонка, палец просовывается в кольцо. «Если подойдут и начнут осматривать, дерну за кольцо».

Этого не произошло. Пришли свои и унесли в санбат. Но это могло быть...

Я спросил, что он считает самым главным в работе пропагандиста.

— Все зависит от труда и от любви к этому делу.

Нужно много, очень много знать. Читать и читать без конца. Не потому, что надо, а потому, что иначе нельзя. Сколько раз за пятнадцать лет он читал «Что делать?», «Две тактики...»!

Пятилетки, войны, семилетки, спутники, космические корабли. Десятки разгромленных доктрин, сотни забытых теоретиков, тысячи похороненных временем «откровений». А попробуй найди хоть одну «седую» страничку в читанном и перечитанном томике Ильича!

Труд и любовь... Говорят, что в двух этих словах кроется секрет таланта. Труд — ясно. Но любовь? Разве можно, например, влюбиться в цифру или диаграмму?

Кстати, чуть ли не на каждое занятие В. Я. Папкевич приносит наглядные пособия. Большинство этих пособий он сделал сам. Тут и кривые роста производства чугуна, стали и проката в стране. Десяток схем и диаграмм показывает развитие социалистического сельского хозяйства.

— Многие наши рабочие в отпуск ездят в деревню,— рассказывает мне Витольд Янович.— Приезжают, делятся впечатлениями, что нового, как живут колхозники. А цифра — своего рода итог.

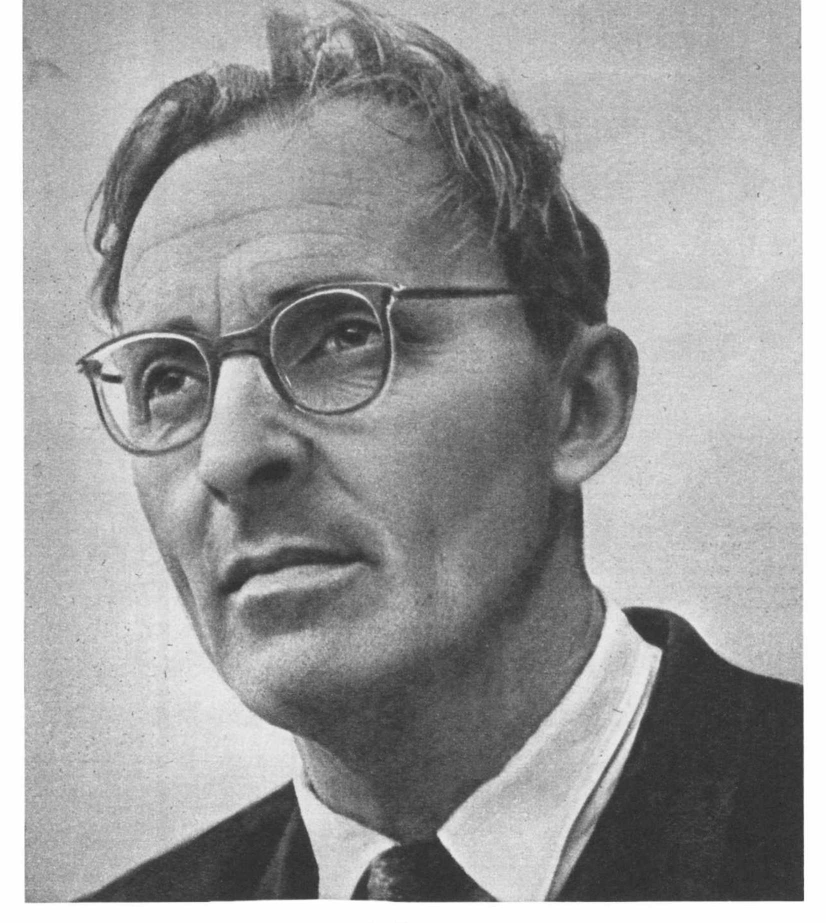
А потом показывает самодельную схему роста сбора зерна, сделанную на миллиметровой бумаге.

— А вот видите, как мало было тут.— Он тычет пальцем в какую-то точку на миллиметровке.— Это коллективизация...

На схеме — точка и цифра. А в памяти — село где-то у Борисоглебска, комсомольская бригада по коллективизации. Нужно создать колхозу семенной фонд. Хлеб есть. И немало хлеба. Только вот кулачье его хитро прячет.

Идет бригада по селу. Семь человек. Бригадир — комсомолец Папкевич. Раскулачить надо восемь хозяйств. Задание выполнено. Комсомольцы возвращаются в Москву. Но не все. Одного нет. Он остался там, под Борисоглебском. Подстерег его ночью на темной улочке кулацкий нож.

А на схеме — точка и цифра, карабкается от точки вверх черная линия. Значит, все было правильно.

В. Я. Папкевич.

Фото Р. Лихач.

Схемы, диаграммы, таблицы. Цифры, цифры, цифры. Можно ли любить их? Такие — можно. Про такие даже стихи сложены:

Мы любим все — и жар
холодных числ...

Высокий пожилой человек идет, прихрамывая, тяжело опираясь на палочку. Пожалуй, в нем как раз жизнь и слила воедино сухое слово «пропагандист» и таинственное слово «талант».

— Да... Так вы помните у Горького рассказ «Часы»? — переспрашивает мой собеседник.— Ну, это великолепная вещь. Там несколько главок, и каждая начинается: «Тик-так, тик-так!» Бесстрастные удары часов. Они равнодушно считают секунды и в момент вашего рождения, и в момент наивысшего счастья, и тогда, когда вы в горе. В этом есть нечто оскорбительное. Но природа дала человеку в виде посоха идеал. И с тех пор люди инстинктивно стремятся к лучшему. Нужно сделать это стремление осознанным. В стремлении вперед — цель жизни и счастье. А часы жизни, наполненные красивыми делами, становятся прекрасными.

Мне вспомнился иностранный турист, утверждавший, что «русские бородатые мужики», не знающие точного времени, не могут быть хорошими работниками. Но «бородатые мужики» умели наполнять минуты большими делами. Эти дела вошли в историю. Об этих делах нельзя не знать, они должны дойти до ума и сердца каждого человека.

Стрелка часов дрогнула и перескочила на минуту вперед. Когда-нибудь и об этой минуте будет рассказывать своим слушателям мой знакомый пропагандист. И опять у него многое останется «в запасе». А значит, каждое слово его будет весомым, и за цифрой или диаграммой не будет слышаться бесстрастного «Тик-так».

Бытовое посольство

Зашел я как-то в один дом на Кутузовском проспекте. Разговорился с жильцами.

— Грязные, — говорю, — у вас полы. Нельзя так, полотера вызвали бы.

Жильцы смеются:

— Скажешь тоже! Где его найти, полотера? Правда, наведываются тут всякие... частники. Но от них лучше подальше держаться.

Оказывается, здесь, на Кутузовском, люди не знали о том, что по соседству находится районная контора по ремонту мебели и бытовым услугам. Они не знали, что стоит только позвонить — и через несколько часов их полы приведут в полный порядок, в окнах будут вставлены все стекла, старый диван отремонтирован и новая вешалка прибита к стене прихожей. Беседую дальше — и выясняю, что пенсионеры в этом доме не пользуются своим правом вызывать закройщика из ателье на дом, что стирают белье дома, так как не уверены в твердых сроках прачечной, что почти в каждой квартире есть старые будильники, которые никто не догадывается сменить на новые. («А где такая мастерская? Неужели так дешево берут?»)

— Зато мы знаем, как «беречь жилище от пожара»,— шутит кто-то.

Действительно, вся лестничная клетка занята «пожарными» плакатами — и ни словечка о бытовых услугах.

«Бытовые услуги» — вот так и надо озаглавить этот стенд. Я говорю о своем предложении, которое я сделал московским коммунальникам после разговора с жильцами дома на Кутузовском. Я предложил в подъезде каждого большого здания повесить доски с объявлениями всех находящихся поблизости бытовых учреждений. Когда работает баня? Могут ли в прачечной одновременно постирать и отремонтировать белье? Куда позвонить, чтобы приехали за неисправной радиолой? На все это будет отвечать стенд. На нем можно укрепить специальные ящички; жильцы дома смогли бы опускать сюда заказы на вставку стекол, ремонт мебели, натирку полов.

Что для этого нужно? Прежде всего договоренность между жилищными управлениями и управлениями бытового и коммунального обслуживания. А если в это дело вмешаются и домкомы, тогда в ваш дом скоро приедет наше бытовое посольство.

П. ФЕТИСОВ, полотер
Москва.

НИ ПРОЕХАТЬ, НИ ПРОЙТИ

Я коренной ростовчанин и очень люблю свой родной город. Я живу на улице Текучего, которая пересекает весь город с востока на запад. На ней построены красивые здания, многоквартирные дома, стадион, ипподром, городская больница, заводы, фабрики, институт, техникум.

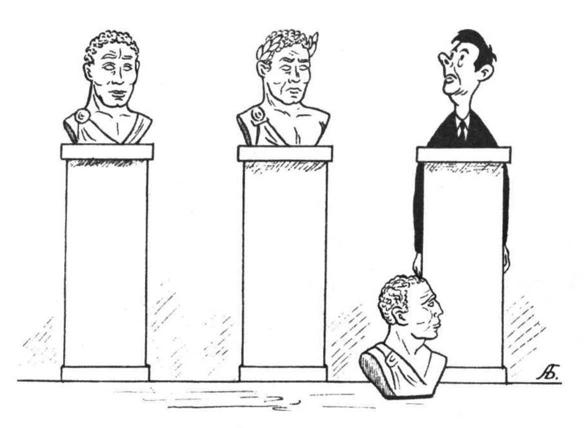
Но есть на нашей улице такое место, где нельзя ни проехать, ни пройти. Для доказательства высылаю фотографию.

Б. ШАПОВАЛОВ
Ростов-на-Дону.

Для своего уютного гнездышка.
Рисунок Ю. Черепанова.

Мания величия.
Рисунок А. Бахвалова.

И все-таки они играют.
Рисунок В. Ильина.

Рисунок польского художника **Ц. Нервиньского.**

Рисунок В. Воеводина.

«Сердцеед».
Рисунок И. Оффенгендена.

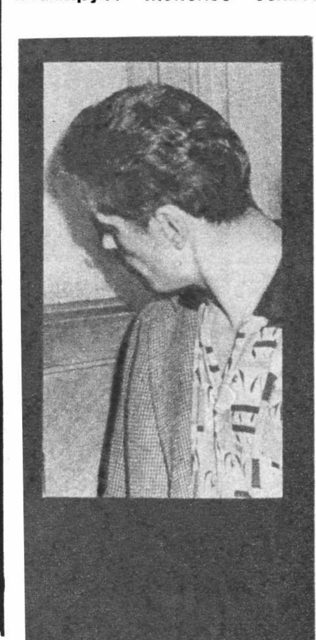
Е. КОРШУНОВ, В. ВИНОГРАДОВ
Фото Ю. КРИВОНОСОВА.

Город погружается в синие сумерки. Один за другим вспыхивают красные, желтые, зеленые огни реклам; разом зажигаются вдоль улиц веселые гирлянды фонарей. В хороший московский вечер на улицах не протолкнешься: после трудового дня москвичи любят погулять, полюбоваться городом.

Москва... Как хочется всем нам, чтобы ты была еще краше, чтобы ничто не омрачало тебя! Как много делает для этого наш работящий, добрый, веселый народ! И все же... И все же приходится сегодня говорить о накипи, о той самой накипи, которая днем таится где-то в глухих закоулках, чудом уцелевших уголках старого, уходящего мира, а вечерами выползает из своих щелей на светлые московские проспекты. Нет-нет да и мелькнет она в нарядной толпе прохожих, у столичных вокзалов, на улице Горького или Пушкина. Впрочем, этих названий для накипи не существует. Накипь не интересуется архитектурой или памятниками. Исторический музей, площадь Революции, Центральный телеграф — все это для накипи лишь удобные места встреч. Здесь творят они свои грязные делишки: пристают к иностранным туристам, выпрашивая поношенные заграничные тряпки, спекулируют крадеными дефицитными товарами, иностранной валютой, не брезгают и морфием.

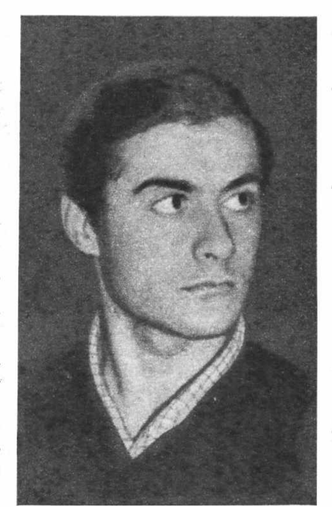
И вот комсомольцы Свердловского района решили: с накипью, поганящей наши улицы, надо кончать, кончать по-настоящему. Долго и тщательно готовился райком комсомола к рейду. В нем участвовали комсомольцы историко-архивного и архитектурного институтов, работники Центрального телеграфа, ГУМа, Детского мира.

Центральный телеграф. Тут всегда людно. И сюда нередко приходят спекулянты и бездельники. А вот и один из них. Это Дмитрий Самохвалов, работающий (чуть больше месяца!) в универмаге «Пассаж». Комсомольцы заинтересовались: что это так упорно навязывал Дмитрий женщинам? Оказалось, Самохвалов рекламирует женское белье: спекулирует модными нижними юбками.

Бездельничанье больше всего по душе Дугласу Парнаозишвили. Прописанный в Тбилиси, Парнаозишвили шлифует московские тротуары. Ничто не может вернуть его домой.

«Дорогой Дуглас! — обращается к бездельнику любимая девушка.— У меня к тебе один совет, как самому лучшему другу. Займись чем-нибудь полезным, из этого безделья ничего не выйдет. Будь умным, послушай и выполни мой совет, потом благодарить будешь. Прошу тебя, умоляю, дорогой мой Дуглас, приезжай в Тбилиси и поступай на работу. Милый мой, любимый Дуглас, если бы я тебя не уважала, я махнула бы рукой на все. Но я хочу, чтобы ты был умным, хорошим и честным человеком. Прошу тебя, Дуглас: выполни мою просьбу. Ну почему ты должен быть хуже своих товарищей, когда можешь быть лучше? Твоя бедная мама не всегда будет тебя кормить и одевать, пора и тебе подумать о будущем. Умоляю тебя, Дуглас...»

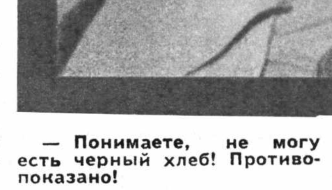

Но Дуглас не едет в Тбилиси. Письмо завалялось в карманах без ответа... Эх, парень, куда ты идешь? Куда катишься?

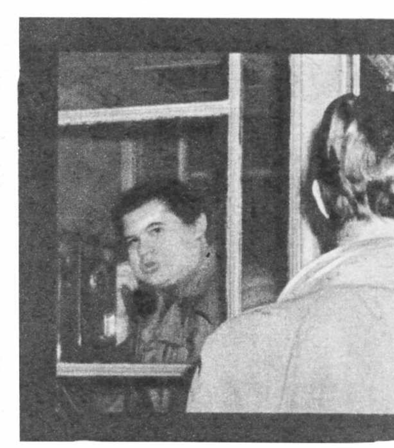
Девятнадцатилетний Сергей Осмоловский обосновался на подступах к ГУМу. Среди такой же братии он именуется «королем пластинщиков» — спекулянтом грамзаписями на рентгеновских снимках. По телефону «король» договаривается с очередным «заказчиком». Этот момент запечатлел наш корреспондент. (См. фото в 3-ей колонке). Вверху вы видите того же Осмоловского (слева) в милиции. Его помощник Евгений Горкун повествует о дальнейших планах на жизнь:

— Может, закончу как-нибудь школу и пойду учиться. Только вот не решил, куда: в Институт имени Плеханова или в Загорскую семинарию. Дядя у меня священник, рекомендацию подпишет.

Потом доверительно сообщает:

— Понимаете, не могу есть черный хлеб! Противопоказано!

Еще один типичный представитель накипи, «Колька-цыган» зовут его дружки. Спекулянт, маклер, хулиган — всех его «достоинств» не перечислишь. Настоящую свою фамилию и место работы он забыл давно и прочно.

— Что такое человек? — философствует он.— Крокодил!

Знакомая философия! Так рассуждали замоскворецкие купцы-воротилы, перед тем как «скушать» конкурента. «Цыган» жалуется: не те времена, не те масштабы...

Владимир Иванов, великовозрастный бездельник, «живет на золоте». Целыми днями околачивается он около ювелирных и скупочных магазинов — покупает, перепродает. Деньги, золото — вот его цель, весь немудреный идеал.

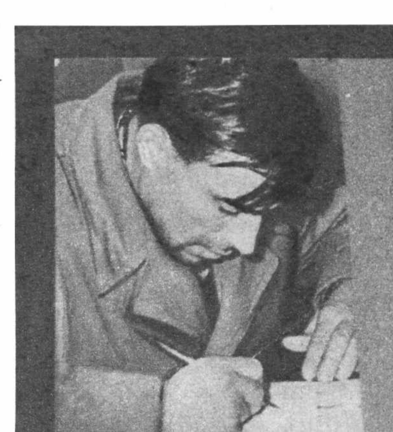

Фото С. Смирнова.

В этот вечер комсомольцы помогли задержать матерого преступника. Внешность Василия Старостина (он же Молчанов) располагает к себе доверчивых простаков.

— Капитан дальнего плавания,— представляется он где-нибудь на вокзале.

Особенно любит «капитан» военных. Знает, как легко можно растрогать человека, прошедшего огонь фронтов, рассказами из солдатской жизни... Знакомство «закрепляется» в ресторане. Затем исчезают деньги, чемоданы... Разве скажешь, глядя на эту физиономию, что за плечами «капитана» четыре судимости и двадцать лет лишения свободы!

Константин Васильевич Выборнов был когда-то литейщиком завода «Динамо». Два года уже пьянствует он на случайно добываемые деньги, хулиганит, издевается над женой. Бездельник живет за ее счет: отнимает и пропивает зарплату — зарплату курьера. Шесть раз привлекался он за

мелкое хулиганство, отсидев в общей сложности шестьдесят три дня!

Кафе «Мороженое» на улице Горького последними покидали Валерий Каспин и Владимир Яковлев. Уходили по традиции со скандалом: «джентльменам» не хватало денег расплатиться за напитки, истребленные ими в кафе, а официантка почему-то никак не хотела понять, что не в деньгах смысл жизни. Каспин за моральное разложение уже исключался из комсомола и из Театрального училища имени Щепкина. Тогда он решил сыграть новую роль: поступил грузчиком на 3-ю швейную фабрику. Говорят, что там он даже проявил себя в самодеятельности и добрячки восстановили его в комсомоле.

— Что вам от меня нужно? — удивляется он.

После выступления ОГОНЬКА

СПЕКУЛЯНТЫ И ТУНЕЯДЦЫ НАКАЗАНЫ

Читатели продолжают обсуждать фельетон о тунеядцах «Наследные принцы», напечатанный в № 29 «Огонька». Мы публикуем сегодня одно из писем и ответ «Огоньку» начальника УВД исполкома Мосгорсовета.

Просим Вас резко и категорически поставить вопрос перед Моссоветом о немедленном выселении из столицы тех типов, которые торгуют иностранным барахлом, и всех им подобных. Мы возмутились, что такие подонки общества живут в столице, унижая достоинство русских людей перед иностранцами.

Почему их нельзя выселить, если они не работают? Ведь они еще тянут за собой некоторых рабочих парней с неустойчивым и еще не развитым вкусом. Мы знаем парня из рабочей семьи, который на все резоны о том, что глупо быть стилягой, отвечает одно: «У меня товарищ, сын инженера, так одевается. Я тоже хочу быть культурным». И в этом стремлении к «культуре» он ни разу за год не был в театре или на концерте, не стал посещать университет культуры, но зато целый год все средства семьи шли на экипировку этого «культурного» сына, который свой досуг отдавал танцам. Если бы побольше писали, говорили о здоровом содержании подлинной культуры, то такая несамостоятельная часть молодежи не шла бы за стилягами, увлеченная их внешним лоском. А «бизнесменов» надо посылать на физическую работу, чтобы они знали, как создаются те блага, которыми они пользуются даром.

Что же предпримут со спекулянтами, о которых писали в «Огоньке»? Выгонят их из Москвы или еще раз будут уговаривать?

А. ЗАЙЦЕВ,
начальник цеха,
Т. КУЗНЕЦОВА,
инженер

Омск.

Начальник Управления внутренних дел исполкома Мосгорсовета тов. Абрамов сообщил редакции:

«Управление внутренних дел приняло решение ликвидировать московскую прописку у героев фельетона «Наследные принцы» С. А. Дубченко и Ю. В. Захарова и удалить их из города».

СЛОВО БУЛЬДОЗЕРИСТА КОМСОМОЛЬЦА ВИКТОРА ЦВЕТКОВА

«Я говорю от имени тех, кто работает: пора покончить с накипью!»

Участники рейда расходились по домам. На Ленинградском шоссе мы увидели мощный бульдозер. Машина широким ножом сгребала вязкие пласты грунта. Свет сильных фар далеко виднелся в ночной темноте. Это заканчивал смену молодой бульдозерист комсомолец Виктор Цветков. Два года назад двадцатилетний парень окончил ремесленное училище и с тех пор работает на одной и той же машине — № 127.

Виктор ежемесячно перевыполняет свою норму. В то время как накипь старается как можно больше урвать от общества и как можно меньше ему дать, молодой рабочий трудится за двоих.

С гневом говорит Виктор о тех, кто живет за счет народа:

— Я расширяю улицу не для того, чтобы по ней шатались бездельники, дармоеды. Пора им испытать на собственной шкуре хороший принцип нашего общества: кто не работает, тот не ест! Как грязь, которую сгребает бульдозер, должна исчезнуть нечисть из нашей жизни. Со мной согласятся все, кто ест честно заработанный хлеб, кто строит дороги и дома, водит поезда и автомашины, лечит больных и учит детей. Я говорю от имени всех, кто работает: пора покончить с накипью!

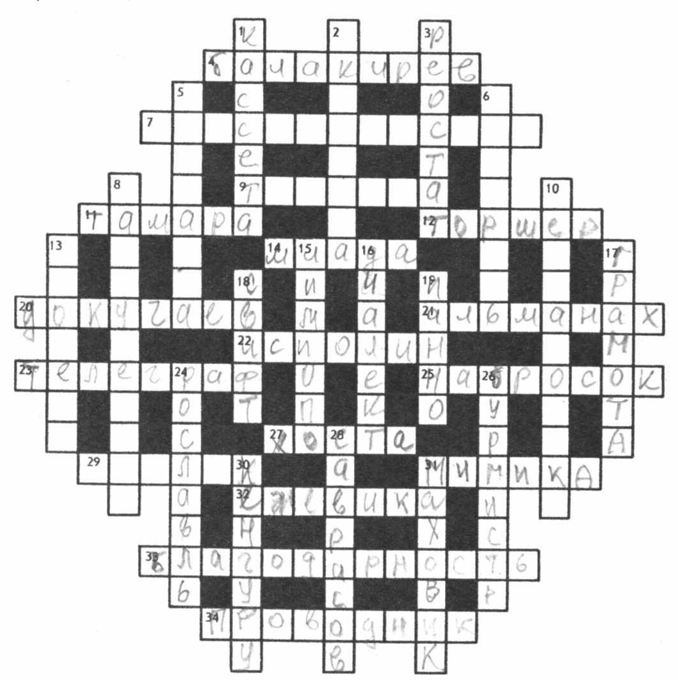
КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Композитор, возглавлявший кружок «Могучая кучка». 7. Летательный аппарат. 9. Средства труда. 11. Героиня поэмы М. Ю. Лермонтова. 12. Лампа. 14. Опера-балет Н. А. Римского-Корсакова. 20. Русский естествоиспытатель. 21. Литературно-художественный сборник. 22. Великан. 23. Вид связи. 25. Незаконченный рисунок. 27. Черноморский курорт. 29. Гриб. 31. Элемент актерского мастерства. 32. Ягода. 33. Признательность. 34. Железнодорожный служащий.

По вертикали:

1. Футляр для фотопленки. 2. Сорт озимой пшеницы. 3. Аппарат для регулирования электрического тока. 5. Приток Иртыша. 6. Порода кур. 8. Создатель подъемника для «Царь-колокола». 10. Звуковая система. 13. Высота грани в правильной пирамиде. 15. Река в Африке. 16. Говор, наречие. 17. Награда. 18. Английский сатирик XVII—XVIII веков. 19. Настенная живопись, скульптура. 24. Город в Смоленской области. 26. Рассказ И. С. Тургенева. 28. Автор картины «Грачи прилетели». 30. Сумчатое млекопитающее. 31. Колесо с массивным ободом на валу машины.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 37

По горизонтали:

6. «Прозаседавшиеся». 9. Клест. 10. Отчизна. 11. Ингал. 12. Строка. 15. Класс. 17. Оссиан. 19. Балаклава. 20. «Переполох». 22. Рапорт. 24. «Репка». 25. Арагон. 29. Тихов. 30. Ростова. 31. Макет. 32. Консервирование.

По вертикали:

1. Восток. 2. Катод. 3. Адмирал. 4. Ишхан. 5. Феникс. 7. Ультрамарин. 8. Канатоходец. 13. Огайо. 14. Атлет. 15. Ковер. 16. «Смена». 17. Омега. 18. Стопа. 21. Спутник. 23. Реванш. 26. Романо. 27. Орден. 28. «Жатва».

На первой странице обложки: Металлургический завод имени Ф. Э. Дзержинского. Здесь работает Иван Зоря.

Фото Дм. Бальтерманца.

На последней странице обложки: Рябина.

Фото Л. Раскина.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Оформление В. Епанешникова.

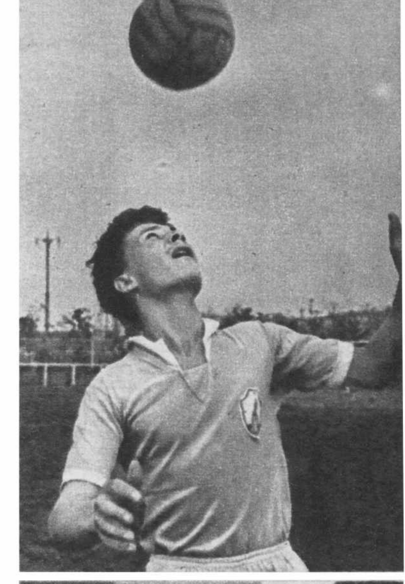
Рукописи не возвращаются.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 07321 Подписано к печати 14/IX 1960 г.
Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л.
Тираж 1 700 000. Изд. № 1559. Заказ 2474.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

ИДЕМ В БОЛЬШОЙ ФУТБОЛ!

На снимке вверху справа: К. Бесков дает совет.

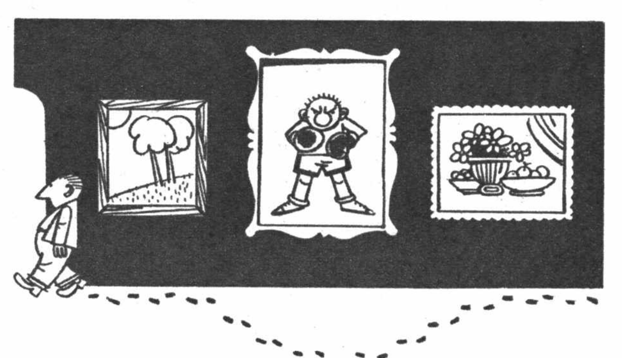
Фото А. БОЧИНИНА.

Не будет слишком смелой фантазией, если представить себе футбольную площадку размером в одну шестую часть земной суши. Ведь всюду мальчишки гоняют круглый мяч.

И, пожалуй, нет такого мальчишки, который не мечтал бы когда-нибудь выбежать под рукоплескания

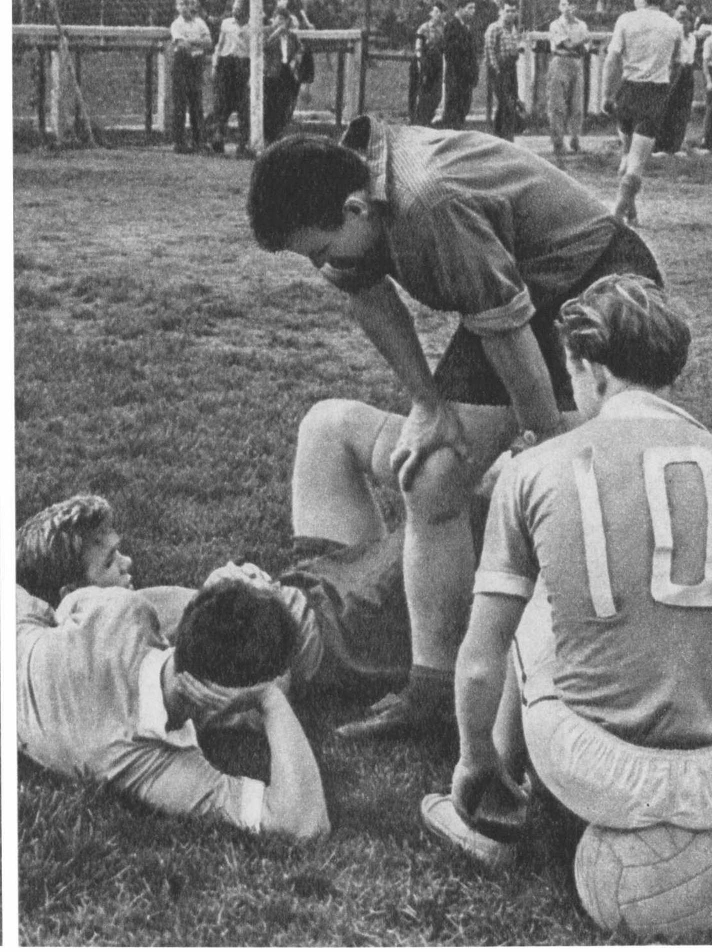
Сила искусства. **Рисунок И. Мелгайлиса.**

«Теоретик». **Рисунок Ю. Черепанова.**

трибун на большое, настоящее поле.

Среди несчитанной армии юных футболистов — организованных и неорганизованных — есть один маленький отряд, который смело и быстро шагает по пути, ведущему в большой футбол. Это воспитанники футбольной школы молодежи Центрального стадиона имени В. И. Ленина в Москве.

Здесь под руководством старшего тренера, заслуженного мастера спорта Константина Ивановича Бескова и его помощников Владимира Сергеевича Сучкова и Владимира Борисовича Аляккринского сто тридцать мальчишек и юношей овладевают секретами спортивного мастерства.

Одни только-только ступили на путь в большой футбол — это самые маленькие, двенадцатилетние. Другие, старшие, уже почти взошли на вершину, как, например, Володя Федотов (на левом среднем снимке), сын Григория Федотова. Володя окончил десятилетку, поступил в институт физкультуры, а что касается его успехов в футбольной школе, то о них говорит такой факт: скоро он займет место в одной из ведущих команд класса «А».

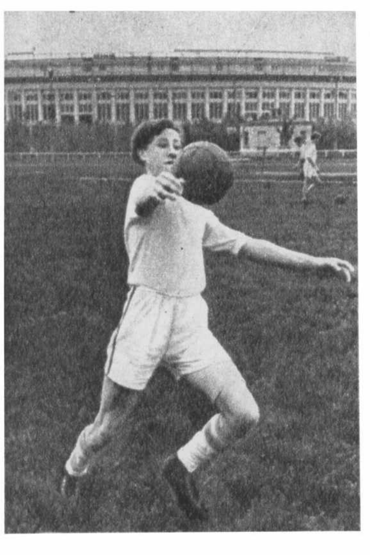
Между прочим, пятьдесят один воспитанник футбольной школы уже выступает за команды мастеров классов «А» и «Б», и многие из них стали в своих коллективах ведущими игроками.

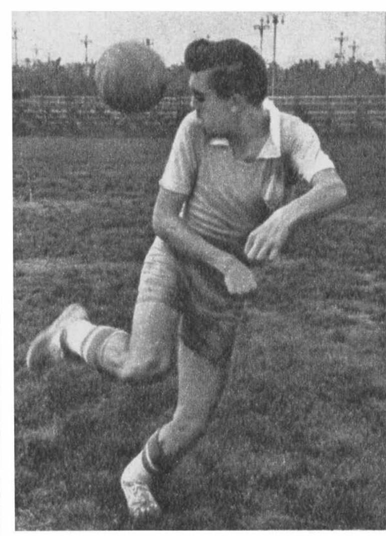
...Звенит под ударом хорошо накачанный мяч. С пятки на колено, с колена на носок, с носка на голову... Мяч послушен, словно привязанный на нитке. Смотришь, как юные футболисты отрабатывают на тренировке технику, и рождается впечатление легкости, виртуозности.

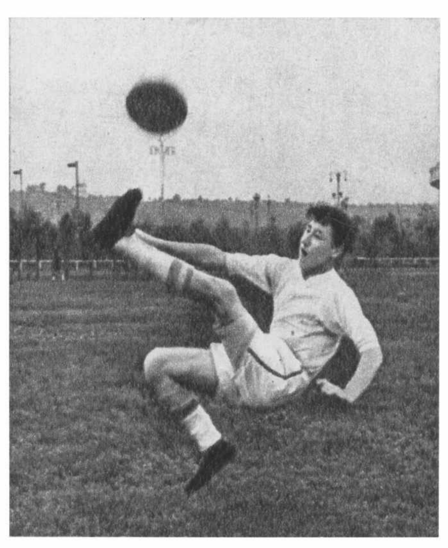
Но чтобы эта легкость закрепилась навсегда, чтобы она проявилась потом, когда придет время выйти на игру, надо много трудиться. А для этого надо очень любить мяч и, конечно, быть строгим к себе, быть всегда подтянутым, дисциплинированным. В школе не терпят ни малейшей расхлябанности ни в чем. И ребята знают: если тренерам станет известно, что кто-то плохо учится у себя в десятилетке, они по головке не погладят.

Большой футбол ждет талантливых и упорных!

О. ПЧЕЛКИН

Когда клуб на замке.

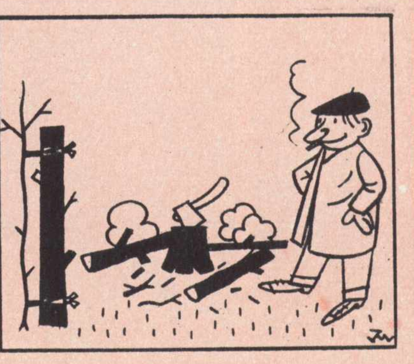
Рисунок И. Касчунаса.

«Помогая» новому.

Рисунок И. Мелгайлиса.

Строитель-бюрократ.

Рисунок И. Мелгайлиса.

Цена номера 3 руб.

